

ISSN 0042—8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2002

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Е. В. Тарле. 1944 год: не перегибать палку патриотизма. Вступление Ю. Н. Амиантова 3

СТАТЬИ

- Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев — План «Барбаросса» 14
- А. А. Куренышев — На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России 36

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А. Э. Гетманский — Петр Александрович Валуев 58

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

- А. С. Велидов — На пути к террору. Вступление И. В. Чуркиной 87

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- П. Н. Зырянов — Молодые годы А. В. Колчака 119
- С. М. Шамин — В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) 134
- Г. В. Кретинин — О возвращении прусской провинции Фридриху II в 1762 году 139

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Д. Ю. Бовыкин** — Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации . . . 144
- Ш. Сили** — Возникновение и источники теории «колонизации» С. М. Соловьева 150
- Р. Е. Кантор** — Н. И. Басовская. Цель истории — история 155
- С. В. Леонов** — В. И. Голдин. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х—90-е гг.) 156
- В. К. Григорьев** — Т. В. Осипова. Российские крестьяне в революции и гражданской войне . . . 160
- И. В. Воробьева** — Н. Я. Эйдельман. Свободное слово Герцена 163
- Ф. А. Молок** — Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939—1945 . . 165

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- И. Ф. Сюбарева** — Обучение немецких детей на территории Калининградской области в 1946—1947 учебном году 169
- И. И. Гольдфаин** — Двусмысленные числа . . . 170
- Г. А. Александров** — К биографии эсера Архангельского 173

Е. В. Тарле. 1944 год: не перегибать палку патриотизма

Ниже публикуется стенографическая запись доклада Е. В. Тарле, прочитанного на заседании ученого совета Ленинградского университета (находился в эвакуации в Саратове) в конце 1943 — начале 1944 г., и его письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову от 10 июля 1944 г., связанное по своему содержанию с докладом.

На совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае — июле 1944 г. высказанные им идеи подверглись острой критике в выступлениях А. М. Панкратовой, А. Л. Сидорова, Э. Б. Генкиной, В. П. Волгина, Б. М. Волина и др. Академику Тарле приписывались отступления от сталинских идеологических установок, «оправдание» колониальной политики царизма, преувеличение значения обширности территории страны для отражения фашистской агрессии, преуменьшение (или даже забвение) роли социально-политического фактора (организаторской функции советской власти и партии) в победах Красной армии. При этом все выступавшие ссылались на ходившую по рукам стенограмму саратовского доклада, хотя Тарле заявлял, что эту стенограмму не видел и не правил, и протестовал против ее цитирования и использования. Однако его протесты не произвели впечатления на критиков. Панкратова пояснила: «Я должна оговориться, что стенограмма, которую я процитировала, автором не правлена. Может быть, т. Тарле мог бы исправить эту стенограмму в данном месте. Но я должна сказать, что это не отдельное место, а все содержание лекции в этом. Здесь исправлять трудно, так как вся лекция отвечает на вопрос о том, что СССР ныне спасли пространства, завоеванные царизмом». Генкина: «Я не читала стенограмм академика Тарле, на которые здесь ссылались. Но он сегодня выступал и говорил о факторе пространства в такой формулировке, что «Московия не могла отстоять себя так, как отстояла себя сталинская Россия». Почему для сравнения берется именно Московия? Ясно, что в основу кладется только пространственный фактор, и это идет совершенно вразрез с тем, что говорил т. Сталин об источниках силы Советского Союза». Волгин: «Раз Е. В. Тарле отмежевывается от стенограммы, будем рассматривать ее просто как материал, который выявляет определенную точку зрения». Щер-

баков: «Стенографистка, писавшая эту стенограмму, была грамотная, с историческим образованием... Стенографистка не может всю стенограмму перевернуть. Она может отдельные слова, отдельные строчки неправильно написать, а вся стенограмма не может быть искажена»¹.

О какой же стенограмме шла речь? В Российском государственном архиве социально-политической истории среди документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), относящихся к совещанию историков летом 1944 г., находится незаверенная и неправленная копия (2-й экз. под копирку) машинописной расшифровки стенограммы под названием: «Доклад академика Тарле на ученом совете Ленинградского университета — О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.»² В том же деле подшиты неправленные стенограммы доклада Тарле «О военно-морской тематике в исторической и художественной литературе» 21 февраля 1944 г. на совещании историков и писателей (вероятно, в Институте истории АН СССР) и публичной лекции «Основные моменты новейшей истории русской дипломатии» (25 февраля 1944 года).

Сравнение стенограммы доклада в Ленинградском университете с цитатами из нее, приведенными в выступлениях историков, убеждает в том, что перед нами та самая стенограмма, которая стала предметом обсуждения на совещании историков в ЦК ВКП(б) и качество которой Тарле оценил негативно. Однако стенограмма оставляет довольно целостное впечатление и по логике изложения, и по фактическому материалу, и по аргументации. Запись доносит принципиальный смысл доклада, хотя возможно, некоторые фрагменты выступления Тарле записать не удалось.

Почему же Тарле стремился дезавуировать неплохую, в целом, запись? Причина, вероятно, та же, которая заставила его обратиться с письмом к Щербакову для разъяснения своих научно-идеологических позиций. Тарле был «пойман» на несоблюдении устоявшихся правил, известных идеологизированных форм выражения мысли. Некоторые из участников совещания выставляли его перед руководителями партии и аппарата ЦК как человека идеологически недостаточно зрелого и опытного. В самом деле, в стенограмме не зафиксированы ссылки на Сталина, цитаты из Сталина, отсутствует обязательное для обсуждавшейся темы осуждение колониальной политики царизма. В записи нет и намек на текст, пересказанный в письме к Щербакову, заканчивавшийся эффектной фразой «Сталин и сталинская правительственная организация». Вряд ли стенографистка могла полностью игнорировать столь важные формулировки. Скорее всего, Тарле считал возможным опустить некоторые обязательные для публичного выступления того времени элементы, так как считал свой доклад в узкой профессиональной аудитории неофициальным и в чем-то даже конфиденциальным. Достаточно в этой связи отметить информацию о совещании группы экспертов при Комитете по Сталинским премиям, в стенограмме названном секретным, о настроениях «на верхах и в учреждениях политических и партийных» и др.

В докладе говорится о необходимости дополнительных исследований и пересмотра укоренившихся взглядов по вопросу о присоединении к России территорий окраин. Подчеркиваются и основные побудительные мотивы пересмотра: прежде всего политический, а именно, современное положение ряда народов в составе СССР, «под режимом Сталинской конституции», которое, по мысли Тарле, заставляет оценивать исторический процесс

территориального расширения царской России как явление прогрессивное. Другая мотивация пересмотра связана с идеологической ситуацией в стране, воюющей с фашизмом. Труды историков должны помогать (а не мешать) укреплению единства народов многонациональной страны, воспитанию патриотизма, в частности, и на боевых традициях вооруженных сил царской России.

Публикуемые документы хранятся в РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 134—141 (неправленная машинописная копия стенограммы доклада); л. 169—171 (автограф письма Тарле Щербакову). Публикация подготовлена Ю. Н. АМИАНТОВЫМ.

Примечания

1. См. стенограмму упомянутого совещания историков: Вопросы истории, 1996, № 2, с. 71; № 5-6, с. 94; № 7, с. 98; № 7, с. 80, № 9, с. 51.
2. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 134—141.

Доклад академика Тарле на Ученом совете Ленинградского университета — О роли территориального расширения России в XIX—XX веках

Проф. Тарле. Товарищи! Я хочу выступить сегодня перед вами по вопросу, который очень интересует нашу историческую общественность Москвы и интересует, несомненно, ученых всей страны, и мой университет, которому я сейчас делаю доклад, разумеется, должен быть поставлен в курс дела.

Я начну с того небольшого сообщения, которое дало толчок обсуждению вопроса, о котором я буду вам докладывать. Началось дело с заседания очень замкнутой, небольшой нашей группы отборочной комиссии нашего Сталинского комитета¹. Эта отборочная комиссия не имеет строго официального значения. Там участвуют два лица из основного Комитета и, затем, мы приглашаем тех лиц, которые нужны Комитету. На этот раз мы по одной работе, очень нас интересующей, пригласили экспертов со стороны и вынесли некоторые решения. Дело шло об очень интересной книге (лично мое мнение о ней очень хорошее, при всех ее недостатках) — это коллективный труд, вышедший под редакцией Панкратовой и деятелей Казахстана, — по истории Казахстана². Это большой труд. Эта книга напечатана и поэтому может быть подвергнута теоретическому обсуждению со стороны широких слоев общественности. Во-вторых, он основан на источниках архивных — опубликованных и неопубликованных — и заслуживает внимания. Конечно, в нем есть некоторые недостатки, но он является некоторым событием в исторической науке, потому что он является попыткой изучения истории одного из народов, вошедших в состав Советского Союза.

Амиантов Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Российского государственного архива социально-политической истории.

Затруднения возникли здесь вот по какому поводу. Я считаю возможным довести до вашего сведения суть этого секретного совещания. Сомнения возникли вот по какому поводу: в некоторых главах, которые посвящены присоединению Казахстана к общей советской территории, в этих главах обнаружен рецензентами неуместный тон, как если бы дело шло, если бы историки писали историю обороны страны от варваров, которых нужно удалить, — тон явно враждебный относительно русских войск и русских деятелей, которые принимали участие в деле включения Казахстана в Россию.

Это замечание рецензентов произвело впечатление на нашу комиссию очень серьезное. Если бы не это, то прямо скажу, что работа прошла бы на получение если не первой степени, то второй степени Сталинской премии. Но эти замечания заставили внимательно вчитаться в этот труд, и число голосов, отрицательно относившихся к такого рода постановке вопроса, стало быстро уменьшаться. Конечно, было бы несправедливым снять эту работу совсем, и было решено отложить решение до широкого обсуждения общественного этой книги. Мы с некоторыми органами партии и правительства решили назначить заседание в редакции журнала «Под знаменем марксизма»³, журнала, который интересуется рядом вопросов исторических в нашем Союзе. И было решено устроить в один из ближайших дней (не знаю, может быть, это случится, по случаю моего отъезда, без меня) широкое обсуждение с привлечением историков, находящихся в Москве, и, может быть, после этого эта работа вернется опять в Комитет, и тогда дело будет решено. Так обстоит вопрос.

Вот внешний толчок, который дал мне повод предложить вам выслушать некоторые мои соображения по общим вопросам, потому, что дело касается не только Казахстана; мне представляется эта работа очень хорошей, и мне жаль, что так случилось, что придется ее пересмотреть. Мне кажется, что настала пора поставить некоторые точки над «и» и определить взгляд, что представляет территория России.

Я понимаю, что когда обсуждался этот вопрос в комиссии, то на верхах и в учреждениях политических и партийных очень этим заинтересовались, они говорили о том, дадим ли мы премию этой работе без обсуждения. Эта неувязка не могла не броситься в глаза. Сталинский комитет, который стоит во главе обороны, стоит на стороне врага⁴, который поставил вопрос о расчленении России. И вдруг на нашей территории выходит произведение, которое сообщает, что так-то русских поколотили, там-то отбросили и т. д. Здесь то, что говорится людьми, которые стремятся к расчленению нашей территории и т. д. Это люди, у которых совершенно другие стремления. Это касается многих частей Союза. Русская империя, подобно Римской империи, — это огромное образование, которое сплотилось, это образование живет как единое государство, — и как смотреть на те события, которые создали это колоссальное тело?

Если сейчас мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории; это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов. Говорить об этом факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении, как о каких-то удавившихся набегах варваров на отдельные государства — говорить об этом совершенно не приходится. Если взять то, что писалось за последние 20 лет о Кавказе (я

беру как пример), то вы увидите, что наряду с определенным намерением воздать долг патриотическим порывам (например, Шамиль), конец этого окончательного вывода должен получить сцепление с современностью.

Хорошо, Шамиль и его приверженцы героически сражались за то дело, которое они считали правым, все это так, но уместно ли в 1943—44 гг., или в 1935—39 гг., или когда хотите, оплакивать окончательные результаты этой войны? Ведь история живет теми секундами, которые были. Вот мы и должны отдать отчет в борьбе, конечно, долгой, отчаянной, конечно, много черкесской, кавказской, русской крови было пролито — как с точки современности смотреть, что это — хорошо или плохо? Что здесь — прогресс или регресс заключается в том, что кавказские племена живут теперь под Сталинской Конституцией, а не под теократией Шамиля, потому что шамилевская теократия была одной из самых упрощенных и самых регрессивных, самых варвароподобных форм деспотизма.

Если мы поставим вопрос, что люди боролись за дело, которое они считали нужным, правым и т. д., то можно ли сейчас тосковать о том, что это дело им не удалось? Я думаю, что здесь двух ответов быть не может. Когда немцы толкались и не протолкнулись к Сочи, то они целыми тысячами прокламаций забрасывали, где они говорили, что вспомните Шамиля и т. д. Вот можем ли мы давать повод врагу говорить, что, вот, посмотрите, сами русские признают, что они производили разбойничьи набеги и т. д.?

Отходим от Закавказья, берем Хиву, Бухару, Туркестан. Что делается в литературе, в популярной литературе? Делаются вещи не всегда доброкачественные. Затеваются набеги с целью приобретения пленников, имущества со стороны этих царств — это изображается так, что жили цветущие государства, и вот, русские пришли, и в разбойничьем порыве они уничтожили эти царства.

Снова скажу, что нелепо было повторять старые патриотические сказочки, которые во времена империи выставлялись, но диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года. Без этого не обойтись, и здесь так же ставится вопрос: плюс или минус, что Хива и Бухара со Средней Азией теперь с нами, а не находятся в прежнем, до-русском положении. Двух ответов быть не может. Коли это так, то следует условиться, как беспристрастно подходить к тому, что случилось, и писать без тех страстных выпадов, которые портят даже самые хорошие исторические произведения. Тут можно сказать, выражаясь словами одного из персонажей Льва Николаевича Толстого, — «от нее все качества», и, конечно, здесь эта школа Покровского сыграла свою роль. Конечно, когда в 20-х годах эта школа делала свое дело и сворачивала мозги студентов, куда не следовало сворачивать, когда говорилось, что эта злостная империя, которая провалилась в тартарары и т. д., — это было логически с точки зрения этой школы, но не с нашей точки зрения. Этот вопрос, который сейчас является, возникает вследствие этого случайного обстоятельства, он стал на очередь дня. Разумеется, у нас, как всегда, перегибают палку. Это случается очень часто. Если у нас говорят, что такой-то человек делает свое дело правильно, то забывают все отрицательные явления со стороны этого человека. Положительную роль, разумеется, в истории сыграли Иваны III и IV и Василий III, роль людей, которые собирали русскую державу, но если мы отметим воззрения старого дворянства и признаем,

что очень много положительного в XVI столетии было сделано, то это не значит, что мы должны из этого соображения изображать Ивана III с крыльшками, ангелом, забывая его отрицательные качества, — этого никогда не следует делать. Как бы ни молитвенно было наше настроение, как говорилось раньше, не следует разбивать себе лба. Это я говорю как пример. Так и здесь. Если мы встанем на точку зрения решительно патриотическую, точку зрения, имеющую очень много за собой, в особенности теперь, когда русское государство спасает человеческую цивилизацию, — очень извинительно увлекаться сейчас русским патриотизмом, которым сейчас увлекаются и в Англии, и в США, и в Швеции, и в Швейцарии. Это сейчас извинительно, но даже принимая это во внимание, мы, как историки, обязаны палки не перегибать и должны удерживаться от слишком большого увлечения, которое может только повредить нашей правильной позиции. В этом сомнений нет. Мы можем сказать, что теперь, в 1943—44 гг., Хива, Бухара, Фергана, Ахал-Теке, — что все они находятся под режимом Сталинской Конституции; мы должны это признать как очень и очень положительный факт, но если мы по этому поводу будем изображать Скобелева ⁵ каким-то филантропом типа доктора Гааза ⁶, например, то это было бы неправильно. И мы должны установить точку зрения на Россию, на государство, создававшееся во время очень долгой, кровопролитной, жестокой борьбы, где многое можно поставить в актив и иное в пассив русскому народу, но, принимая во внимание ту роль, которую в мировом масштабе играет Россия, мы должны с особой осторожностью и бережностью относиться к тому, как выковывалось это оружие, этот инструмент, который спасает сейчас не только нас одних, но спасает земной шар — ни более ни менее.

У нас совершенно не отмечается, когда мы говорим о колониальных завоеваниях, — я читаю сплошь и рядом эти псевдоисторические сочинения, и я там сплошь и рядом вижу, как говорится, что индусы томятся под игом Англии и ждут освобождения, — точно так же и наши, и т. д. Это точно так же указывает на черту некоторого непонимания, ведь устанавливать какую-то уравниловку и подводить все под колониальные завоевания — нельзя. Здесь также есть всякие нюансы. И говорить о конквистадорах, которые приезжают из другой страны и завоевывают то, что ничего общего с ними не имеет, не имеет никакого хода и перехода, — это одно. А другое дело постепенное продвижение России в Крым и на Кавказ, которое вызывалось необходимостью. Крымская орда поставила этот вопрос не только своими постоянными набегами на Русское государство, но тем, что Россия платила им постоянную дань. Индусы не нападали на Англию, крымцы нападали на Россию.

Походы 18... года затеяны как оборонительные. Пальмерстон тоже хотел изобразить все свои походы как оборонительные, но это была только попытка показать это, а мы знаем, что эти походы были агрессивными ⁷. Повторять нам это мнение Пальмерстона, ставить штамп советских историков на эти измышления — не приходится. Это происходит в связи с очень слабым знанием истории дипломатии. Но как вы увидите, целый ряд таких случаев, появление тех или иных книг, очень почтенных во многих частях, но вызывающих большую критику в тех частях, которые касаются продвижения России, — ставит этот вопрос.

И я хотел, дорогие мои товарищи, члены Ученого совета, поставить вас в курс тех контроверз, которые вызваны контроверзами даже не академи-

ческого типа. Потому что нашими поступками очень заинтересовались те, кто не пишет, а делает историю, и они вправе были этим заинтересоваться. И мы, люди, которые должны давать это одобрение, ставим свой штамп, позволим, чтобы это завтра было переведено на немецкий язык с нашего одобрения? Я считал нужным эту очень важную сторону здесь отметить и желаю знать, как товарищи мои посмотрят на это дело.

Проф. Вознесенский ⁸. Товарищи члены Ученого совета, имеются ли вопросы по сообщению Е. В.?

Проф. Вайнштейн ⁹. Почему Е. В. не коснулся расширения границ на восток и не коснулся расширения границ на запад?

Проф. Тарле. Видите ли, я не касался этого без какого бы то ни было умысла, просто потому, что по сути дела тут случайное событие, которое дало на историческом фронте тот контrovers, о котором я говорил. Это касается Востока, но можно сказать многое и о Западе. У нас среди богатых залежей всего того, чего не касались русские историки, есть и этот вопрос о западных границах России. Здесь первый вопрос — о разделе Польши. Екатерина II в 1755 г. писала Гримму, что «поляки предлагают мне титул королевы», «но я не могу этого сделать, потому что у меня нет ни одной польской территории: Литва — это не Польша, Белоруссия — это не Польша» ¹⁰. Ей вообще многое предлагали — одни предлагали даром, другие за то или другое, за динары или червонцы, за червонцы или без червонцев. Она могла делать в отношении Польши все, что хотела. Если бы ставился вопрос так, что живет самостоятельное польское государство и Россия накладывает свою руку на ту или иную его часть, хотя бы Литву или Ливонию, которые никогда в Польшу не входили, тогда многое из писаний польских историков могло бы считаться правильным. Нападение и уничтожение польского государства — но мы знаем, что это не так. В архивах польских актов, который был назван «Архивом древних актов», так в этом «Архиве древних актов» вы можете многое в этом смысле вычитать о том, как дело шло. Мы знаем секретную переписку Фридриха II с конфедератами, и мы видим, что или Литва была бы прусской и вся Белоруссия была бы присоединена, или Екатерина должна была выступить.

Очень интересно, когда с этим вопросом сталкивались фанатические умы, в пользу поляков настроенные, как, например, Герцен, который, когда узнал, что дело шло о расчленении Польши, то он ухватился за демократический комитет ¹¹. Демократический комитет понимает, что там живут не поляки. Демократический комитет был в меньшинстве в Северной Америке, которые изображают оппозицию по отношению... ¹².

Это была меньшая часть, но Герцен за них судорожно ухватился ¹³, что мы должны восстановить Польшу в пределах 1772 г. и затем мы им предоставим высказаться. Мы знаем, как Пилсудский пред[о]ставляет это «высказаться», а Герцен за это ухватился. Он ухватился за этот Комитет потому, что ухватиться за то, что говорили Адам Чарторыйский, Замойский и другие ¹⁴, он не мог. Когда ему стали доказывать, чего хотят поляки, и когда он понял, что они хотят получить 9 воеводств, и на его вопрос ему ответили, что эти 9 воеводств — это Виленское, Ковенское, Волынское, Подольское, Киевское и т. д., и только когда он узнал, что они хотят отнять Киев от России, то он раскланялся с ними, и это погубило их, что и сейчас их губит. Вот у нас очень плохо знают разделы Польши. У нас есть старая добросовестная книжка такого историка, который сделал большое дело,—

это Соловьев, его книга «История падения Польши», она дает освещение некоторых вопросов, но не углубляет их. У нас есть книжка Костомарова «Последние годы Речи Посполитой»¹⁵ — он не любил поляков, книжка написана блестяще, там вы найдете то, что вы найдете в некоторых документах, как поляки распродавали свое отечество тому, кто больше даст. Но и там не все написано. И когда это будет писаться и когда кто-нибудь будет изображать Екатерину II как благодетельницу рода человеческого, когда Екатерина ничего не сделала для уничтожения крепостного права, если это будет кто-нибудь изображать, то это также будет ошибочно. Об этом нужно и должно было писать. Нужно было писать и о Финляндии, потому что лживая пропаганда говорила о том, что русские завоевания задушили Финляндию и т. д. Финляндия получила конституцию, и эту конституцию дал им Александр. Государство создал Александр, который создал им государство, и он совершил преступление, за которое заплатили кровью наши красноармейцы. Александр пожертвовал им Выборгскую область¹⁶. Здесь можно многое и многое говорить, и здесь многое нужно пересмотреть, не увлекаясь никакими необузданными порывами.

Письмо Е. В. Тарле А. С. Щербакову

10 июля 1944 года

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Вчерашние «семь минут» меня не удовлетворили¹⁷. Позвольте дополнить кое-чем, что имеет, по-моему, интерес общий.

О «личных» вопросах я сказал достаточно. Повторяю, что *категорически*¹⁸ отмечаю прочь вздорные два утверждения, вычитанные в никогда мной не виденной стенограмме. Вы читали и I[-й] том «Истории дипломатии» (все мои главы), и корректуру большой, в 100 страниц, моей статьи во II томе «Истории дипломатии», написанной мной по прямо выраженному мне желанию Иосифа Виссарионовича, и, может быть, просмотрели хотя бы бегло два тома моей «Крымской войны»¹⁹ — и мне нечего Вам доказывать, что я 1) *всегда* считал царизм жандармом Европы, и 2) *всегда* считал, что Октябрьская революция положила *рубеж* в истории России и всего мира и покончила с мрачным прошлым, и 3) что никогда не говорил я и не мог сказать этой глупости, как то, что «пространство» — главное наше преимущество в обороне. Я сказал, и никто с этим не может спорить, что среди условий, которыми одарена Россия и которыми блистательно воспользовалась (т. е. которые использовала) организующая победу Советская власть — есть и пространство. Этим условием, как и всеми другими, более важными: русским героизмом на войне, богатыми и разнообразными талантами русского народа (и других народов России), его энергией, его выносливостью, — не сумело воспользоваться царское правительство, хотя все эти условия были налицо, а сумели воспользоваться Сталин и сталинская правительственная организация. Но я согласен, что, раз мою мысль не поняли и напутали в ее изложении, я должен воспользоваться первым же случаем, чтобы ее разъяснить. Я выступаю перед тысячными аудиториями и непременно это сделаю. Я так часто и много на лекциях говорю о нынешней войне, о Сталине гениальном, вписывающем на скрижали истории такие совсем до сих пор неслыханные, небывалые победы, что приписывать мне непонимание центральной роли человечес-

кого фактора (великого полководца, героической армии, народа, знающего, за что он борется и что защищает) — приписывать мне тупость в оценке событий можно лишь либо по легкомысленной небрежности, либо с недобросовестным умыслом.

Очень порадовало меня (и всех, кроме редакторов «Историч[еского] журнала») то, что Вы сказали об этом органе²⁰. Но это стоит в связи с вопросом большой важности. У нас (скажу с «большевистской откровенностью», ибо считаю себя беспартийным большевиком) — у нас мало уважают — или недостаточно уважают — исследовательскую работу на историческом фронте. У нас исторические органы редактируются людьми, за которыми нет, не было и никогда, вероятно, не будет *ни единой* исследовательской строки.

У нас слишком часто, когда человек, не покладая рук, не выходя из архивов, выпускает в свет исследование, то ему не говорят спасибо за то новое, что он дал науке, а сплошь и рядом стремятся ухватиться за какую-нибудь фразу, кажущуюся не вполне согласной и шаблонной формулировкой, чтобы развязно, истинно по-наезднически налететь на автора.

Теперь это происходит на историческом фронте значительно реже, но во времена Покровщины это наездничество было в моде и на этом некоторые горе-историки делали себе карьеру, не имея решительно никаких трудов.

Конечно, Вы правы, требуя, чтобы исторический журнал занимался наукой, а не легонькими газетными статейками. Но сделайте же еще и то, что Вы, люди власти, люди огромного политического и морального авторитета, можете сделать: напомните, что Вы дорожите исследовательской работой также и на историческом фронте.

Мне постоянно приходится, по договоренности с Совинформбюро и с Наркоминделом выступать за полной подписью в американской и английской прессе со статьями, с радиовещаниями и т. д. Мои исследования переводятся на иностранные языки, меня там знают именно как исследователя. И Советская власть постоянно от меня требует тех или иных мнений, фактических справок (по вопросам иностранной политики) именно как от исследователя, и я несу эту ответственнейшую работу, не щадя сил.

Таким образом, я лично нисколько не жалею о отношении власти к достоинству исследователя и исследовательской работы.

Но сказать, что среди нашей исторической общественности совсем исчезли очень злокачественные, очень вредоносные пережитки Покровщины, — я не могу, и никто Вам не скажет. Нет, очень они еще живучи.

Мы идем к величайшей, окончательной победе над фашистской мерзостью. Нужно, чтобы исторический фронт СССР занял подобающее ему и нужное сейчас руководящее место в Европе, потому что если в Германии, в ее историографии царит гитлеровщина, то в остальной Европе (я это знаю, потому что слежу за этим) царит, если можно так выразиться, — «научная» лавалевщина или квислинговщина. Нам, советским историкам, предстоит поэтому большая идейная борьба, и мы должны предстать во всеоружии исследовательского авторитета и ученых заслуг.

Простите, что отнял у Вас время — и многого все-таки не сказал. Но все-таки на чтение письма у Вас ушло меньше времени, чем на личное свидание. А сказать Вам все это очень хотелось.

Ваш Е. Тарле.

Тел. В 1-26-95.

Примечания

1. Имеется в виду Комитет по Сталинским премиям в области науки при Совнаркомe СССР. Сталинские премии были установлены по решению Совнаркома от 20 декабря 1939 г. в ознаменование 60-летия со дня рождения И. В. Сталина.
2. История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней. Под ред. А. М. Панкратовой и М. Абдукалыкова. Алма-Ата. 1943. Книга стала предметом острой дискуссии на совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае — июле 1944 года. Стенограмму совещания см.: Вопросы истории, 1996, № 2-9.
3. «Под знаменем марксизма» — ежемесячный философский и общественно-экономический журнал, выходивший с 1922 года. В мае 1944 г. закрыт в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии».
4. Так в тексте. Видимо, следует читать: «На страже врага».
5. Скобелев М. Д. (1843—1882) — генерал от инфантерии (1881 г.), участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и военных экспедиций России в Среднюю Азию (1873—1876, 1880—1881). Проявляя решительность и жестокость, руководил подавлением антирусского восстания в Кокандском ханстве.
6. Гааз Ф. П. (1780—1853) — с 1830 г. главный врач московских тюрем. Прославился своей активной деятельностью по либерализации тюремного режима, улучшению медицинского и санитарного обслуживания заключенных.
7. В период Крымской войны (1853—1856) премьер-министр Великобритании лорд Пальмерстон выступал с программой отторжения от России ряда регионов: Финляндии, Польши, Кавказа, Крыма и др. (История дипломатии. Т. 1. М. 1959, с. 655—656).
8. Вознесенский А. А. (1898—1950) — профессор политэкономии и ректор Ленинградского университета (1941—1948), затем министр просвещения РСФСР, брат Н. А. Вознесенского, члена политбюро ЦК ВКП(б) и председателя Госплана СССР. Арестован и расстрелян по «Ленинградскому делу».
9. Вайнштейн О. Л. — историк, профессор Ленинградского университета.
10. Гримм М. (1723—1807) — немецкий дипломат, литературный и музыкальный критик, публицист. Жил главным образом в Париже. С 1774 г. корреспондент Екатерины II. В дате письма Тарле, видимо, делает ошибку.
11. Ошибка в записи. Правильно: Центральный национальный комитет.
12. Фраза не дописана.
13. Речь идет об отношении А. И. Герцена, поддерживавшего польское восстание 1863 г., к одному из главных пунктов программы Центрального национального комитета (руководящий орган восстания) о восстановлении независимости Польши в границах 1772 г. (до первого раздела). Практически это означало отторжение от Российской империи Правобережной Украины, Белоруссии, Курляндии, населенных в большинстве своем не поляками. Под влиянием Герцена Комитет в сентябре 1862 г. связал пункт о границах 1772 г. с правом на самоопределение населения указанных регионов (Русско-польские революционные связи. Т. 1. Мат-лы и док-ты. М. 1965, с. XIX).
14. Имеются в виду польские князья Чарторыские: Адам Казимир (1737—1823) — государственный деятель Польши периода разделов, или его сын, Адам Ежи (1770—1861) — сподвижник Александра I, министр иностранных дел России в 1804—1806 годах. Замойский — вероятно, Анджей (1716—1792) — граф, государственный деятель последнего периода самостоятельного существования Польши.
15. СОЛОВЬЕВ С. М. История падения Польши. М. 1863; КОСТОМАРОВ Н. И. Последние годы Речи Посполитой. СПб. 1886.
16. Принципы государственного устройства Финляндии как Великого княжества в составе Российской империи были определены Высочайшей грамотой Александра I Боргосскому

сейму (март 1809 г.) и императорским манифестом в феврале 1816 года. Выборгская губерния присоединена к России по Ништадтскому миру со Швецией 1721 года. Передана в состав Великого княжества Финляндского в 1811 году. Выход Финляндии из состава России в конце 1917 — начале 1918 г. и установление ее государственной независимости сопровождались гражданской войной.

17. На последнем заседании совещания историков в ЦК ВКП(б) было решено дать слово (до 7 минут) ранее выступавшим участникам для справок и ответа на критику. Первым получил слово Тарле (Вопросы истории, 1996, № 9, с. 50).
18. Здесь и далее отдельные слова подчеркнуты автором письма.
19. История дипломатии. Т. 1-2. М. 1941—1945; ТАРЛЕ. Е. В. Крымская война. Т. 1-2, М.-Л. 1941—1943; Казань. 1944.
20. Щербаков подверг «Исторический журнал» критике в кратком выступлении 8 июля 1944 г. (Вопросы истории, 1996, № 7, с. 86). По постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1945 г. «Исторический журнал» (считавшийся научно-популярным) был реорганизован в научный журнал «Вопросы истории», орган Института истории АН СССР.

План «Барбаросса»

Ж. А. Медведев, Р. А. Медведев

План войны против СССР, получивший кодовое название «Барбаросса» (в честь Фридриха Барбароссы, германского короля и римского императора в XII веке), утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г., намечал датой вторжения 15 мая 1941 года. Основные детали этого плана стали известны Сталину уже в январе 1941 г. из сообщений советской разведки. Один из наиболее надежных советских агентов в Германии А. Харнак, референт рейхсминистерства экономики Германии, подписывавший свои шифровки кодовым именем «Корсиканец», сообщал в телеграмме от 24 марта 1941 г. о том, что середина мая была выбрана в связи «...с намерением немцев сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь уже зеленый хлеб»¹. Нарком госбезопасности В. Н. Меркулов разослал это сообщение Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берия и наркому обороны С. К. Тимошенко. Нет никаких оснований считать, что советское руководство отнеслось к этому объяснению сроков начала войны с недоверием, тем более, что еще один надежный советский агент Р. Зорге сообщал из Токио, что по информации, полученной им от германского посла в Токио Е. Отта и военно-морского атташе, дата нападения на СССР определяется «...завершением посевной кампании в СССР. После окончания посевной кампании война против СССР может начаться в любой момент и Германии останется задача лишь убрать урожай»².

Сообщение от Зорге пришло в Москву в начале мая, когда дата начала войны с СССР была уже перенесена на июнь из-за неожиданного развития событий на Балканах. Посол Германии в Токио получал секретную дипломатическую почту из Берлина с большим опозданием, так как с апреля 1941 г. вся диппочта, ранее следовавшая в Японию через СССР по Транссибирской магистрали, доставлялась более дальним путем. Отказ Германии от использования Транссибирской железной дороги не только для диппочты, но и для стратегического импорта каучука из Юго-Восточной Азии, не прошел незамеченным в СССР. /

Медведев Жорес Александрович — публицист. Великобритания; *Медведев Рой Александрович* — кандидат исторических наук.

Сталину и военному руководству СССР было также известно, что вдоль всей западной границы СССР происходит концентрация основных ударных сил немецкой армии. К концу марта 1941 г. Германия сосредоточила на границах с СССР в бывшей Польше, в Румынии и в Финляндии более ста дивизий вермахта. Вооруженные силы Румынии, Венгрии, Финляндии и даже Словакии также приводились в боевую готовность. Советский Союз тоже увеличивал свои военные силы в пограничных западных округах, но какого-либо беспокойства в политических и военных верхах СССР пока еще не было. Для успешной кампании против СССР Гитлеру было необходимо прежде всего обеспечить южный фланг, где в конце 1940 г. создалась очень опасная ситуация. Греция была союзницей Великобритании и ее аэродромы могли использоваться для бомбардировок нефтяных промыслов в Плоешти в Румынии, бывших в то время главным источником жидкого топлива для немецкой военной машины. У Германии не было границы с Грецией и поэтому первую попытку оккупации Греции предприняла Италия, уже покорившая Албанию. Однако итальянские войска, вторгшиеся в Грецию в октябре 1940 г., были разгромлены. Греческая армия не только изгнала из своей страны армию Муссолини, но и захватила плацдарм на территории Албании. Это было первое серьезное поражение так называемого «Тройственного союза», или «Оси Берлин — Рим — Токио». Великобритания оказала Греции немедленную помощь. Имея на Средиземном море самый мощный флот, Великобритания осуществила высадку своих войск на Крите и отправила в Грецию экспедиционный корпус, в составе которого были три дивизии и танковая бригада. Греческие аэродромы вокруг Афин стали базами для британской авиации. В этих условиях Гитлер не мог принимать окончательные решения по плану «Барбаросса» до тех пор пока Греция и ее британский союзник не будут разгромлены.

При вторжении германской армии в Грецию необходимо было учитывать специфику территорий и дорожных систем Румынии, Венгрии, Югославии и Болгарии. Кроме того, обеспечение военного союза с этими странами требовало времени. Румыния и Венгрия быстро согласились присоединиться к Тройственному союзу уже в конце 1940 г., однако, Болгария и Югославия после поражения Италии заявили о своем нейтралитете. В этих условиях Гитлеру приходилось планировать возможную оккупацию всего Балканского полуострова и это не могло не отразиться на сроках «Восточной кампании».

Под сильным давлением Германии Болгария согласилась присоединиться к Тройственному союзу 1 марта 1941 года. Югославия сопротивлялась угрозам Гитлера еще три недели и только 18 марта Гитлер был уведомлен о готовности Югославии к вступлению в Союз. Формальное подписание Югославией Тройственного пакта было намечено на 25 марта. Эта церемония состоялась в Вене. Нападение германской армии на Грецию было запланировано на 1 апреля, на подготовку операции отводилась лишь одна неделя. Гитлер очень торопился. Но и на этот раз вторжение пришлось отложить, так как на рассвете 27 марта в Белграде произошел государственный переворот и к власти пришло просоветское и пробританское правительство. Ликующие толпы вышли на улицы с лозунгами «Долой Гитлера!», «За союз с СССР!», «Да здравствуют Сталин и Молотов!», «Власть Советам!» и другими.

Германское посольство в Белграде не сомневалось, что переворот

в Сербии был подготовлен русскими и британскими спецслужбами. Хорватия была против переворота и члены прежнего правительства пытались спастись от ареста именно в Загребе. Получив телеграмму из Белграда, Гитлер был в ярости и немедленно вызвал к себе командующих армиями и генералов Генштаба. Гитлер приказал срочно подготовить операцию против Югославии, объединив ее с уже имевшимся планом захвата Греции. «Скорость — это главное... разгромить Югославию с беспощадной твердостью». Гитлер также объявил, что начало реализации плана «Барбаросса» откладывается на 4 недели ³. !

Спецоперации советской разведки обычно планировались лично Сталиным или требовали его одобрения. Посол Югославии в Москве М. Гаврилович вел в марте 1941 г. секретные переговоры о возможном заключении между Югославией и СССР пакта о дружбе и взаимопомощи. Гаврилович также информировал советское руководство о всех шагах собственного правительства. По свидетельству генерала П. Судоплатова, бывшего в тот период заместителем начальника разведывательного управления НКВД и ответственного за «спецоперации», Гаврилович был формально завербован советской разведкой и контролировался начальником контрразведки генералом П. Федотовым и самим Судоплатовым. Непосредственно в Белград была направлена оперативная группа во главе с генерал-майором С. Мильштейном, включавшая опытных агентов-«нелегалов» В. Зарубина и А. М. Алахвердова ⁴. Мильштейн был до конца 1938 г. помощником Берии в Грузии и вместе с ним переехал в декабре 1938 г. в Москву. В феврале 1941 г. Мильштейн был назначен начальником только что созданного НКГБ СССР 3-го секретно-политического управления. Для соблюдения секретности миссии Мильштейна в Белграде, его отсутствие в НКГБ было замаскировано фиктивным переводом на пост заместителя наркома лесной промышленности. Дата этого «перевода», 11 марта 1941 г., была очевидно и датой его прибытия в Белград. Сталин полностью доверял Мильштейну и в годы войны ему было поручено руководство всей контрразведкой в Красной армии и контроль за политическим состоянием войсковых частей.

Югославия была в тот период монархией и король здесь традиционно обеспечивал равновесие между разными этническими и религиозными группами населения, имевшими собственные территории и разную историю. После убийства в 1934 г. короля Александра I, Югославией правил регент, его брат принц Павел, так как наследник престола, Петр II, был несовершеннолетним. Премьер-министром Югославии, который вместе с принцем Павлом подписывал 25 марта 1941 г. в Вене договор о присоединении страны к Тройственному союзу, был Д. Цветкович. На следующий день, 26 марта, в Белграде начались массовые демонстрации молодежи с протестами против союза с Германией. Демонстранты несли плакаты «Лучше война, чем пакт» и «Лучше могила, чем рабство» ⁵. Во главе оппозиции пакту стал генерал авиации Д. Симович. Именно он возглавил «дворцовый переворот» на рассвете 27 марта.

28 марта на стол Сталину в Кремле было положено спецсообщение разведуправления Красной армии «К перевороту в Югославии», подписанное генерал-лейтенантом Ф. Голиковым. Это же спецсообщение получили также Молотов, Тимошенко и Г. К. Жуков, в то время начальник Генштаба. В нем, в частности, говорилось: «...Регент Павел получил согласие

Гитлера на югославскую корону и в ночь на 27 марта отправил принца Петра в Румынию. Петр был перехвачен людьми генерала Симовича и возвращен в Белград. Утром Павел бежал в направлении Загреба, но был схвачен. К утру Цветкович и другие министры были арестованы. Гвардия и части гарнизона Белграда заняли все учреждения города. Петр Второй провозгласил себя королем... Новое правительство поручено сформировать генералу Симовичу... По всей стране проходят демонстрации... В германских кругах царит растерянность. Демонстранты опрокидывали все машины со свастикой, помощник германского военного атташе был ранен, посольство Германии в Белграде эвакуировано... Югославская армия приведена в боевую готовность. В настоящее время состав югославской армии доведен до 48—50 дивизий и 10 бригад...»⁶.

Некоторые западные историки приписывают организацию переворота в Югославии руководителю американской секретной службы в этой стране Б. Donovanу. У. Черчилль приписывал заслугу переворота английской секретной службе. Вполне вероятно, что секретные службы СССР, США и Великобритании действовали в этом случае несогласованно, но в одном и том же направлении. Главным фактором успеха переворота было безусловно сильнейшее возмущение сербского населения капитуляцией принца Павла под нажимом Гитлера. Югославская армия также не хотела присутствия вермахта на территории Югославии и содействия Гитлеру в войне против Греции. Москва быстро предложила новому правительству Югославии договор о дружбе. Этот договор был подписан 5 апреля, а на следующий день, 6 апреля 1941 г., танковые и пехотные дивизии вермахта, снятые с южных границ с СССР, вторглись в Югославию, а германская авиация подвергла незащищенный Белград массированным бомбардировкам, в которых погибло более 17 тысяч человек. Город был почти полностью разрушен.

События в Югославии не только вызвали отсрочку в реализации плана «Барбаросса», но и повлияли на позицию Японии. Сообщение о перевороте в Белграде пришло в Берлин в тот момент, когда министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп вел переговоры с японским министром иностранных дел Е. Мацуока, приехавшим в Берлин через Москву. Переговоры пришлось прервать на несколько часов, так как взбешенный событиями в Белграде Гитлер вызвал Риббентропа в свою канцелярию. Мацуока был приглашен в Берлин для консультаций о возможном расширении участия Японии в войне на Дальнем Востоке. Пробыв в Берлине, а затем и в Риме около недели, Мацуока по пути домой снова оказался в Москве на следующий день после вторжения немецкой армии в Югославию. Было очевидно, что «новый порядок» в Европе еще не слишком прочен. Пребывание Мацуока в Москве продлилось дольше недели и завершилось длительной беседой со Сталиным на даче в Кунцево 12 апреля 1941 г. и заключением на следующий день пакта между Японией и СССР о нейтралитете. Этот пакт был неожиданным для Германии. Сам Мацуока в беседе со Сталиным назвал пакт «дипломатическим блицкригом». В обмен на японский нейтралитет в возможном конфликте с Германией Мацуока пытался убедить Сталина продать Японии северную половину Сахалина. В свою очередь Мацуока обещал Сталину передать в будущем Советскому Союзу порт Карачи. Сталин, естественно, не согласился с таким «обменом»⁷.

Для операции против Югославии и Греции, которой командовал

фельдмаршал фон Браухич, до этого руководивший подготовкой плана «Барбаросса», было выделено 40 дивизий вермахта и 24 дивизии румынской и венгерской армий. На новый Балканский фронт были переброшены также 1200 танков и около 2000 самолетов, с тем чтобы обеспечить быстрый разгром югославской и греческой армий. Таким образом почти третья часть танковой армады, сосредоточенной к этому времени на востоке, была передислоцирована на юг. На границе с СССР было к этому времени сосредоточено лишь 2700 самолетов и почти все бомбардировщики этого воздушного флота приняли участие в балканской операции. Захват Крита предполагалось осуществить воздушными десантами. Германская армия весной 1941 г. потеряла превосходство в воздушной войне с Британией и авиационная промышленность Германии и оккупированных ею стран с трудом могла лишь компенсировать большие потери самолетов в этой войне. Советский Союз к этому времени имел в западных военных округах значительное преимущество над Германией по числу танков (около 10 тысяч) и самолетов (около 8 тысяч) и именно это было в первую очередь основой уверенности Сталина и Генштаба Красной армии в том, что война на Балканах приведет к очень значительной задержке возможного нападения Германии на СССР. Предполагалось, что Гитлер не сможет восстановить наступательный потенциал вермахта на востоке по крайней мере в течение трех месяцев, то есть до конца июля. В этом случае военные действия неизбежно откладывались на следующий год, так как немецкая армия не была готова ни к осенней, ни к зимней войне. Вермахт хорошо освоил «блицкриг», разгром противника одним быстрым ударом, с использованием всей мощи, без резервов. Гитлер не планировал вести многолетнюю тотальную войну, так как германская военная промышленность не наращивала своих мощностей с 1939 года. Армия пополнялась военной техникой и транспортными средствами за счет захватов в Польше, Франции, Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Британская военная техника также осталась на территории Франции и досталась Гитлеру. Летом 1941 г. военное производство в Германии уже сокращалось, так как Гитлер считал, что после победы на востоке ему не будет нужна очень большая сухопутная армия.

Балканская кампания оказалась самым большим военным успехом Гитлера. Массированные бомбежки оказали деморализующее действие на югославские и греческие военные части. Против югославских танков немецкие танки и бронемашинны впервые эффективно применили огнеметы, с помощью которых было уничтожено около 300 югославских танков вместе с их экипажами. Югославская авиация также подверглась разгрому и часть югославских самолетов спаслась, приземлившись на территории советской Молдавии. Белград был объявлен «открытым» городом. Правительство Симовича и король Петр II бежали сначала в Боснию, а потом через Грецию и Кипр в Великобританию. Югославская армия не оказала серьезного сопротивления и уже 17 апреля был подписан акт о капитуляции. Сотни тысяч югославских солдат сдались в плен. Греческая армия продержалась дольше лишь на несколько дней и капитулировала 22 апреля. Британские дивизии экспедиционного корпуса также избежали сражений и были эвакуированы. 27 апреля 1941 г. немецкие войска вошли в Афины — столица Греции также была объявлена «открытым» городом. Захват Крита представлял собой самостоятельную операцию. Первый воздушный десант

был отправлен на Крит 20 мая и к 1 июня сопротивление британской и греческой армий на Крите было сломлено. Однако именно во время этой операции вермахт понес серьезные потери. Во время оккупации всей Югославии было убито лишь около 200 немецких солдат. В боях на Крите было убито 3986 и ранено 2594 немецких солдат и офицеров. Германия потеряла в этой операции 350 самолетов, в основном бомбардировщиков и транспортных Юнкерсов. Это была почти половина самолетов, использованных в этой десантной операции⁸. Особенно чувствительной была потеря транспортных самолетов, их число в составе германского воздушного флота не было восстановлено до 1943 года. Эти потери безусловно ограничивали возможности десантных операций на территории СССР летом 1941 года.

В мае и в начале июня германские дивизии и техника возвращались на позиции вдоль советских границ. Дух немецких солдат и офицеров был безусловно высоким, но техника сильно пострадала. Каменистые дороги Югославии и Греции оставили серьезные следы на ходовой части танков и автомашин. Самолеты также нуждались в ремонте. Вследствие этого от технических неполадок уже на российских дорогах вермахт потерял больше техники, чем от снарядов. К концу июля 1941 г. на Восточном фронте у Германии оставались лишь 1400 боевых самолетов. Намеченное по плану «Барбаросса» разрушение именно с воздуха военной промышленности Москвы, Ленинграда и Харькова не было осуществлено.

Весной 1945 г., находясь в своем бункере в Берлине, Гитлер часто говорил соратникам, что именно задержка на пять недель начала восточной кампании не позволила ему закончить ее победой до начала зимы. Такого же мнения придерживался и Черчилль в своих воспоминаниях о второй мировой войне. Немалое число западных военных историков делают такие же выводы. Дискуссии на эту тему беспочвенны, так как ни в мае, ни в июне 1941 г. у Гитлера не было реальных возможностей продолжать «молниеносную» войну дольше четырех-пяти недель. Стратегия блицкрига была основана на том, что после первых крупных поражений армия противника должна капитулировать. Сравнительно открытый характер концентрации армий вермахта на советской границе и многочисленные провокации и облеты советской территории преследовали одну цель, — приближение всех главных сил Красной армии как можно ближе к границе. Гитлер хотел выиграть войну в одном гигантском сражении. По новому графику плана «Барбаросса», уточненному уже после оккупации Югославии и Греции, ожидалось «ожесточенные приграничные сражения продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем же ходе операций можно рассчитывать только на более слабое сопротивление»⁹. Эти ожидания не оправдались. Планы блицкрига рухнули не осенью и не зимой 1941 г., а уже к середине июля 1941 года. В июле началось ожесточенное сражение на юге на подступах к Одессе, которое продолжалось больше двух месяцев. Также в июле немецкая армия была почти на месяц остановлена под Смоленском и ожесточенные бои в Смоленской области продолжались до середины августа. На северо-западном направлении наиболее ожесточенные бои также начались лишь в августе. Ни одна из задач операции «Барбаросса», намеченных на первые восемь недель войны, не была выполнена. Потери вермахта были намного выше ожидаемых. У Гитлера к концу июля почти не было резервов и для продолжения наступления он мог лишь перебрасывать свои дивизии с одного участка фронта на другой. Если бы война была начата в мае, ее все равно

не удалось бы завершить к началу зимы. Сталин очень плохо управлял в 1941 г. непосредственно военными действиями на фронте, но он постоянно заботился о том, чтобы иметь максимально большие резервы.

В отличие от Генштаба Красной армии и командующих армиями, озабоченных прежде всего положением на границе, Сталин пытался управлять событиями международного характера и любым способом предотвратить войну. В это время было очевидно, что не только Гитлер, но и немецкий Генштаб недооценивают реальную мощь Советского Союза и его стратегический потенциал.

Именно в конце апреля, после разгрома Германией Югославии и Греции, Сталин пригласил военного атташе немецкого посольства в Москве и других военных экспертов совершить поездку на Урал и в Западную Сибирь для осмотра нескольких военных заводов, выпускавших новые модели танков и самолетов¹⁰. Советская промышленность в это время начала серийное производство новых танков Т-34, которые превосходили все типы немецких танков. Было также начато производство новых бомбардировщиков, которые по скорости и дальности полета превосходили немецкие Юнкерсы. Отчет об этой поездке был послан в форме нескольких рапортов в Берлин и уже из сообщений советских агентов в Германии стало известно, что наибольшее впечатление на немецких экспертов произвел авиационный завод в Рыбинске. Советский агент с кодовым именем «Старшина» (обер-лейтенант Х. Шульце-Бойзен), работавший в это время в отделе внешних сношений главного штаба ВВС Германии, сообщил в Москву, что немцы «не ожидали встретить так хорошо налаженную и функционирующую промышленность. Ряд показанных им объектов явился для них большим сюрпризом. Так, например, немцы не знали о существовании показанного им мотора в 1200 лошадиных сил, о котором комиссия дает положительные отзывы. Большое впечатление произвело скопление более 300 самолетов типа И-18... Немцы не предполагали, что в СССР налажено серийное производство этих самолетов в таком большом количестве»¹¹. Однако референт Геринга, докладывавший ему эти данные, предположил, что русские умышленно собрали на одном заводе такое большое количество самолетов И-18, чтобы произвести на немцев впечатление.

Эти и многие другие сообщения советской разведки из Германии, дающие более полное представление об основах советской тактики в апреле — июне 1941 г., были раскритикованы лишь сравнительно недавно, как и имена агентов, скрывавшихся под кодами «Корсиканец» и «Старшина», к информации которых в берлинской резидентуре НКГБ относились с наибольшим вниманием (оба агента были раскрыты гестапо в 1942 г. и казнены). Безусловным предупреждением Гитлеру было и назначение Сталина на пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР в начале мая 1941 года.

До 1941 г. Сталин управлял страной не путем личных директив или приказов, что было характерно, например, для Гитлера и многих других диктаторов, а через решения политбюро. Эти решения проводились в жизни через систему партийных комитетов и бюро разных уровней или превращались в законы посредством указов Президиума Верховного Совета СССР. Практически все постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) также принимались по проектам, одобренным политбюро. Такая система принятия решений была медленной, но она выдвигала на первое место

в вертикали власти не правительство, а партию. В чрезвычайной ситуации мая 1941 г. принятие решений нужно было ускорить, так как страна переходила на военное положение.

4 мая 1941 г. политбюро приняло решение о назначении «тов. Сталина И. В. Председателем Совета Народных Комиссаров СССР». Это назначение мотивировалось необходимостью «...безусловного обеспечения единства руководящей работы» и «чтобы еще больше поднять авторитет советских органов в современной напряженной международной обстановке, требующее всемерного усиления работы советских органов в деле обороны страны»¹². Молотов ранее, с 1930 г., бывший Председателем СНК, назначался заместителем Сталина на этом посту и «руководителем внешней политики СССР». А. А. Жданов назначался «заместителем тов. Сталина по секретариату ЦК». Новое назначение Сталина, оформленное 6 мая 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР, было воспринято и в СССР и за границей как мера по концентрации всей полноты власти в руках Сталина именно для подготовки к ожидавшейся войне.

Вступая на новый пост главы правительства, Сталин счел необходимым выступить с программной речью именно по вопросам обороны и военной политики СССР, в связи с угрозой агрессии. Эта речь, известная историкам, как «Речь Сталина 5 мая 1941 года» уже давно является предметом многочисленных спекуляций и толкований в российской и иностранной исторической литературе. Сталин произносил ее перед выпускниками военных академий, не имея перед собой письменного текста. Речь считалась секретной. Ее содержание уже после смерти Сталина восстанавливалось по воспоминаниям и записям тех слушателей, которые были в этот день приглашены в зал Большого Кремлевского дворца.

Выпускной вечер для слушателей военных академий, получавших назначения в армию, традиционно проводился в Кремле. Однако Сталин в прошлом не произносил речей на таких собраниях. И на этот раз, 5 мая 1941 г., о речи Сталина слушатели заранее не знали. Лишь по особо тщательной проверке всех приглашенных можно было догадаться, что программа вечера может содержать неожиданности. В зале Большого Кремлевского дворца собрались около 1500 человек, но лишь около половины из них были выпускниками военных академий. Были также приглашены профессора и преподаватели военных академий, работники наркомата обороны и Генерального штаба, члены правительства и Президиума Верховного Совета, ведущие деятели Коминтерна и работники наркоматов внутренних дел и государственной безопасности. Председательствовал в Президиуме собрания нарком обороны, маршал Тимошенко. После некоторых заранее запланированных выступлений Тимошенко неожиданно предоставил слово Сталину. Речь Сталина продолжалась 40 минут. Текст этой речи никогда полностью не публиковался и обычно считается, что она была секретной. Однако никаких формальных обязательств «о неразглашении» слушавшие эту речь не давали. 6 мая 1941 г., вместе с сообщением о назначении Сталина Председателем СНК, центральные газеты опубликовали и краткую информацию о речи Сталина. В этой информации говорилось, что «Сталин отметил глубокие изменения, происшедшие в последние годы в Красной армии, и подчеркнул, что на основе современной войны Красная армия перестроилась и серьезно перевооружилась».

Нарком тяжелого машиностроения В. А. Малышев, в сфере работы

которого была в тот период и танковая промышленность, вернувшись из Кремля домой, записал в своем дневнике: «Выступал почти с часовой речью т. Сталин и остановился на двух вопросах: о подготовке командиров и о «непобедимости» германской армии. По первому вопросу т. Сталин сказал: «Вы ушли из армии три-четыре года тому назад. Тогда наша армия была другая нежели сейчас и по количеству и по вооружению. Тогда мы имели 120 дивизий, теперь 300. Одна треть дивизий — механизированные, бронетанковые... Артиллерия теперь тоже другая, больше пушек, меньше гаубиц... Раньше у нас не было минометов, теперь их достаточно; раньше зенитной артиллерии было мало, теперь порядочно» и т. д. Малышев обращает особое внимание на вторую, «германскую» часть речи. Именно это было для него сенсацией. Сталин резко критиковал Германию, которая от войны под лозунгом борьбы с Версальским мирным договором 1919 г., перешла к агрессивным войнам. «... немцы стали завоевателями... Это уже другое дело... История знает подобные примеры, например с Наполеоном»¹³. Столь резко высказанная критика политики Гитлера была неожиданной. Все публикации в прессе того времени строго придерживались принципов подписанного с Германией договора о дружбе и границе. После начала агрессии Германии против Югославии советское правительство направило ноту протеста Венгрии, но не Германии.

В открытых после 1991 г. архивах была обнаружена «Краткая запись выступления Сталина», которая была опубликована в «Историческом архиве» в 1995 году. Историк Л. А. Безыменский осуществил реконструкцию этой «Краткой записи» с несколькими записями воспоминаний военных, присутствовавших в тот день в Кремле, и опубликовал в 2000 году наиболее полный вариант речи Сталина 5 мая 1941 года. Безыменский считает, что в этой речи «Сталин сообщил сверхсекретные данные о численности Красной армии, за которые дорого заплатил бы любой иностранный разведчик». По мнению Безыменского «...эта секретная цифра не попала за рубеж». Наиболее важной частью речи Сталина было не столько число дивизий, сколько характеристика их комплектности: «...Сами дивизии стали несколько меньше, более подвижные. Раньше насчитывалось 18—20 тысяч человек в дивизии. Теперь стало 15 тысяч человек»¹⁴. Именно это заявление о комплектности дивизий могло считаться действительно секретным. Между тем эта характеристика Сталиным дивизий Красной армии не соответствовала действительности. Сильно преувеличенными были и общие качественные оценки Сталиным советских авиационных и танковых соединений. Большинство танков и самолетов, находившихся на вооружении Красной армии, были устаревших конструкций 1935—1936 годов. Новые танки и самолеты поступали на вооружение лишь с начала 1941 года. По планам января — мая 1941 г. в армию поставлялось 955 танков Т-34, серийное производство которых было налажено с начала года на Сталинградском и Мариупольском тракторных заводах¹⁵.

Именно в этот период апреля — мая 1941 г. Тимошенко и Жуков постоянно просили Сталина произвести срочную «доукомплектацию» дивизий в западных округах. По свидетельству Жукова Сталин только в конце марта 1941 г. «разрешил призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем, чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек. ...В итоге накануне войны в приграничных округах из ста семидесяти

дивизий 19 дивизий были укомплектованы до 5—6 тысяч человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 6 тысяч человек, 144 дивизии имели численность по 8—9 тысяч человек». Во внутренних округах большинство дивизий содержались по «сокращенным штатам», или вообще еще только начинали формирование и боевую учебу. 15 июня 1941 г. Жуков докладывал Сталину о том, что советские дивизии «даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких»¹⁶. Именно немецкие дивизии, расположенные вдоль советских границ, имели по 14—15 тысяч человек каждая.

Выпускники военных академий, отправлявшиеся в армию на командные посты, могли вскоре убедиться в том, что в Красной армии на 5 мая 1941 г. не было ни одной дивизии, укомплектованной до 15 тысяч человек. Советские дивизии, кроме того, не были столь подвижными, как утверждал Сталин. Передислокация военных частей, происходившая именно в этот период, в основном в ночное время, осуществлялась большей частью маршами и конной тягой.

У Сталина могла быть одна главная цель сообщить фиктивные данные о мощи Красной армии — осуществить дезинформацию Гитлера и его Генштаба. Судя по архивам, посольство Германии в Москве пыталось узнать содержание речи Сталина, но безуспешно. Но у германской разведки было безусловно множество других источников информации, кроме посольства. Речь Сталина не могла оставаться секретной. Она готовилась на экспорт. Действительно, секретные выступления не произносятся перед аудиторией в полторы тысячи человек. Очень вероятно, что Сталин готовил эту речь именно для того, чтобы немецкие генералы могли понять, что их планы блицкрига против СССР не реальны. Они имели перед собой не только равного, но по техническому оснащению превосходившего их противника, готового к войне.

С начала 1941 г. Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии, наркомат госбезопасности и разведывательное управление НКВД почти каждый день направляли Сталину, в наркомат обороны и в Генштаб сводки о наращивании сил германской армии вдоль советской западной границы. Советская разведка имела на территории бывшей Польши, в Румынии, в Венгрии и в Болгарии большое число агентов, которые сообщали не только о передвижении немецких дивизий к границе, но и о перевозках военной техники, создании новых аэродромов, складов горючего и боеприпасов, расширении дорожной сети. В апреле — мае 1941 г. Сталин почти каждый день принимал в Кремле с докладами наркома обороны Тимошенко, начальника Генштаба Жукова, Командующего военно-воздушными силами П. В. Жигарева, наркома Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, наркомов военной промышленности, госбезопасности и других государственных и военных деятелей, ответственных за оборону страны. Проблемы обороны безусловно доминировали на всех совещаниях, проводившихся в Кремле и на всех заседаниях политбюро. Из сообщений советских разведчиков, работавших в Германии, советское правительство было достаточно хорошо информировано и об оперативных планах германского Генштаба, совещаниях у Геринга и даже о том, какие конкретные цели были выбраны для бомбардировок в первые дни планируемой войны. «Старшина» сообщал, что военные приготовления Германии на востоке проводятся достаточно открыто в целях психологического давления и для демонстрации своего военного могущества.

Разведуправление Генштаба Красной армии почти каждую неделю направляло Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Жукову, Берия, Кузнецову и Жданову «спецсообщения» с подробной информацией о распределении вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий. Эти «спецсообщения» подписывались генерал-лейтенантом Голиковым и представляли собой обобщение данных всех видов разведки. По состоянию на 25 апреля 1941 г. Германия имела на границе с СССР от 95 до 100 дивизий. 55—58 дивизий были дислоцированы в Югославии, Греции и в Египте. В оккупированных странах Европы находились 72 дивизии и в Италии 9 дивизий. 30 дивизий находились во фронтовых резервах и 12 дивизий в резерве главного командования. Общая численность германской армии на 25 апреля составляла 296 дивизий и около 40 дивизий находились в стадии формирования. Уже через 10 дней в следующем «спецсообщении» Разведуправления Генштаба государственные и военные лидеры СССР были информированы о том, что перегруппировки немецких войск привели к увеличению немецких соединений на советской границе до 107 дивизий, причем в основном за счет танковых и моторизованных дивизий. При этом по всей границе, от Балтийского моря и до Венгрии, производилось выселение гражданского населения из пограничных районов. На советской границе производилась также концентрация венгерской и румынской армий. При учете этих частей число дивизий на советской границе достигло 130. Новые дивизии прибывали в основном из Югославии и Греции. Еще через 10 дней, 15 мая, Разведуправление Генштаба сообщало о том, что «общее количество немецких войск против СССР достигает 114—119 дивизий» и прилагало схему их дислокации по разным направлениям¹⁷. Основными районами сосредоточения вновь прибывавших дивизий были южные районы советской границы.

Это «спецсообщение» было разослано всем членам Военного Совета наркомата обороны СССР и членам политбюро.

Однако наиболее массовые перевозки войск на восток немецкое командование начало проводить с 25 мая 1941 года. «...Всего с 25 мая до середины июня было переброшено ближе к границам Советского Союза 47 немецких дивизий, из них 28 танковых и моторизованных»¹⁸.

Однако Сталин все еще не был уверен в неизбежности войны. 15 июня 1941 г. после доклада Тимошенко и Жукова, настаивавших на необходимости срочной переброски к границам СССР нескольких новых армейских группировок и уверявших, что при существующем соотношении сил «мы не можем организованно встретить и отразить удар немецких армий», Сталин все еще пытался уверить докладчиков в том, что их опасения необоснованы. «Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взяты»¹⁹.

Однако Сталин соглашался с рекомендациями наркомата обороны и Генштаба о необходимости усиления западных группировок советских войск. В течение апреля — мая 1941 г. из внутренних военных округов на запад секретно происходила переброска десятков пехотных и моторизованных дивизий. По плану развертывания вооруженных сил СССР, представленного Сталину Генштабом 13 июня 1941 г., в составе четырех западных фронтов развертывалось 186 дивизий, из которых 97 дивизий дислоцировались на Юго-Западном фронте и 44 дивизии на Западном. Северный и Севе-

ро-Западный фронты располагали 45 дивизиями. Пять армий, насчитывавших 51 дивизию оставались в резерве Главного командования. Еще 66 дивизий оставались в глубине страны, в основном на Дальнем Востоке, в Закавказье, в Крыму и в Московском и Ленинградском военных округах ²⁰.

В этот период, отчетливо понимая, что общая обстановка свидетельствует о скором начале войны, наркомат обороны и Генштаб настойчиво просили Сталина перебросить к западным границам из резерва большее число дивизий и создать в прифронтовой полосе более «плотное» и концентрированное расположение войск. Сталин категорически противился этим требованиям, настаивая на необходимости крупных резервов на достаточном удалении от возможной линии фронта.

Уже после войны, работая над первым изданием своих «Воспоминаний» и изучая все архивные карты Генштаба Красной армии, Жуков изменил свою точку зрения на начало войны: «принято обвинять Сталина в том, что он своевременно не дал указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло бы получиться в таком случае — хуже или лучше. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспечены противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком в первые дни войны оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге страны» ²¹.

Ко времени своих воспоминаний Жуков сумел также ознакомиться и со стратегическими замыслами составителей плана «Барбаросса». Он мог убедиться в том, что многочисленные нарушения советских границ в апреле — июне 1941 г. немецкими военными и самолетами и открытый характер перебросок военных частей к границе имели определенную провокационную цель: «гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить» ²².

Воюют, как известно, «не числом, а умением». Сталин, как можно видеть, был значительно менее уверен чем его же генералы и маршалы в действительной мощи Красной армии. Он безусловно понимал, что те репрессии, которым подверглось командование Красной армии в 1937—1938 годах в результате его же собственной кампании террора значительно ослабили военные силы СССР. Именно слабость Красной армии, лишившейся в годы террора своих лучших командиров, заставила Сталина подписать 23 августа 1939 г. с Гитлером пакт о ненападении.

После оккупации в марте 1939 г. Чехословакии, Германия начала подготовку к войне с Польшей. У Польши были военные гарантии Франции и Англии и поэтому война с Польшей могла превратиться в войну на два фронта. У Советского Союза были серьезные территориальные претензии к Польше, которая используя слабость Российской Федерации к концу гражданской войны, начала в 1920 г. войну с только что образованными Украинской и Белорусской республиками и с Литвой. Результатом этой войны, закончившейся поражением РСФСР, было включение в территорию новой Польши западных областей Украины,

Белоруссии и Литвы с городами Львов, Брест, Гродно и Вильнюс. Было очевидно, что Советский Союз в случае нападения Германии на Польшу, не мог позволить оккупацию немцами исторических российских земель и столь близкого расположения немецкой армии к Киеву, Минску и Ленинграду. При вступлении Красной армии в Польшу с востока для защиты Западной Украины и Западной Белоруссии Германия могла оказаться в состоянии войны не только с Польшей, но и с Францией, Великобританией и СССР. В 1939 г. вермахт имел лишь 80 дивизий и не был в состоянии воевать со столь сильными противниками. В этих условиях Гитлеру нужно было договариваться со Сталиным.

Сталин в 1939 г. также не был готов к большой войне, но по совсем другой причине. Красная армия насчитывала около двух миллионов человек и имела 150 дивизий, достаточно хорошо оснащенных техникой. Ее слабость состояла не в недостатке танков и самолетов, а в остром недостатке опытных командиров, вызванном арестами и расстрелами военных в 1937—1938 годах. В течение 15 месяцев террора были арестованы 36 тысяч командиров Красной армии и 4 тысячи офицеров флота. К осени 1938 г. были расстреляны по ложным обвинениям 13 из 15 имевшихся в Красной армии командиров армий и 154 командира дивизий из 195. На место репрессированных командиров назначались новые из более низких по рангу. Но «качество» нового офицерского корпуса было, конечно, уже другим. Боеспособность армии всегда зависит от опыта и таланта ее командиров. Гитлер справедливо считал, что офицерский корпус вермахта лучше и более опытен, чем советский. Однако германские вооруженные силы к 1939 г. еще не имели настоящего боевого опыта.

Инициатива заключения пакта о ненападении между Германией и СССР исходила, как известно, от Гитлера. Сталин колебался, но не очень долго. Стратегические выгоды от договора с Германией были слишком очевидными. Существовали лишь политические проблемы. Союз с нацистским и агрессивным режимом был крайне непопулярен и внутри СССР и среди коммунистов во всем мире. Не только Сталин, но и немалое число военных экспертов в СССР примерно с 1935 г., когда Германия, в нарушение Версальского договора, начала увеличивать свою армию, приходили к убеждению, что война с Германией неизбежна. До 1935 г. согласно военной доктрине СССР главными потенциальными противниками СССР считались Япония, Турция и Польша. Германия и Италия также были противниками СССР, но на других территориях, например в Испании, но они не представляли непосредственной военной опасности для Советского Союза. Положение изменилось после оккупации Германией Австрии и Чехословакии. Польша была следующей жертвой. После Мюнхенского соглашения Сталин был уверен в том, что страны Антанты, отгородившись от Германии неприступной линией Мажино, направляют агрессию Гитлера на восток. Не было никакой уверенности в том, что нападение Германии на Польшу приведет к вступлению в войну Франции и Великобритании. Эти страны могли пожертвовать Польшей так же, как они пожертвовали Чехословакией. Заключая пакт с Гитлером, Сталин делал вступление стран Антанты в войну с Германией неизбежным. В этом случае возрожденную мощь Германии первыми могли испытать на себе именно Франция и Британия. Однако никто не мог ожидать того, что Франция и Британия, имевшие осенью 1939 г. огромное военное преимущество над Германией, оставившей

в период польской кампании лишь 20 дивизий на западной границе против более 100 французских дивизий и британского экспедиционного корпуса, предпочитают вялую и пассивную оборону и даже не решаются подвергать немецкие позиции артиллерийскому обстрелу.

Договор с Германией не дал Советскому Союзу большого выигрыша во времени. Гитлер при любом развитии событий до мая 1941 г. не имел достаточно большой армии для войны на востоке. Однако этот договор предоставил Советскому Союзу огромные стратегические преимущества в неизбежной войне. Советский Союз смог отодвинуть свою западную границу в глубь Европы на 200—300 километров на всем ее протяжении от Черного моря до Белого моря. Протяженность западной границы уменьшилась почти на 600 километров именно в северо-западном секторе. Это отодвигало Ленинград и Кронштадт далеко в глубь «советской» территории со стороны Прибалтики и со стороны Финляндии. Население СССР увеличилось почти на 25 миллионов человек. Сильно возрос личный авторитет Сталина внутри страны, пошатнувшийся в период террора 1937—1938 годов.

В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. войны новые западные территории СССР сыграли роль «буферной» зоны. Германская армия очень быстро, всего за 5 дней, вышла на «старую» границу в Белоруссии. В Украине выход вермахта на «старую» границу занял от 12 до 15 дней и сопровождался очень упорными боями. Сражения в Прибалтике продолжались больше двух месяцев. Таллинн был оставлен Красной армией после сильного сопротивления лишь в конце августа. Это означало провал блицкрига. По плану «Барбаросса» в августе немецкая армия должна была уже захватить Ленинград и перебросить освобождающиеся в этой операции дивизии на московское направление, замыкая окружение Москвы с севера.

Широко распространено мнение о том, что советская разведка достаточно точно информировала руководство о планах Гитлера, однако Сталин не принимал эти сообщения во внимание, а иногда относился к ним, как к дезинформации. Многие исследователи приводят описание эпизода, вполне достоверного, когда 17 июня 1941 г. нарком госбезопасности Меркулов представил Сталину агентурное сообщение из Берлина о скором начале военных действий, на котором Сталин наложил резолюцию «Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.». Этот документ, хранившийся в архиве Президента РФ, был недавно полностью опубликован²³. Рассматривая это «Сообщение из Берлина» в контексте многих других сообщений из Берлина в мае — июне 1941 г. можно согласиться именно с мнением Сталина. Сообщение из Берлина, попавшее на стол Сталину 17 июня, было объединением информации от двух «источников» и не содержало никаких полезных сведений. Текст этой шифровки не был по характеру «агентурным» и точным и был составлен резидентом советской разведки в Берлине Кобуловым. Кобулов и посол СССР в Берлине В. Деканозов были друзьями Берии и до 1938 г. работали в Грузии. Единственными конкретными сообщениями в этой шифровке были утверждения о том, что «объектами налетов германской авиации в первую очередь являются: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам, а также авторемонтные мастерские». Сообщалось также, что в военных действиях примет участие Венгрия.

Подготовка Венгрии к участию в войне с СССР на стороне Германии была известна Сталину из детальных рапортов ГРУ Генштаба и из сообщений от агентов из Венгрии и Румынии. Московские заводы были вне пределов досягаемости немецкой авиации, да и найти тот или иной завод в Москве для немецких самолетов было невозможно. Электростанция «Свирь-3» в Ленинградской области, построенная на маленькой реке Свирь, не имела никакого военного значения. В Белоруссии было множество других более важных военных объектов. В приграничных областях были сотни авторемонтных мастерских. Железные дороги, аэродромы и множество других объектов были намного важнее для обороны. Получая и читая в июне 1941 г. десятки других более точных и конкретных сообщений военной и агентурной разведки, Сталин легко мог отличить информацию от дезинформации. В Германии и в других странах в этот период у советской разведки было много надежных агентов, к сообщениям которых Сталин относился с доверием.

1 июня 1941 г. Разведуправление Генштаба Красной армии получило радиограмму от «Рамзая» из Токио. Под этим кодом скрывался Рихард Зорге, работавший в то время пресс-атташе посольства Германии и пользовавшийся доверием немецкого посла Отта. «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется». Зорге приводил ряд косвенных доказательств. 6 июня нарком НКГБ Меркулов подготовил подробный отчет для Сталина и ЦК ВКП(б) о военных приготовлениях Германии на территории Польши. Отчет был подготовлен на основании донесений нескольких агентов и перепроверен. 7 июня Сталину был представлен подробный отчет о военных приготовлениях Румынии. Копии этих отчетов были посланы Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Жукову, Берия и другим военным и политическим лидерам. 11 июня «Старшина» (Шульце-Бойзен) сообщил из Берлина через Кобулова о том, что штаб-квартира Геринга переносится из Берлина в Румынию, ближе к советской границе. Планировалась также переброска самолетов второй линии из Франции в Польшу, в район Познани. Шли усиленные консультации между германским, финским и румынским генштабами. В это же время поступали обстоятельные донесения от агентов из Польши о прибытии к границам большого количества немецких войск и о строительстве бомбоубежищ. Вдоль границы шло накопление запасов бензина и дизельного топлива, прибывали разборные мосты для наведения переправ через реки. Эти сообщения не игнорировались и на территории СССР немалое число военных частей также придвигались ближе к границе. 13 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков приказали Киевскому военному округу «перевести все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями ближе к границе в новые лагеря, согласно прилагаемой карты»²⁴. Дивизии отправлялись на запад маршами, в полной тайне, по ночам. Срок исполнения приказа был, однако, 1 июля. Такие же директивы шли и в другие военные округа. Резидент советской разведки в Венгрии полковник Н. Г. Ляхтерев сообщил 14 июня о том, что в одном из районов польско-советской границы появились четыре новых дивизии и что 15 июня «немцы закончат стратегическое развертывание против СССР»²⁵. 15 июня Разведуправление Генштаба информировало Сталина, Молотова, Маленкова и других членов политбюро о развертывании немецких дивизий на совет-

ско-финской границе и о прибытии в Финляндию по морю двух новых моторизованных дивизий. Сообщения о концентрации немецких войск на советской границе были получены из Швеции и из других стран. Резидент советской разведки в Риме сообщил 19 июня 1941 г. о том, что начало военных действий Германии против СССР намечено на период между 20 и 25 июня. В этот же день Тимошенко и Жуков отдали приказ о маскировке аэродромов и создании ложных аэродромов. Такие приказы отдавались с одобрения Сталина. Однако срок выполнения приказа был также 1 июля. В этот же период начала июня части НКГБ усиленно проводили аресты и выселение «антисоветских элементов» из пограничных районов Молдавии, Западной Украины и Прибалтики. Были арестованы и вывезены в глубь страны десятки тысяч семей.

Резидент советской разведки в Софии П. Шатеев сообщил 20 июня о том, что военное столкновение ожидается 21 и 22 июня. 20 июня была получена также радиограмма от Зорге с предупреждением о неизбежности войны.

22 июня 1941 г. было «рабочей» датой, к которой немецкая армия должна была быть готовой к наступлению. Согласно приказу Главнокомандующего сухопутными войсками Германии от 10 июня «в 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня ... б) сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок...»²⁶.

В 13.00 21 июня в военные части вермахта поступил сигнал «Дортмунд». В этот же день Гитлер информировал Муссолини о нападении на СССР. Гитлер также записал обращение к армии и немецкому народу, которое было передано утром 22 июня. Немецкие части, до этого времени расположенные на расстоянии в 25—30 километров от границы, стали выходить на рубежи атаки.

В 14.00 Сталину была передана телеграмма от советского посла в Лондоне И. М. Майского, который сообщал, что по сведениям, полученным от британского МИДа, наступление германской армии может начаться на следующий день. Британская разведка уже с 1940 г. расшифровывала секретные немецкие коды и была хорошо информирована о подготовке немецкого нападения на СССР. В этот же день генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров позвонил Молотову и просил передать Сталину, что по информации, имеющейся у Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна Германия нападает на СССР 21 июня 1941 года²⁷.

Из пограничных округов было получено много сообщений о передвижении частей немецкой армии в направлении государственной границы. К вечеру шум от моторов и гусениц немецких танков стал слышен на пограничных постах. По свидетельству маршала Жукова германские бронетанковые части, находившиеся на значительном удалении от границы, были переброшены в исходные для атаки районы только в ночь на 22 июня.

Днем 21 июня Сталин по телефону отдал распоряжение командующему Московским военным округом И. В. Тюленеву о приведений противоздушной обороны Москвы в немедленную боевую готовность²⁸. В посольстве Германии в Москве лихорадочно сжигали всю документацию. Бумаги сжигали не только в каминах, но и во дворе и над посольством стоял столб дыма. Сталин получил об этом сообщение не только от разведки, но и от

московской пожарной охраны. Около 8 часов вечера Жуков доложил по телефону Сталину о том, что к пограничникам в Киевском военном округе, в Львовской области явился перебежчик, немецкий ефрейтор, сообщивший о том, что немецкие части выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. «...Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль,— сказал Сталин»²⁹. Жуков и Тимошенко приехали к Сталину в Кремль в 20 часов 50 минут уже с проектом директивы во все военные округа. Директива сообщала о возможном внезапном нападении германской армии на рассвете 22 июня и требовала приведения всех частей в полную боевую готовность. Сталин несколько сократил текст директивы и ее из Генштаба примерно через два часа начали передавать во все пограничные округа. Директива была достаточно ясной. Она сообщала о возможности начала военных действий 22 июня и приказывала в течение ночи занять все огневые точки укрепленных районов на государственной границе. Все части следовало привести в полную боевую готовность, сосредоточить и замаскировать авиацию и произвести затемнение городов и военных объектов. У развернутых вдоль западной границы советских армий для подготовки к наступлению немцев оставалось не более 3—4 часов. Но сам Сталин все еще не был уверен в том, что Гитлер действительно решил атаковать СССР. «Может быть вопрос еще уладится мирным путем» — сказал он Жукову. Последним в этот день Сталин вызвал к себе Берия. После ухода Берии в 11 часов вечера, Сталин несколько раз звонил в Генеральный штаб. Он уехал на дачу, где он всегда ночевал, только около 2 часов ночи. Но спать ему пришлось недолго. В 03—40 он был разбужен телефонным звонком Жукова, сообщившим о том, что «началась война».

Сообщение немецкого капрала, бывшего коммуниста, было принято более серьезно чем сообщения разведчиков очевидно из-за его необычности. До этого случаев добровольного перехода немецких солдат на сторону СССР не было. Если бы это была попытка спровоцировать советскую сторону на какие-то превентивные действия, которые можно было бы оценить как «агрессия», то для таких действий все равно уже не оставалось времени. Можно было лишь подготовиться к обороне. В пограничных войсках «боевая готовность» должна поддерживаться постоянно и переход к «полной» боевой готовности не может занять больше одного-двух часов. Это же относится и к пограничным округам. Сложно осуществить сосредоточение фронтовой авиации в ночное время и поэтому большое число самолетов было уничтожено на аэродромах в первый день войны. Но это же спасло летный состав, опытные пилоты в первой фазе войны были важнее самолетов устаревших конструкций.

Допрос немецкого перебежчика органами НКГБ Львовской области продолжался до утра, когда его информация получила полное подтверждение. В Москву из НКГБ УССР было сообщено, что перебежчик, Лисков Альфред Германович, 30 лет, столяр мебельной фабрики в Баварии, служил в 221-м саперном полку 15-й дивизии. Был коммунистом. По его показаниям командир роты сообщил солдатам вечером 21 июня о том, что часть начнет ночью переправу через Буг на плотках, лодках и понтонах³⁰.

Впервые историю о том, что Сталин в первые дни войны впал в неожиданную депрессию и отказался от руководства страной рассказал Хрущев в феврале 1956 г. в своем секретном докладе «О культе личности» на XX съезде КПСС. По словам Хрущева «...после первых тяжелых неудач и пора-

жений на фронтах Сталин считал, что наступил конец... После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте»³¹.

В «Воспоминаниях», которые Хрущев диктовал уже после своего смещения в 1964 г. и которые записывались на магнитофонную ленту его сыном Сергеем, Хрущев повторил и детализировал эту версию событий, ссылаясь при этом на рассказ Берии. Сам Хрущев в начале войны находился в Киеве и мало что знал о том, что происходило в Кремле. «Берия рассказал следующее, — утверждал Хрущев, — когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро... Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про...». Буквально так и выразился. «Я, — говорит, — отказываюсь от руководства», и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на «ближнюю» дачу». Подождав неделю, — согласно рассказу Хрущева, повторявшего свидетельство Берии, — члены Политбюро поехали к Сталину на дачу. «...Когда мы приехали к нему, то я по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовывать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию?»³².

После 1956 г. эту же историю «отказа Сталина от руководства» в первые дни войны повторяло немалое число достаточно серьезных авторов, которые ссылались на Хрущева. Кризис власти в Кремле в первую неделю войны стал сюжетом и нескольких литературных работ о войне. Особенно часто эта версия повторяется в биографиях Сталина, опубликованных на Западе. При этом она часто обрастает дополнительными подробностями. В хорошо иллюстрированной биографии Сталина, изданной в Англии и США в 1990 г. и послужившей основой для телевизионного сериала, Дж. Люис и Ф. Вайтхед, уже без ссылки на Хрущева и Берию, а как якобы хорошо известный факт пишут о дне 22 июня 1941 года: «...Сталин был в прострации. В течение недели он редко выходил из своей виллы в Кунцево. Его имя исчезло из газет. В течение десяти дней Советский Союз не имел лидера. Только 1 июля Сталин пришел в себя...»³³. А. Буллок в изданной в 1991 г. в Лондоне в Нью-Йорке достаточно авторитетной «параллельной» биографии Сталина и Гитлера, также утверждает, что Сталин «исчез» в отчаянии и что нет «никаких документов, подписанных Сталиным с 23 по 30 июня»³⁴. Буллок также повторяет историю о том, что члены политбюро обсуждали возможность ареста Сталина. Все это полностью выдуманные истории. Но они вошли и в энциклопедии, даже в такую авторитетную энциклопедию как Оксфордская Энциклопедия второй мировой войны, изданную в 1995 году³⁵. Чтобы убедиться в ложности этих утверждений достаточно прочитать «Воспоминания» маршала Жукова, где деятельность Сталина в первые дни войны освещена достаточно хорошо и указаны все его директивы в первые дни войны.

В начале 1990-х годов в архиве бывшего политбюро были обнаружены тетради посетителей кабинета Сталина в Кремле в период с 1924 по 1953 годы. Эти записи осуществлялись техническими секретарями и хранились

в канцелярии Сталина. Ввиду большого интереса этих бесстрастных документов для исследователей советской истории все списки посетителей кремлевского кабинета Сталина были опубликованы в хронологическом порядке с комментариями и объяснениями в журнале «Исторический Архив» в течение 1994—1997 годов.

Записи посетителей кабинета Сталина в Кремле показывают, что 22 июня, в день начала войны первыми в кабинет Сталина вошли в 05 часов 45 минут утра Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков. Маленков, Микоян, Каганович, Ворошилов и Вышинский присоединились к собравшимся только через 2 часа. В течение дня в кабинет Сталина входили и выходили из него многие ответственные военные, государственные и партийные работники. Заседания шли непрерывно в течение одиннадцати часов. В этот день, как известно, было принято больше двадцати разных постановлений и приказов. Был также коллективно составлен текст обращения к народу, который зачитал по радио Молотов. Сталин, не спавший в ночь на 22 июня, уехал уже к вечеру ненадолго отдохнуть на дачу в Кунцево, она находилась в 15 минутах езды на машине от Кремля. Но и в эту ночь Сталин не мог уснуть и вернулся в Кремль в 03 часа утра 23 июня чтобы провести совещание с военными и членами политбюро. В этот же день во второй половине дня Сталин продолжал вызывать в Кремль военных и членов политбюро. Ворошилов, Меркулов, Берия и генерал Н. Ватутин, замещавший Жукова, улетевшего на южный фронт, ушли от Сталина уже под утро, в 01.45 24 июня. Такими же напряженными были и следующие дни. 26 июня Сталин работал в Кремле с полудня до полуночи и принял в этот день 28 человек, в основном военных и членов правительства. Наибольшее число обсуждений Сталин провел в пятницу 27 июня. В этот день к нему приходили 30 человек. Столь же напряженным был и субботний день 28 июня. Сталин прекратил прием и беседы лишь после полуночи. В воскресенье 29 июня Сталин не появлялся в своем кремлевском кабинете, однако утверждения двух биографов Сталина, Э. Радзинского и Д. Волкогонова о том, что Сталин именно в этот день «укрылся» на даче не соответствуют действительности³⁶. Оба автора произвольно делают эти заключения лишь на основании отсутствия 29 и 30 июня записей в журналах посетителей кабинета Сталина в Кремле. По свидетельству маршала Жукова «29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении»³⁷. 30 июня на даче Сталина состоялось заседание политбюро, на котором было принято решение о создании Государственного Комитета Обороны (ГКО). По воспоминаниям Микояна, хранившихся в архивах, а затем вошедших в книгу «Так было», собранную из разных заметок уже через много лет после смерти автора, инициатива создания ГКО принадлежала Молотову и Берия. Судя по заметкам Микояна, члены политбюро приехали на дачу без приглашения, по собственной инициативе, и с готовым проектом. «Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин. Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного комитета обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия)... В тот же день

было принято постановление о создании ГКО во главе со Сталиным, а 1 июля оно было опубликовано в газетах»³⁸.

Рассказы Хрущева о «депрессии» Сталина и рассказ Микояна о том, как был создан Государственный Комитет Обороны 30 июня 1941 г. были воспроизведены и в наиболее обстоятельной биографии Сталина, написанной Д. Волкогоновым в 1989 г., которая была переведена на многие иностранные языки. Между тем версия Микояна крайне неубедительна.

Молотов был всегда известен своим полным подчинением воле Сталина. Его инициатива в создании такого органа власти, как ГКО, маловероятна. Также маловероятно и то, что Берия мог предложить именно такой список. Концентрация в стране власти в форме подобного органа могла быть лишь инициативой самого Сталина. В стране уже был высший орган власти — политбюро. Но собирать заседания политбюро в период войны Сталин не хотел и эти заседания не проводились. Сталин хотел все решать самостоятельно. Поэтому в состав ГКО вошли, кроме Сталина, только два члена политбюро, наиболее послушные, Молотов и Ворошилов, которые почти каждый день приходили в кабинет Сталина и считались его старыми друзьями. Только они были со Сталиным на «ты» и иногда обращались к нему старой партийной кличкой «Коба». Маленков и Берия были в 1941 г. только кандидатами в члены политбюро. Жданов был в Ленинграде, Хрущев в Киеве. Калинин был уже стар и не пользовался влиянием. С Микояном, Кагановичем и Андреевым Сталин по каким-то причинам не хотел консультироваться по военным проблемам. ГКО стал на какое-то время новым «сокращенным» вариантом политбюро. ГКО не мешал Сталину принимать решения единолично, но разделял с ним ответственность за их последствия. Такую простую идею не могли придумать Молотов или Берия. Сталин не отказался от руководства страной в первые дни войны. Но он отстранил от этого руководства большую часть своих партийных соратников. В условиях войны партийная коллегиальность ему только мешала.

Война очень сильно укрепила единоличную диктатуру Сталина. Вскоре он был назначен на вновь созданный пост «Верховного Главнокомандующего» и стал также «Наркомом обороны СССР». Тимошенко и Жуков стали заместителями Сталина. Роль и значение политбюро и ЦК ВКП(б) была уменьшена и уже не восстанавливалась до смерти Сталина в 1953 году.

Рассматривая в настоящее время все действия Сталина и военного командования в Москве в первые дни войны, можно все же придти к выводу, что с учетом той колоссальной мощи удара, который германская армия и ее союзники обрушили на СССР силами почти двухсот дивизий, тактика советского командования, имевшего главные силы фронтов на расстоянии 200—300 километров от границы, была правильной. Именно это позволяло осуществлять локальные контрнаступления и к 26 июня создать по приказу Сталина новый Резервный фронт из 5 армий на расстоянии 200—300 километров от границы. Вскоре был создан и новый третий рубеж обороны. Германская армия продолжала продвигаться вперед, но лишь ценой очень больших потерь.

Просчетом Сталина и всего тогдашнего военного командования можно считать прежде всего тот план обороны, который предполагал, что главный удар немецкой армии будет направлен не на Ленинград и Москву,

а в направлении Украины и Северного Кавказа. Именно, в этих районах были главные ресурсы, зерно, уголь и нефть. Именно на юге поэтому были расположены и бóльшие силы Красной армии, эшелонированные на большую глубину. Именно поэтому в первых сражениях немецкое командование, которое сразу ввело в действие около 160 дивизий, столь быстро добивалось успеха. По планам «блицкрига» ожидалось, что главные сражения будут происходить именно в первые недели и после этого движение вермахта на восток ускорится. В действительности динамика военных действий происходила иначе. Быстрым было продвижение немецкой армии в первые дни и недели, после чего оно все больше и больше замедлялось из-за упорного и самоотверженного сопротивления Красной армии. Война Гитлера против СССР была проиграна задолго до последнего наступления на Москву. Парад частей Красной армии на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г. стал началом новой войны, которую британский историк Дж. Эриксон назвал «Войной Сталина против Германии».

Примечания

1. 1941 год. Документы. Книга первая. М. 1998. А. Харнак был советским агентом с 1932 года. Он был завербован во время визита в СССР по делам Коминтерна. Харнак был раскрыт гестапо в 1942 г. и повешен в декабре 1942 года. Его жена Мильдред была также арестована и казнена в 1943 году.
2. 1941 год. Документы. Книга Вторая, с. 175.
3. KERSHAW J. Hitler 1936—1945, Lnd. 2000, p. 263—264.
4. СУДОПЛАТОВ П. Разведка и Кремль. М. 1996, с. 136—137.
5. GLENNY M. The Balkans. 1804—1999. Nationalism, War and the Great Powers. Lnd. 2000, p. 468—474.
6. 1941 год. Книга Первая, с. 804—805.
7. 1941 год. Книга Вторая, с. 69—74.
8. BEEVOR A. Crete. The Battle and the Resistance. Lnd. 1991, p. 230.
9. 1941 год. Книга Вторая, с. 146.
10. СУДОПЛАТОВ П. Ук. соч., с. 117.
11. 1941 год. Книга Вторая, с. 131—132. Советский агент в Берлине Х. Шульце-Бойзен был членом группы, которую в 1940 г. подчинили прибывшему в Берлин резиденту разведки А. З. Кобулову, легально работавшему Первым советником посольства СССР в Берлине. Кобулов не был профессиональным разведчиком, он нарушал правила конспирации, посещал агентов на их квартирах, собирал их вместе и т. д. Это привело к провалу всей сети.
12. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. Док. -№ 17. М. 1995, с. 34—35.
13. МАЛЫШЕВ В. А. Дневник наркома.— Вестник Архива Президента Российской Федерации, 1997, № 5, с. 115—116.
14. БЕЗЫМЕНСКИЙ ЛЕВ. Гитлер и Сталин перед схваткой. М. 2000, с. 427—433.
15. 1941 год. Книга Вторая, с. 163—164.
16. ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. Том 1. М. 1995, с. 323.
17. 1941 год. Книга Вторая, с. 213—215.
18. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 359.
19. Там же, с. 384.
20. 1941 год. Книга Вторая, с. 359—361.
21. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 2, с. 26—27.
22. Там же, с. 27.
23. 1941 год. Книга Вторая, с. 382—383.
24. Там же, с. 358.
25. Там же, с. 365.
26. Там же, с. 340—341.
27. Там же, с. 416.

28. ТЮЛЕНЕВ И. В. Через три войны. М. 1960.
29. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 386.
30. 1941 год. Книга Вторая, с. 422.
31. ХРУЩЕВ Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС.— Известия ЦК КПСС, 1989, № 3.
32. ХРУЩЕВ Н. С. Воспоминания. М. 1997, с. 95—96.
33. LEWIS J. AND WHITEHEAD P. Stalin. A Time for Judgement. N. Y. 1990, p. 122.
34. BULLOCK A. Hitler and Stalin. Parallel Lives. Lnd. 1991, p. 805.
35. The Oxford Companion to the Second World War. Article «Stalin». Oxford Univ. Press. Oxford. 1995.
36. ВОЛКОГОНОВ ДМИТРИЙ. Триумф и Трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Книга II, ч. 1. М. 1989; РАДЗИНСКИЙ ЭДВАРД. Сталин. М. 1997.
37. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 2, с. 38.
38. МИКОЯН А. И. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999, с. 291.

На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России

А. А. Куренышев

Общественные организации, объединявшие в своих рядах помещиков, начали создаваться в ходе революции, в 1906—1907 годах. А. Г. Щербатов, действительный статский советник, председатель Союза русских людей, на одном из собраний этой организации в апреле 1906 г. обратился к своим единомышленникам с предложением обсудить на ближайшем заседании дворянского собрания Московской губернии ряд вопросов. В поднятых им проблемах явственно проступали контуры будущей программы объединения земельных собственников, помещиков и крестьян, с целью смягчить противоречия между ними, а также будущей Столыпинской аграрной реформы. На суд собравшихся Щербатов представил тезисы «об учреждении губернских комиссий из представителей крупного и мелкого землевладения». Этим комиссиям надлежало выяснить способы: а) увеличения производительности сельского хозяйства; б) упорядочения правовых отношений между землевладельцами и арендаторами, между общиной и отдельными домохозяевами; в) содействия законодательным путем переходу земельной собственности от одних лиц к другим и правильному распределению ее между крупными и мелкими землевладельцами «согласно пользе государства» и др.¹

Московская инициатива нашла отклик в провинции. В Саратовской губернии, где крестьянская борьба за землю достигла едва ли не наибольшего размаха, эти идеи нашли практическое воплощение. Там уже летом 1906 г. действовал Комитет союза землевладельцев — монархистов-конституционалистов. То, что провозглашенные в Москве призывы к объединению были реализованы в Саратове, не являлось случайностью. Одним из помещиков и одновременно видным земским деятелем Саратовской губернии был Н. Н. Львов, входивший в руководство Союза «Освобождение». Саратовским губернатором был во время революции П. А. Столыпин. Получив назначение на пост министра внутренних дел, он не оборвал связи

Куренышев Андрей Александрович — кандидат исторических наук. Государственный исторический музей.

с саратовской земской общественностью. Одним из приоритетных направлений деятельности Столыпина было создание таких общественных организаций, которые могли бы не только словесно поддерживать правительство, но и реально бороться с революцией. Столыпин стремился «внедрить» поместное дворянство в общественность, превратить его в троянского коня среди оппозиционных правительству сил. При посредничестве Львова Столыпин искал контакты с оппозиционно настроенными депутатами I Государственной думы, «старался внушить кадетам, что он сам преисполнен либеральными мыслями и намерениями»². Для того, чтобы сделать поместное дворянство частью «общественности», в мае 1906 г. был созван I съезд уполномоченных дворянских обществ, в работе которого принимали участие чиновники ведомства внутренних дел А. И. Лыкошин и В. И. Гурко. В условиях революции правительство стремилось не только консолидировать дворянство, но и привлечь на свою сторону земцев, многие из которых также были земельными собственниками, то есть либеральных помещиков и часть крестьянства. Но в тех условиях даже либеральные помещики, принадлежавшие к кадетской партии, начали высказываться за отчуждение частновладельческих земель и передачу их крестьянам — за приемлемую цену, казенные же, удельные, монастырские и кабинетские земли предлагали передать без всякого выкупа. В 1905 — начале 1906 г. царское правительство только нащупывало свою линию решения аграрного вопроса. Оберегая «незыблемые основополагающие устои», оно колебалось в выборе между отчуждением части помещичьих земель в пользу крестьянства и разрушением общины в целях расширения слоя земельных собственников. Одновременно рождались планы объединения всех землевладельцев в единое социально-экономическое и политическое целое на основе признания абсолютного права частной земельной собственности. Вынужденность и скороспелость этих планов признавали как их сторонники, так и противники. «Мы, нижеподписавшиеся землевладельцы Саратовской губернии всех сословий и положений, крайне встревожены и опечалены многим, что предполагается и говорится в Государственной думе, особенно по крестьянскому, земельному вопросу», — писали землевладельцы Саратовской губернии в своем всеподданнейшем адресе³. В этом документе обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, стремление объединить всех землевладельцев независимо от их сословия; во-вторых, стремление дворян, помещиков действовать в рамках конституционного порядка, созданного революцией, и вместе с тем выйти за эти рамки. Их обращению предшествовали тщетные попытки деятелей Союза землевладельцев пройти в Думу. Потерпев на выборах сокрушительное поражение (от Саратовской губернии были избраны кадеты и трудовики), дворяне-землевладельцы решили обратиться за поддержкой к императору.

Маневры царской администрации и демагогия помещиков по поводу защиты частной собственности мало кого могли в те годы ввести в заблуждение. Саратовская социал-демократическая газета «Приволжский край» 18 июня 1906 г. отметила, что «саратовские „трудовые дворяне“ особое внимание обращают на предложение трудовой группы», добивавшейся национализации всей земли. Им «совсем не важно, что отберут их земли, за которые они в течение многих лет брали с мужика голодную аренду», иронизировала газета. «Они готовы ими поступиться. Им более всего жаль, что предполагается отобрать самые мелкие участки, отобрать землю у крестьянских

обществ. Весь смысл подобных воззваний заключается в том, чтобы, с одной стороны, вызвать междоусобицу между крестьянами, а с другой — уронить значение Думы»⁴.

Тщетность попыток объединить в одной упряжке помещиков и крестьян — собственников земли понимало и правительство. Не надеясь на то, что землевладельцы-конституционалисты одержат верх над сторонниками отчуждения частновладельческих земель, ни в Думе, ни, главное, в деревне, правительство пошло 6 июля 1906 г. на неконституционный роспуск Государственной думы. Попытки объединить в одной организации землевладельцев-помещиков и крестьян-собственников в целях защиты частной земельной собственности не увенчались успехом. Землевладельцы-помещики, отстаивая всеобщее, абсолютное право частной собственности на землю, слишком явно стремились уберечь свои владения. В конце концов правительство встало на путь разрушения общины и предоставления крестьянам реального права собственности на свои наделные земли. Правительство осталось верным своему методу бюрократических преобразований, проводимых без участия земской «общественности». Об опоре на крестьянство после выступления в Думе трудовиков не могло быть и речи.

В результате Февральской революции к власти пришли представители оппозиционной «общественности»; многие общественные организации, возникшие во время революции 1905—1907 гг., вновь заявили о себе. В начале мая 1917 г. в Москве состоялся учредительный съезд Всероссийского союза земельных собственников и сельских хозяев. На нем были представлены помещики, хуторяне, отрубщики, арендаторы и другие категории землевладельцев от 31 губернии России. Съезд принял новый устав, подчеркнув как преемственность с прежними аналогичными организациям, так и отличие новой организации от предшественниц. Основной целью деятельности организации провозглашалась защита частной собственности на землю.

Союз земельных собственников нес на себе явный отпечаток «старого режима»; «объединяясь в Союз земельных собственников, созданный еще до революции, помещики стремились, во что бы то ни стало, сохранить в своих руках земельные богатства», — писал Э. Н. Бурджалов⁵. В советское время большинство исторических работ на аграрно-крестьянскую тематику было посвящено борьбе крестьян с помещиками за землю. Именно в связи с рассмотрением перипетий борьбы крестьян за землю историки писали о Союзе земельных собственников, отмечая, что он пытался защищать помещиков, а также хуторян и отрубщиков от самовольных захватов земли, скота, инвентаря и снятия военнопленных общинниками по распоряжению низовых крестьянских организаций⁶. Общая оценка Союза в историографии сводилась к тому, что это была организация, выражавшая в основном интересы помещиков и, отчасти, крестьянской буржуазии, то есть хуторян и отрубщиков. «Активную борьбу за расширение своих позиций в земельных комитетах вели помещики», — писал В. И. Кострикин. Всероссийский съезд землевладельцев (2 июля 1917 г.), Главный совет Всероссийского союза земельных собственников (7 июля), губернские и уездные отделения Союза земельных собственников «настойчиво добивались включения в состав земельных комитетов представителей Союза земельных собственников»⁷.

Источники свидетельствуют о том, что Союз стоял на защите частного землевладения и права частной собственности на землю. Большинство

исследователей, однако, считает, что Союз земельных собственников стоял на защите помещичьей собственности. Всех же прочих частных землевладельцев, крестьян-хуторян и отрубщиков помещики, заправлявшие делами в союзе, стремились привлечь ради создания массовой базы. Следуя марксистско-ленинской методологии, полагалось считать все частновладельческие хозяйства капиталистическими, а вместе с тем отмечать наличие феодально-крепостнических пережитков. К ним в первую очередь относили помещичье землевладение, а общину оставляли в стороне. Хотя споры о характере аграрного строя России так и остались неоконченными, историки, дабы подогнать ситуацию, сложившуюся в деревне, под ленинские оценки характера и движущих сил революции 1917 года, утверждали, что капитализм сделался господствующим укладом в экономике страны, а пережитки феодализма сосредоточились, главным образом, в верхах российского общества: в царской монархии и дворянско-помещичьем землевладении. Соответственно борьба крестьян-общинников и подконтрольных им низовых органов власти с помещиками и крестьянами-выделенцами оценивалась чуть ли не как борьба за социализм⁸. Все, что писалось о Союзе земельных собственников, было очень фрагментарно и не увязывалось с общим ходом развития событий в аграрном секторе экономики страны.

В соответствии с жесткой схемой, восходящей к ленинским текстам и другим документам партии большевиков, после победы Февральской революции как «соглашательские» советы, так и буржуазное Временное правительство преследовали одни и те же цели: продолжение войны и затягивание и даже саботаж революционных преобразований в стране. И только большевики выражали подлинные интересы широких народных масс и были готовы довести решение задач буржуазно-демократической революции до конца, даже ценой военного поражения. Взяв курс на захват власти, они вели борьбу не только с цензовыми, буржуазными элементами общества, но со всей революционной («мелкобуржуазной») демократией. С этой точки зрения, только большевики были последовательными борцами против частной собственности вообще и против земельной частной собственности, в частности. Но в действительности противниками частной (помещичьей) собственности было большинство крестьянства страны. Только сравнительно небольшая часть крестьянства, получившая в ходе столыпинской аграрной реформы возможность вести индивидуальное хозяйство, могла рассматриваться в качестве сторонников частной собственности на землю. Эти так называемые столыпинские мужики были заинтересованы в приобретении помещичьих земель. Но еще сильнее была тяга основной массы крестьянства к «черному переделу», всеобщему поравнению земли. Соотношение сил в стране было явно не в пользу сторонников частной собственности на землю.

В феврале 1917 г. к власти пришли представители торгово-промышленных кругов, земцы, кооператоры, словом все те, кто долгие годы находился в легальной и нелегальной оппозиции царскому режиму. Их объединяло на первых порах стремление решать острые вопросы, привлекая широкую общественность, то есть демократически, или по крайней мере использовать демократический строй, установившийся в стране, в своих интересах. Все противники большевиков постепенно получили наименование контрреволюционных сил, а все, что они делали, было предано анафеме.

Современная отечественная историография отходит от стереотипов

прошлого, одновременно как бы продолжается методологический и политический спор 1917 года, обозначились два основных подхода в оценке преобразований аграрных отношений страны, существовавших в российском обществе. Как пишет В. Л. Телицын, первая из этих позиций, либеральная, сводилась к признанию необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, и на этой основе — материального подъема и духовного развития крестьянства; не отвергалась, однако, необходимость ликвидации нерентабельных помещичьих хозяйств — таких, от которых помещики стремились избавиться сами, рассчитывая получить за землю хотя бы минимум ее стоимости, путем выкупа за счет государства. Крупные и хорошо отлаженные хозяйства предполагалось оставлять владельцам.

Иной вариант проведения преобразований Телицын называет эгалитарным. Он базировался «на признании факта существования крестьянского малоземелья как такового, то есть, собственно, господства помещичьего землевладения как главного фактора остроты аграрного вопроса. Из чего следовало, что всю, без исключения, помещичью землю надо передать крестьянам»⁹.

Здесь в основном повторяется то, что писал об обсуждении плана аграрных реформ после февральского переворота, о двух существовавших точках зрения В. В. Кабанов: «Первая точка зрения исходила из признания факта существования крестьянского малоземелья (и, собственно, господства помещичьего землевладения) как главного фактора остроты аграрного вопроса; отсюда следовало, что помещичью землю надо передать крестьянам. Различия и оттенки были лишь в способах передачи: насильственно либо мирно, безвозмездно или за выкуп и т. д.». «Вторая точка зрения сводилась к признанию необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, созданию максимально благоприятных условий для их материального подъема и духовного развития крестьянства. При этом не отвергалась вовсе необходимость ликвидации помещичьих хозяйств. Но не всех. А только части, и передачи их крестьянам. Крупные и хорошо налаженные хозяйства предполагалось оставлять владельцам»¹⁰.

Как можно заметить, оценки перспектив реформирования аграрного сектора экономики России у двух историков совпадают не только по смыслу, но даже текстуально. И это совпадение не случайно. Та группа исследователей, к которой принадлежат Кабанов и Телицын, воспроизводит позицию либералов, выраженную, например, в работах Б. Д. Бруцкуса: «Современные историографические оценки аграрной революции совпадают с бруцкусовыми»¹¹, — пишет в этой связи Н. Л. Роголина.

Рассмотрение либеральной альтернативы реформирования аграрного строя, необходимое само по себе, не должно сводить суть дела к экономической целесообразности преобразований. Оценивая события 1917 г., нельзя отбросить вопрос о соотношении более широких интересов различных групп населения — помещиков и крестьян, крестьян-общинников и хуторян и отрубщиков. Их нельзя втиснуть в понятия так называемых «первой» и «второй» социальных войн в деревне (все крестьянство против помещиков; крестьянская беднота против крестьянской буржуазии). В 1917 г. крестьяне боролись с помещиками не столько за землю, сколько за более выгодные условия производства и сбыта своей продукции в условиях кризиса, вызванного войной. Крестьяне видели в помещичьих хозяйствах своих

конкурентов, а не только извечных угнетателей и притеснителей. Выделение на хутора и отруба наносило такой экономический и нравственный урон оставшимся в общине, что никакие увещания эсеров, а впоследствии большевиков примирить враждующие стороны не могли. Община в это время была сильнее экономически и организованнее. Противники ее, лишившись мощной поддержки в лице царской власти, были обречены на поражение.

Ныне исследователи отдают предпочтение «экономическим» аргументам; «социальные» доводы, политические и идеологические (воля большинства населения, то есть крестьянства) в расчет не берутся. Историки прошлых лет, напротив, апеллировали главным образом к воле народных масс, требования крестьян считали всегда оправданными, часто в ущерб экономической целесообразности преобразований. Истина находится где-то посередине.

При изучении такой организации, как Союз земельных собственников, можно заметить, что его главные идеологи использовали в спорах со своими политическими оппонентами, по преимуществу, «экономические» доводы либерального толка. Тем не менее их политической и идеологической деятельности была присуща точно такая же социальная демагогия, как и другим партиям, союзам и лигам того времени. В документах союза нет разъяснений, что подразумевалось под частной собственностью. Между тем в то время так принято было именовать исключительно помещичью собственность. Идеологи Союза, заинтересованные в привлечении на свою сторону крестьянства, причисляли к «частным собственникам» хуторян и отрубщиков.

Ради этого в уставе ВСЗС в качестве основополагающего принципа было записано: «Земли, принадлежащие трудящемуся на земле населению, ни в коем случае, отчуждению не подлежат». Это — явный реверанс в сторону крестьян. Главными же задачами Союза провозглашалось: «а) Содействие наивысшему развитию производительных сил страны: сельского хозяйства, лесоводства, скотоводства, сельскохозяйственной промышленности и защита всякого рода собственности, как основы наивысшей производительности труда и благосостояния государства, с допущением в подлежащих случаях принудительного отчуждения земель по добровольной, соответствующей их действительной стоимости оценке».

Пункт «б)» первого параграфа устава также отражал стремление руководства Союза продемонстрировать свою заботу о крестьянстве. Для Союза земельных собственников самое главное, говорилось в этом пункте, это: «Всемерное содействие государству в разрешении земельного вопроса на началах права, справедливости и защиты истинных нужд земледелия, землевладения и землепользования, считаясь с настоятельной необходимостью увеличения земельной площади на правах собственности малоземельных граждан, работающих на земле»¹².

Можно понять, почему организации не удалось добиться большого влияния. В том, что предлагал ВСЗС, было очень много от старорежимного, несмотря на прогрессивную либеральную фразеологию. «Либерально настроенные политики были убеждены, что „новому режиму придется перерабатывать в демократическом духе реформы, отчасти уже начатые при старом режиме. Речь, конечно же, идет о продолжении, но с определенной корректировкой, стольшинских аграрных преобразований“», — пишет,

цитируя Бруцкуса, Телицын¹³. Среди членов ВСЗС было немало чиновников столыпинского призыва. Видное место занимал, например, князь Б. А. Васильчиков, Главноуправляющий земледелием и землеустройством в начальный период проведения столыпинской аграрной реформы. А Н. Н. Львову ту же должность предлагал Столыпин. (Львов отказался, и должность принял Васильчиков.) В составе Союза насчитывалось немало активных участников столыпинского реформирования сельского хозяйства.

Как считают некоторые историки, главным направлением этих преобразований в последние годы их проведения стали землеустроительные работы¹⁴. Любопытный документ отражает связь деятельности ВСЗС 1917 года со столыпинской аграрной реформой. Это письмо, в котором один из работников землеустроительного ведомства, неперемный член Московской уездной землеустроительной комиссии, излагает мотивы поступления на работу в Союз. «Когда в Москве возник организационный комитет союза, я принял деятельное участие в его работе, так как я считал эту деятельность *естественным продолжением* (курсив мой. — А. К.) моего служения идее земельной собственности в условиях переживаемого момента. По моему зову в учредительном собрании союза 11 мая приняли участие крестьяне-собственники, интересы которых я считал искренне совпадающими с интересами союза»¹⁵.

Что, по сути дела, предлагали идеологи Союза? Продолжать столыпинскую аграрную политику без царского бюрократического аппарата, то есть руками самих крестьян или при помощи слабых и насквозь пропитанных революционно-демократическим духом новых органов власти? Как только пал царский режим, крестьяне-общинники начали всячески зажимать крестьян, выделившихся на хутора и отруба. Раскол деревни усилился настолько, в некоторых местах крестьяне-выделенцы начали даже создавать свои отдельные органы местного самоуправления.

Подобное поведение общинников стимулировало вступление хуторян и отрубщиков в Союз земельных собственников, но страх был сильнее. Благодаря противостоянию с основной массой крестьян-общинников интересы крестьян-выделенцев и помещиков смыкались. На Саратовском губернском съезде земельных собственников с одной трибуны выступали князь Б. А. Васильчиков и крестьяне — хуторяне и отрубщики. Однако жалобы крестьян-выделенцев свидетельствовали о безнадежности их борьбы с общинниками. Один из крестьян говорил: «После 1 марта жизнь наша, мелкого землевладельца, ни на что не похожа. Дрожишь, за калитку выглядываешь с опаской. Я имею 12 десятин, но у меня вытравили луг, уничтожают лес, забрали последнего военнопленного. Куда обратиться за помощью? Только не в сельский комитет».

В газетной статье, излагавшей содержание речей участников съезда, говорилось: «Как дворяне-помещики, так и крестьяне-отрубщики в один голос негодуют на действия крестьян-общинников и волостных и сельских комитетов. По словам отрубщиков, общинники не дают им организовать в союз земельных собственников, всячески теснят их. Всегда, во всех случаях оказываются правы общинники или эти самые волостные комитеты. А кто в них сидит? Все те же общинники. Нам, отрубщикам, не дают собираться, грозят арестами. А кто грозит? Пролетарии, ничего не имеющие и готовые на все. Отрубщики же — мало-мальски зажиточные. Вот на нас и ополчаются»¹⁶. В отчете, составленном отделом сношений с провин-

цией Временного комитета Государственной думы, отмечалось: «Отрубщиков и мелких земельных собственников с 30—50 дес. в волостные исполнительные комитеты совершенно не избирают, и их интересы остаются не представленными»¹⁷. О негативном отношении общинников к отрубщикам и хуторянам говорилось и на III съезде партии эсеров. Будущий товарищ министра земледелия, член ЦК ПСР Н. Н. Ракитников говорил: «Очень остро стоит земельный вопрос у крестьян-общинников с отрубщиками. Крестьянство крайне враждебно относится к отрубщикам. Принадлежность к отрубам накладывает на крестьян такое пятно, которое является несмыслимым», таких людей уже не выберут ни на какую должность¹⁸.

II съезд Союза земельных собственников проходил также в Москве 8 июля 1917 года. В нем приняли участие 400 делегатов от 45 губернских и 337 уездных отделений союза. Что бы ни происходило в столицах, в деревне все шло своим чередом. Крестьянские комитеты давили на помещиков и отрубщиков и хуторян. Земельные собственники так же продолжали гнуть свою линию, отстаивая право частной собственности, то есть фактически право на существование помещичьего хозяйства.

Если бы предложения признать право частной собственности как основу благосостояния и развития сельского хозяйства страны прозвучали вне связи с идеологией и практикой столыпинских преобразований; если бы эти речи звучали не из уст помещиков, владельцев сотен десятин земли; если бы за этими призывами не было бы видно стремление оградить свое имущество — может быть, отношение к ним основной массы крестьян было бы иным?

Умеренно-консервативная настроенность Союза диссонировала с революционной обстановкой. На съезде Союза, в речах его членов на различных совещаниях звучали обвинения по адресу революционных, социалистических партий и даже Временного правительства в разрушительной политике. Деятели союза пытались убедить крестьян и себя самих в том, вся «смута» происходит от безответственных действий «революционеров» и слабости Временного правительства, идущего у них на поводу. В своем выступлении на Государственном совещании в августе 1917 г., где присутствовало в качестве делегатов 20 членов Союза, его руководитель Львов говорил: «С самого начала революции, борющиеся между собой за власть политические партии превратили земельный вопрос в средство для привлечения на свою сторону крестьянских масс, причем для революционизирования крестьянства в народ бросались лозунги, которые разжигали страсти... Но каково же было отношение правительственной власти к аграрному вопросу?.. Правительство заявляло, оно ни в чем не желает предрешать вопроса до Учредительного собрания, а во-вторых, те меры, которые оно хочет применять на местах, сводятся лишь к урегулированию земельных отношений. Но как совместить с такими заявлениями издание закона 12 июня и циркуляра Министерства земледелия 16 июля? Запрет купли-продажи есть отрицание частной собственности. Право вмешательства в хозяйственную жизнь со стороны комитетов есть худший вид лишения собственника [возможности] пользоваться плодами своего труда»¹⁹.

Из слов Львова видно, что в повседневной практике земельных и продовольственных органов сильнее всего возмущало земельных собственников. Они не желали государственного и общественного вмешательства в имущественные и производственные отношения. Земельные собственники выражали недовольство государственным и, особенно, общественным

контролем со стороны различных комитетов за производством, распределением и реализацией сельскохозяйственной продукции. Различные крестьянские организации: общественные исполнительные комитеты, земельные и продовольственные комитеты, а также появившиеся в конце лета — начале осени 1917 г. волостные земства действительно вмешивались в процессы сельскохозяйственного производства. Это вмешательство в процесс производства и распределения продукции со стороны низовых организаций было не только проявлением демократизации или административным произволом. Регулирование было потребностью времени. Оно заменяло разрушенные войной рыночные хозяйственные механизмы. Демократизация всех сторон общественной жизни, включая и производство была в общем и целом смыслом Февральской революции. Ожидалось, что демократические организации, заменив царскую бюрократию, повысят эффективность системы управления.

Депутат Государственного совещания от ВСЗС, некто Мельников, верный основной политической линии своей организации, стремившейся к единению со всей «революционной демократией», заявил: «Всероссийский союз земельных собственников готов к единению и жертвам. В своей программе он черным по белому говорит, что он признает и считает государственно необходимым отчуждение земли у крупных землевладельцев. И только с этой точки зрения, только с этой государственной точки зрения союз смотрит на весь земельный вопрос». В речах рядовых членов той или иной организации, обычно представителей глубинки, бывает изложено то, что является самой сутью политики организации, иногда они говорят даже больше, чем требует тактика политической борьбы. Пытаясь убедить участников совещания в том, что ВСЗС объединяет и представляет не только дворян-помещиков, но и крестьян — земельных собственников, Мельников продолжал: «Земельный собственник понимается как один только немногочисленный класс, класс так называемых помещиков. Мы, земельные собственники, объединяем не только тот земледельческий класс, против которого теперь так много говорится дурного, но и огромный класс крестьян-собственников, таких крестьян, населяющих такие области и местности, которые не могут себе представить другого пользования землей, как только на правах частной собственности».

Рядовой земельный собственник выразил своими словами кредо Союза: стремление объединить в одну организацию крестьян и помещиков. Главную помеху этому объединению на почве защиты частной земельной собственности руководители Союза видели в деятельности различных низовых крестьянских организаций и в частности земельных комитетов, созданных Временным правительством для подготовки земельной реформы. Не случайно поэтому Мельников сосредоточил огонь критики именно на этих крестьянских организациях. «Мы здесь слышали,— продолжал он,— что земельные комитеты, которые образованы в настоящее время, стоят ни много ни мало 120—140 млн в год. Сколько времени нужно для того, чтобы [решили свою задачу] эти земельные комитеты, поставленные, как нам здесь заявляли, только для того, чтобы изучить и подготовить этот вопрос? Сколько эти комитеты или какие-нибудь другие организации, которые будут поставлены на место их, стоять? Сколько лет потребуется, чтобы весь этот аграрный вопрос разрешить так, чтобы он действительно был разрешен государственно, без всяких эксцессов, на пользу всего народа? На эти

деньги можно выкупить частновладельческие земли», — подытоживал он свои рассуждения ²⁰.

Вместе с тем руководители ВСЗС, верные своей тактике обвинять во всем революционные партии и безответственных деятелей правительственной власти, старались по мере возможности выгораживать само крестьянство. Выступая на съезде Союза, Львов говорил, объясняя разницу между крестьянским движением 1905—1906 гг. и 1917 года: «Разница заключается в том, что тогда крестьянское движение шло снизу, как бы само собой выросло из почвы. Сейчас движение создано сверху. Тогда деревня пережила острый земельный кризис. С тех пор многое изменилось в жизни деревни. Законом 14 июля создан целый слой крестьян-собственников, зажиточных и сильных хозяйств, и вместе с тем разрушилось значительное количество втуне лежавших помещичьих земель». Соответственно, аграрное движение Союз изображал как результат агитации эсеров, с одной стороны, и бездеятельности властей — с другой. «Крестьянство само не производило насилий, когда на местах после свержения старого строя не было абсолютно никакой власти и когда, казалось бы, был полный простор произволу. И лишь начало осуществлять всякого рода правонарушения и насилия после образования исполнительных и особенно земельных комитетов, которые подталкивали и вовлекали крестьянство во все виды самых крайних правонарушений и своим руководством и санкцией как бы узаконивали их» ²¹. Главных своих врагов Союз видел в низовых крестьянских организациях, тесно связанных с общиной и не допускавших в свой состав представителей крестьян — выделенцев, хуторян и отрубщиков.

Противостояние двух «позиций», либеральной и революционной, в ходе аграрных преобразований в 1917 г. было отнюдь не кабинетным делом. В обществе сложились две противоборствующие социальные группы. Именно они являлись социальными носителями и деятелями того или иного варианта развития аграрного сектора экономики. При этом все преимущества, в отличие от дореволюционного времени, оказались на стороне основной массы крестьянства. К своим прежним козырям, численному превосходству, крестьянство добавило то, чего у него прежде было явно недостаточно, — организованность. Крестьяне в 1917 г. имели свою партию, свои организации и свою идеологию. Идеология же их противников была в значительной степени старой, столыпинской, может быть, буржуазно-либеральной по сути, но во всяком случае дворянско-помещичьей по исполнению.

Особенностью социального развития 1917 г. было то, что многие важнейшие вопросы народной жизни могли решаться и решались на низовом уровне. Здесь преимущество общинников над «земельными собственниками» было полным. Исполнительные, земельные и продовольственные комитеты создавались и в волостях, и в деревнях, и в селах по всей стране. Отделения же Союза земельных собственников возникли даже не во всех губернских городах. В тех губерниях, где они были, отнюдь не все уезды имели отделения. Волостных и сельских отделений Союза практически не было. Не может удивлять тот факт, что наибольшее количество местных отделений Союза возникло в Центрально-Черноземном районе, где позиции помещного дворянства были традиционно сильны. В Курской губернии, помимо губернского отдела, существовали отделы в ряде уездных городов: в Белгороде — Союз земельных собственников, в Гайворонске —

Союз сельских хозяев, в Дмитриевске — Союз землевладельцев, в Льгове — Союз землевладельцев и земледельцев-собственников, в Оболенске — Союз земельных собственников, в Рыльске — уездный отдел Союза. В Орловской губернии существовали: Болховский уездный союз землевладельцев, Елецкий уездный отдел, Карачевский союз земельных собственников, Ливенский уездный отдел, Орловский уездный отдел, Севский уездный отдел, Малоархангельский уездный отдел и Сошанское волостное общество Брянского уезда. Разнообразие названий может служить свидетельством наличия низовой инициативы, творческой мысли и активности в работе. В других губерниях на уездном уровне существовали только отделения Союза. Даже в родной губернии Львова, Саратовской, существовало лишь пять уездных отделов, в соседней, Самарской, также лишь две уездные организации: Бугурусланский отдел посевщиков и земельных собственников и Бузулукский отдел союза посевщиков. В некоторых губерниях существовали только уездные организации союза. Например, в Херсонской губернии существовали Херсонский, Афанасьевский, Елисаветградский уездные отделы и Мостовский подотдел Ананьевского уезда. В некоторых губерниях организации земельных собственников получали свои местные наименования. В Полтавской губернии существовала Полтавская губернская партия хлеборобов-собственников. В некоторых губерниях организация называлась Союз хлеборобов. Волостные организации Союза существовали в очень небольшом количестве (удалось выявить семь). В некоторых районах страны организации имели название Крестьянский союз. В Лифляндской губернии сосуществовали Балтийское общество сельских хозяев и Эстонский крестьянский союз. Кое-где возникли объединенные организации сельских и городских владельцев. В Тамбовской губернии был организован Тамбовский союз сельских и городских собственников ²².

Союз стремился играть политическую роль. Его руководство, принадлежавшее к прежней политической и идеологической элите страны, не могло смириться с той второстепенной ролью, которую ему навязывал объективный ход исторических событий. Борясь за место под солнцем и защищая интересы земельных собственников, руководители Союза предполагали участвовать в выборах в Учредительное собрание. В циркуляре местным отделам ²³ Главный совет Союза указывал: «Приближается время выборов в Учредительное собрание. Выборы эти явятся первым экзаменом Союза. От исхода их зависит, быть может, судьба всего частного землевладения России». Далее циркуляр разъяснял задачи губернских и уездных отделов Союза в подготовке к выборам: «Необходимо мельчайшим ячейкам союза напрячь все силы к увеличению числа голосов, поданных за несоциалистические партии». Губернским отделам предлагалось немедленно составить списки всех единоличных собственников каждого уезда. «Это возможно сделать по окладным книгам уездных земств, казенной палаты и Крестьянского банка. Сведения из них всегда можно получить частным образом». В этих списках могли значиться как члены Союза, так и еще не вступившие в Союз лица. После составления списков предполагалось разослать воззвания с призывом подать голоса за тех кандидатов, которых поддерживает Союз. Воззвания следовало изготовить в таком виде, чтобы их было удобно наклеивать на стены изб; рекомендовалось разъяснять систему пропорционального представительства, принятую на выборах в Учредительное собрание. Воззвания такого рода предполагалось выпустить дваж-

ды. Один раз — сразу после получения циркуляра. Второй — накануне дня выборов (12 ноября). Руководство Союза предлагало местным отделам найти для развозки воззваний людей, способных разъяснять систему выборов и рассказывать о целях и задачах ВСЗС.

К 1 октября 1917 г., к предполагаемому заседанию Главного совета Союза с участием представителей губернских и областных отделений, каждый из них должен был иметь списки своих кандидатов в Учредительное собрание. «Этот список, — гласил циркуляр, — удобнее всего выработать не на общем собрании членов отдела, а в менее многочисленной коллегии, например, в совете отдела, пополненном представителями уездных отделов. На общем собрании губернского отдела списки могут быть доложены позднее». От всех лиц, включенных в списки кандидатов, требовалось получить письменное согласие на участие в выборах. На тот случай, когда шансов на избрание своего кандидата или прохождение списка Союза было мало, имелся другой сценарий. Губернский отдел должен был выяснить и сообщить общероссийскому совету в Москве: а) с какими партиями или группами блок возможен; б) взгляд отдела и этих партий на условия блокирования (совместный список кандидатов, безвозмездная отдача своих голосов данной группе или наоборот)». На Всероссийском совещании союза предполагалось назначить представителей в уездные, городские и участковые избирательные комиссии.

Таким образом, ВСЗС провел определенную работу по подготовке к выборам в Учредительное собрание. Однако в условиях всеобъемлющего кризиса, поразившего страну, умеренно-либеральная программа ВСЗС и близких к нему партий и организаций не могла успешно соперничать с радикальными лозунгами эсеров и особенно большевиков. Основная часть населения в это время больше была расположена верить уравнилельно-социалистическим лозунгам и радикальным рецептам. Идеологи Союза в своей полемике с социалистическими партиями пытались доказывать, что причины бедственного положения основной массы крестьянского населения коренятся не в малоземелье и не в помещичьем гнете, а в дороговизне товаров промышленного производства, то есть в усилении неэквивалентности обмена между промышленностью и сельским хозяйством. Многие из того, что писали и говорили члены Союза, было в принципе верно. Однако, если большевики делали привлекательный для масс практический вывод: войну надо кончать любым способом, то земельные собственники призывали вести ее до победного конца.

Критикуя программные требования своих политических оппонентов, представители Союза предупреждали, что их реализация приведет к господству общины. Они предрекали реставрацию крепостного права. «Нам говорят, — отмечал в своей речи на Государственном совещании Львов, — что право на даровую землю для всех трудящихся есть русский народный идеал, нигде в мире не осуществленный, но который должна осуществить русская революция. Но не возник ли этот идеал от условий общинного быта, насквозь пропитанного пережитками крепостного права. И когда говорят о том, чтобы наделить землей всех поровну и даром, то забывают прибавить: за крепостной труд в пользу общества и государства». «Община, — продолжал Львов, — есть низшая ступень земледельческой культуры. В правовом отношении — низшая форма правосознания, принижающая человеческую личность весьма близко к кабальной зависимости от

сельского схода. И этот идеал, насильственно ломая все на пути, стремятся навязать всей России»²⁴. Его филиппика явно была направлена против эсеров и их программного требования социализации земли.

Многие деятели Союза понимали разницу между социализмом и «социализацией земли». Многие были в принципе противниками не социализма, а российских социалистов, эсеров и большевиков. Тот же Львов написал статью под несколько странным для сторонника либерализма и частной собственности на землю названием: «В защиту социализма»²⁵. В ней он, в частности, писал: «Социализм есть одна из высших ступеней на пути к идеалу совершенного существования, к которому неудержимо и мощно всей своей массой, в вечных поисках правды, стремится измученное человечество». Но идеал идеалом, а неизбежно приходится спускаться на грешную землю, и тогда выясняется, что человечество в силу объективных и субъективных причин к социализму не готово. Социализацию земли Львов считал мероприятием несовместимым с социализмом. «Реформа социализации и национализации земли, — писал он, — дробление и отчуждение из частной собственности в общественную, изъятие ее (земли. — А. К.) из товарообмена безвредны и возможны только при совершенном уже экономическом строе и идеальном человечестве». А пока переход к такому порядку будет «для любого государства в силу неподготовленности его населения, экономических условий и запутанности международных отношений чрезмерно болезненным, нерациональным и практически вряд ли возможным».

«Социализация земли, проведенная одним росчерком пера, в настоящее время будет тормозом для социализма, — предостерегал он, — и убыточным для благосостояния страны актом. Разрушив существующие хозяйства, разорив отдельных лиц, создаст ряд мелких и непрочных». Цитируемый документ несет на себе отпечаток наивной веры, владевшей в первые революционные месяцы большинством народа, — веры в возможность всеобщего примирения ради общего блага. «Интересы всех сельских хозяев одинаковы и не зависят [ни] от социального положения, ни от способа участия хозяина в заботе о земле... — утверждал Львов. — Необходимо для сохранения жизненной силы страны и во избежание грозной... экономической разрухи, выработать новый порядок взаимоотношений и труда. С этой целью желательно создать на местах волостные, уездные, губернские, областные союзы сельских хозяев всех партий, классов, народностей, состоящих как из собственников, так и из работающих на чужой земле на правах рабочих и арендаторов». Союзы, по мысли автора статьи, должны были выработать нормы и условия совместного и добрососедского труда.

В статье Львов изложил программные требования союза земельных собственников: 1) отказаться от социализации или национализации всей земли, «ввиду моральной неподготовленности народа». 2) признать справедливым требование земли со стороны неимущих классов; это требование должно быть так или иначе удовлетворено. Для этого государство должно создать земельный фонд из земель, не находящихся в частной собственности. Но в случае острых местных нужд или по причине общего недостатка земли «необходимо установление особых местных норм на право частного владения землей, сверх которых государство вправе отчуждать земли у владельца по справедливой оценке». 3) право на частное владение землей имеет только тот, кто ведет культурное, рациональное хозяйство, тот, «чьи земли не лежат неиспользованными или заброшенными».

В духе лозунга «единения всех живых сил общества», Львов обратился к социалистам за помощью в организации союзов земельных собственников: «Помогите, отбросив в общенародном деле все классовые перегородки, слить воедино деятельность существующих уже союзов с деятельностью крестьянских советов, съездов, так как только тогда и только подлинными людьми деревни, сложный аграрный вопрос может и будет решен практично, жизненно и справедливо».

Мысли, высказанные Львовым, разделяло руководство ВСЗС. Главный совет союза признал желательным разослать ее от своего имени для ознакомления министрам-социалистам, особенно А. Ф. Керенскому, Н. Д. Авксентьеву, В. М. Чернову, а также исполкому съезда крестьянских депутатов, председателю Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе, представителям партий, а также в переработанном виде распространить среди крестьян.

Развитие событий показало тщетность надежд на подобное единение. Не удалось добиться создания единой массовой организации, включавшей и земельных собственников, и хуторян, и отрубщиков. Союз земельных собственников так и остался организацией, объединявшей преимущественно дворян-помещиков и небольшую часть крестьян. По мере крушения этих надежд менялся и тон речей руководителей Союза. Их выпады по адресу социалистических партий стали намного резче к концу лета. Выступая на Государственном совещании, Львов бросил гневные обвинения крайне левым социалистическим партиям и группам. «Мирное население России выдано с головой шайкам уголовных преступников, безумцев и проходимцев, вроде тех, которые засели на даче Дурново и во дворце Кшесинской, шакалам и гиенам революции». Деятельность большевиков Львов оценил следующим образом: «То, что губит деревню, сельское хозяйство, губит равным образом нашу промышленность, губит армию,— это революционный большевизм, скрывающий под личиной высокой социалистической правды низменные инстинкты трусости, жадности и погромных настроений. Большевизм — это не одни товарищи Ленина, это заразная болезнь, которой болен русский неокрепший народный организм»²⁶.

Как известно, крайности сходятся. Данные Союзом оценки деятельности Временного правительства по подготовке к проведению аграрной реформы удивительным образом совпадали с большевистскими. Так же, как они, руководители Союза считали, что Временное правительство в целом и министерство земледелия в частности ведут порочную политику. В речи на II съезде ВСЗС (8 июля 1917 г., Москва) Львов говорил о неспособности представителей революционных партий эффективно руководить страной. «Там, в Петрограде, в министерствах и кабинетах, при помощи статистических вычислений подгоняют земельный вопрос под готовую математическую формулу»²⁷. В связи с такой характеристикой деятельности правительственных органов по подготовке аграрной реформы, можно вспомнить, что и Л. Д. Троцкий назвал как-то Чернова министром аграрной статистики, а не аграрной революции²⁸.

Но гораздо большее недовольство Союза вызывала слабость и неспособность Временного правительства и местных органов власти предотвратить захваты частновладельческих земель, непомерное обложение их, захват запасов продовольствия, конфискацию живого и мертвого инвентаря и изъятие военнопленных работников. Причины аграрных беспорядков

Союз усматривал в том, что у власти находятся представители революционных партий, вольно или невольно поддерживающие и распространяющие революционные методы решения всех вопросов. «Революционная доктрина, — говорил Львов, — требует, чтобы все было предоставлено свободному почину революционного творчества. Границы между дозволенным и недозволенным стерты. Преступление выдается и принимается за право. Это делается не попущением, а подстрекательством сверху. В то время как приказы кн. [Г. Е.] Львова и даже Церетели стремятся удержать крестьянство на границе преступления, распоряжения земельных комитетов разрушали все их влияние. Вчитываясь в циркулярные распоряжения и проекты министра земледелия г. Чернова, приходится делать кошмарный вывод, что указанные анархические явления вытекают непосредственно из его земельной политики»²⁹.

Помимо общеполитических выступлений, попытки союзов земельных собственников защищать земельные угодья, инвентарь и военнопленных от посягательств земельных комитетов в основном принимали форму жалоб в местные и центральные органы власти. 18—19 августа состоялся съезд юрисконсультов местных отделений Союза. Он разработал методы борьбы с волостными земельными, продовольственными и исполнительными комитетами и с советами, рекомендовав всем местным отделениям Союза привлекать к уголовной ответственности как отдельных лиц, так и весь состав комитетов за нарушение прав собственников. Оснований существовало два: 1) за присвоение власти; 2) за превышение власти и за бездействие. Съезд предлагал также обжаловать действия комитетов по инстанциям и подавать гражданские иски об убытках³⁰.

Вести эту борьбу союзам было непросто, тем более что законодательство, как и вся политика Временного правительства, было непоследовательным и противоречивым. Одной рукой оно должно было с помощью земельных комитетов проводить контроль и учет продовольствия, земельных ресурсов, рабочей силы, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, а другой — наводить порядок, борясь с злоупотреблениями местных государственных и общественных организаций. Одной рукой надо было поддерживать самодеятельность и инициативу демократической общественности, а другой сдерживать эту активность. Уничтожив прежнюю бюрократию и не создав новых действенных административных структур, Временное правительство оказалось в зависимости от революционной демократии в лице советов, комитетов и т. д. Организовать уборку урожая, заготовку и учет продовольствия могли в то время только низовые крестьянские организации; комитеты вмешивались во все дела имений, попирая таким образом право частной собственности. На этой почве часто развертывалась борьба земельных комитетов с местными отделениями Союза земельных собственников.

Борясь с земельными комитетами, союзы проводили собственный учет посевных площадей и урожая. Например, Балашовский уездный союз сельских хозяев и мелких собственников на своем собрании, состоявшемся 13—15 мая, решил: «Собрать через правление союза сведения от сельских хозяев 1) о площади произведенного ими собственного посева к урожаю 1917 г., с указанием увеличения или уменьшения по сравнению с прошлым годом; 2) площади земли, захваченной у них волостными и сельскими комитетами; 3) площади земли, засеваемой этими комитетами на захвачен-

ной земле, равно, оставшейся по вине комитетов незасеянной»³¹. Собрать такого рода сведения, Союз пытался дать понять властям, что взятие на учет частновладельческих земель не поможет решить проблему сокращения посевных площадей. В своих жалобах союзы указывали на то, что действия комитетов преследуют узкокорыстные интересы отдельных лиц и групп граждан и ни в коей мере не способствуют решению общенародных задач по подъему сельского хозяйства.

Бороться методами правовой защиты против курса на ликвидацию частновладельческих хозяйств, проводившегося также путем принятия различных приказов, декретов и т. п., союз пытался вплоть до октября 1917 года. На втором совещании юрисконсультов (21 октября) на повестку дня были поставлены три вопроса: 1) меры борьбы с аграрными беспорядками и незаконными действиями местных организаций; 2) выяснение недопустимости ряда новых земельных проектов Временного правительства; 3) вопросы, связанные с выборами в Учредительное собрание.

Обсудив первую группу вопросов, совещание признало, что практиковавшиеся до сих пор методы борьбы с крестьянскими организациями — протесты, обжалования, преследования через суд — часто не достигали цели. Совещание разработало методы по применению нового закона (о подсудности деятельности комитетов административным судам). Решено было также еще раз ходатайствовать перед Временным правительством о приостановлении деятельности волостных и об ограничении полномочий уездных и губернских комитетов³³.

Конкретных фактов разрушения высокопроизводительных хозяйств низовыми крестьянскими организациями в 1917 г., еще до октябрьского переворота, много. Вот, например, что писал в своей жалобе Саратовскому губернскому комиссару³³ владелец Александровского хутора П. В. Попов, купивший его совместно с Т. А. Киндерфатер еще в октябре 1916 г.: «Александровский хутор был приобретен с целью устройства образцового хозяйства. В этих видах был затрачен огромный капитал на приобретение живого и мертвого инвентаря. Но в настоящее время, благодаря действиям сельских комитетов, мы не только вынуждены отказаться от своего намерения, но и должны распродать весь закупленный скот вследствие потравы лугов и во избежание полного разорения».

Что же конкретно делали низовые крестьянские организации в отношении образцового фермерского хозяйства? Жалобщик перечислил незаконные, по его мнению, действия исполнительных комитетов. Все они типичны для этого времени и описаны в литературе в качестве примеров революционной деятельности крестьянских организаций. Это и самовольное распределение земли владельца хутора по наличным душам между крестьянами, и самовольный захват лугов, и передача крестьянам права вырубki леса, с организацией собственной лесной стражи, и т. д. Все это, повторим, типично для деятельности низовых крестьянских организаций и их взаимоотношений с частными владельцами.

В данной жалобе обращают на себя два момента: «Двоенский исполнительный комитет, действуя в союзе с другими, и чувствуя незаконность своих постановлений, и желая придать им по видимости законность, прибегнул к следующему способу. Он арестовал нашего управляющего Давида Мартыновича Кауфмана без всякого законного основания и потребовал от него согласия на все постановления комитетов, которые были сделаны

и последуют в будущем относительно нашего имени, угрожая ему в противном случае держать его под арестом. Хотя Кауфман был освобожден из-под ареста распоряжением бывшего губернского комиссара Н. Н. Семёнова, но до освобождения он успел изъять требуемое комитетами согласие». Исполнительный крестьянский комитет проявил самоуправство, применив насилие к управляющему имением. Но при этом он стремился узаконить, легализовать в рамках существующего законодательства свои действия.

Жалуясь на самоуправство комитетов, Попов рассказал историю о том, как некто И. Е. Усачев, также помещик, сумел добиться у местного комитета разрешения рубить и вывозить лес для Мариинского сельскохозяйственного училища по договору, заключенному с прежним владельцем Александровского хутора в обход нового, Попова. Усачев продолжал рубить лес в мае, июне, июле и августе. Как было записано в приговоре Больше-Дмитровского волостного схода Аткарского уезда Саратовской губернии от 29 октября, «нарубленные дрова он распродал кому попало, не считаясь с мнением комитета».

Из этого видно существование в то время двух типов сельскохозяйственного предпринимательства. Представитель первого, Попов, вкладывал свой капитал в сельскохозяйственное производство в целях его развития. Право частной собственности могло оградить его от произвола крестьян и их организаций только в период органического развития, но не во время революционного взрыва. Представитель второго типа предпринимателей, Усачев, стремился только к наживе, хищнически эксплуатируя свои и чужие лесные угодья, пользуясь воцарившимся хаосом. Нет ответа на вопрос, какой тип был преобладающим в 1917 году.

Низовые комитеты и другие организации, мягко говоря, не всегда правильно ориентировались во взаимоотношениях различных владельцев и пользователей земель и другими угодьями. Можно привести примеры того, как члены комитетов добивались улучшения условий аренды земли у помещиков лично для себя, а не для всего общества. Союзы земельных собственников не всегда умели оценить ситуацию, защищая своих членов от наступления крестьян. В хаосе и взаимной вражде лихолетья революционных лет были в большинстве ликвидированы нарождавшиеся образцы частного предпринимательства в сельском хозяйстве. Кроме, пожалуй, самых диких, варварских и хищнических.

Для определения и учета ущерба, нанесенного частновладельческим хозяйствам действиями крестьянских организаций, ВСЗС разработал и разослал на места специальную анкету. Выяснилось, что процесс ликвидации не только помещичьих, но и хуторских и отрубных крестьянских хозяйств приобрел осенью 1917 г. обвальный характер. Под давлением большинства стали проситься обратно в общину отрубщики и хуторяне. Упомянутый выше сход Больше-Дмитровской волости, состоявшийся 29 октября, записал в приговоре: «Мы, нижеподписавшиеся в числе 500 душ, из них 200 отрубщиков и 300 общинников, после долгого обсуждения, обмена мыслями, как со стороны отрубщиков, так и со стороны общинников, пришли к единому заключению, что Столыпинский закон связал по рукам и ногам отрубников и поставил их в вечную вражду со своими же братьями — общинниками. Мы теперь осознали, что вражда наша принесла пользу богатым помещикам. Весь сход постановил объявить все земли, как-то:

общинные, отрубные, частные имения, церковные, с 1918 г. общенародным достоянием. Все земли должны находиться в распоряжении волостного земельного комитета, который должен их распределить согласно трудовой норме»³⁴. Так свершилось то, в реальность чего не верил руководитель Всероссийского союза земельных собственников Львов,— социализация земли.

Окончательно частная собственность на землю была ликвидирована законодательным путем, причем сделано это было полтора раза. Первый раз — декретом «О земле» на II съезде советов 26 октября 1917 г., затем, 6 января 1918 г., должно было состояться решение Учредительного собрания. Его деятельность была прервана в тот момент, когда бывший «селянский министр» и лидер партии эсеров Чернов зачитывал проект Основного закона о земле, начинавшийся словами: «Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется»³⁵.

Главный совет ВСЗС отреагировал на декрет Совнаркома «О земле» обычным для себя образом: в ноябре — декабре 1917 г. он разослал местным отделениям несколько циркуляров. В них говорилось, что Союз относится отрицательно ко всем мероприятиям Советского правительства в аграрной сфере, не признает за его декретами законной юридической силы и считает своей задачей организацию «планомерной борьбы с ними»³⁶. Возлагая большие надежды на Учредительное собрание, руководство Союза, однако, не сидело сложа руки. Местным организациям Главный совет рекомендовал «опротестовать декрет „О земле“ как законодательный акт». Против председателя СНК В. И. Ульянова-Ленина предполагалось возбудить уголовное дело по обвинению в превышении власти. Местные отделения Союза должны были организовать поток жалоб на действия новых властей. Вместе с циркуляром на места высылался и образец такой жалобы. Кроме того, Совет союза рекомендовал собственникам имений, национализированных и конфискованных земельными комитетами и другими подобными организациями, «прекратить выплату процентов по ссудам земельным банкам, чтобы побудить их встать на защиту своих клиентов». Кроме того, Совет дал несколько практических рекомендаций пострадавшим собственникам, например, составлять по всем юридическим правилам и нормам подробную опись всего конфискованного имущества. В ноябре — декабре 1917 г. юридический отдел ВСЗС внушал помещикам, что по смыслу декрета «О земле» и включенного в него сводного крестьянского наказа, а также инструкций Народного комиссариата земледелия не подлежали конфискации дома, усадьбы, личные вещи владельцев имения. Бывший собственник мог настаивать на сохранении за ним, как за любым другим российским гражданином, участка земли. Совет рекомендовал бывшим владельцам имений «по возможности не покидать их»³⁷.

Главный совет Союза продолжал руководить местными отделениями и при помощи издаваемой им газеты «Голос земли», выходившей с января по март 1918 года. Деятельность его на территории советской России продолжалась вплоть до июля 1918 года. 9 июня коллегия Наркомзема ходатайствовала перед ВЧК о возбуждении дела о Союзе земельных собственников, но ликвидирован он был (на территории советской России) только 16 июля 1918 года.

На Украине, где властями не был санкционирован «черный передел», Союз продолжал свою деятельность и оказывал существенное влияние на

социально-экономические и политические процессы. Деятели Союза хлеборобов приняли участие в свержении правительства Центральной Рады и установлении власти гетмана П. П. Скоропадского. После провозглашения независимости Украины местные отделы Союза обособились там во Всеукраинский союз хлеборобов.

Еще в мае 1917 г. в г. Лубны Полтавской губернии, где «земельные собственники» имели большое влияние, прошел учредительный съезд Хлеборобско-демократической партии, представлявшей часть местных помещиков и зажиточных крестьян. Программа партии сводилась к двум требованиям: неприкосновенность частной собственности и выкуп помещичьей земли с последующим разделом ее между крестьянами. После учредительного съезда деятельность партии замерла. Толчок к ее возобновлению дала аграрная политика Рады. 25 марта 1918 г. в Лубнах состоялся новый съезд с участием более двух тысяч делегатов из шести уездов Полтавской губернии. Съезд потребовал отменить социализацию земли и обеспечить соблюдение законности как для социалистов, так и для несоциалистов. Группа делегатов во главе с инженером С. Шереметом выехала в Киев для того, чтобы представить властям принятые резолюции. Однако все попытки проникнуть на заседания Рады окончились неудачно.

Более приветливо делегацию приняли в Союзе земельных собственников. В результате «хлеборобы-демократы» и руководство Союза заключили соглашение о созыве в Киеве хлеборобского съезда.

Организаторам его нужен был популярный лидер, способный возглавить оппозицию. «Возможно,— считает Федюк,— именно „хлеборобы-демократы“ предложили кандидатуру своего земляка П. П. Скоропадского»³⁸.

Всеукраинский съезд хлеборобов открылся 29 апреля 1918 г. в Киеве. Официально на него было избрано 6432 делегата, но в действительности их съехалось более 8 тысяч. Как доносил в Берлин германский посол, «частично депутации, несомненно, состояли из настоящих крестьян, частью же эти депутации были инсценированы крупными помещиками и вновь организующейся национал-демократической партией, за которой стоит генерал Скоропадский»³⁹.

Съезд открылся в 11 часов дня. С главным докладом выступил профессор Б. А. Кистяковский, посвятивший его критике аграрной политики Рады. «Наши законодатели,— говорил он,— навязывают нам великорусские общинные порядки. Что вы можете сказать о таких законодателях, называющих себя украинцами?» Из зала, как и следовало ожидать, раздались выкрики: «Долой их!»⁴⁰ Выступавшие затем делегаты с мест поддержали критику аграрной политики Рады. Представитель Херсонского земельного банка А. В. Рейхерт заявил: «Довольно социалистических экспериментов, социалистам не место у власти. Украинское Учредительное собрание избиралось под угрозой штыков дезертиров, а потому не должно состояться».

Атмосфера в зале накалялась с каждой минутой. Около трех часов дня в ложе в сопровождении адъютантов появился Скоропадский. Его появление было встречено аплодисментами и приветственными криками. Председательствующий провозгласил: «Слово предоставляется ясновельможному пану гетману Скоропадскому». Тут произошла накладка: об учреждении гетманства и избрании на этот пост Скоропадского до того не было сказано ни слова. По предварительному сценарию это предполагалось сделать на

следующий день. Спустившись на арену (съезд проходил в цирке. — А. К.), Скоропадский произнес краткую речь: «Господа! Искренне благодарю вас за предложенную власть. Не для собственной выгоды беру ее на себя, а для прекращения анархии принимаю эту власть от вас. На вас и на благородные слои населения я буду опираться. Молю Бога, чтобы он помог мне спасти Украину от крови и гибели, перед которой она стоит»⁴¹.

Дело было сделано, и продолжение заседаний теряло смысл. Быстро свернув работу, делегаты направились на площадь к Софийскому собору. Здесь уже собрались представители чиновничества Киева, многочисленные фотографы, корреспонденты иностранных газет и местные журналисты. Новоявленный гетман направился прежде всего в собор, где его уже ждало высшее духовенство. Епископ Никодим на площади совершил молебен, провозгласив «многие лета гетману Павлу».

Накануне хлебробского съезда местными отделами Союза в Киев были командированы наиболее доверенные офицеры. Они составили отряд (общим числом до ста человек) под началом полковника князя Оболенского. Пока на Софийской площади шел молебен, отряд начал захват важнейших объектов в городе. Рада в те часы еще продолжала заседать. Охранявшие ее галицийские «сичевые стрельцы» попытались организовать сопротивление заговорщикам. В стычке было убито три гетманских офицера. Депутаты Рады, услышав выстрелы, разбежались. Конный отряд охраны украинского парламента под командованием полковника Аркаса перешел на сторону мятежников, а «сичевые стрельцы» были блокированы в здании Педагогического музея. В 8 часов вечера их командир полковник Коновалец пришел к Скоропадскому и заявил, что готов служить ему. Странники гетмана овладели Государственным банком, телеграфом, Военным министерством. К ночи все было кончено.

Свержение правительства Центральной Рады не произошло бы так легко, если бы за спиной заговорщиков не стояли немцы. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Рада занимала непоследовательную, промежуточную позицию и вела политику, характерную для многих социалистических партий. Политика Рады была очень похожа на политику правых социалистов в России в послефевральские месяцы. Полусоциалистическая политика Временного правительства так же не удовлетворяла Союз земельных собственников на Украине, как и в России. Поэтому Союз охотно поддержал «генеральский путч», приведший к власти гетмана Скоропадского. Попытки найти «третий путь» в духе позднейшего лозунга «ни Ленина, ни Колчака» повсеместно заканчивались неудачей и установлением военной диктатуры.

Первоначально гетман испытывал сильное давление со стороны приведшего его к власти Союза хлебробов. «Как в советской России везде чувствовалось царство хама, — вспоминал один из современников, — так тут вы попадали в царство помещиков, переименовавших себя в хлебробов. Они тут были хозяевами положения, спешившими использовать его»⁴². Однако власть Скоропадского, опиравшаяся в первую очередь на немецкие штыки, к осени 1918 г. начала искать союзников среди других антибольшевистских сил. «Земельные собственники», почувствовав растущую слабость Скоропадского и его немецких союзников, вспомнили о «единой и неделимой» России и пробовали искать контактов с Добровольческой армией и круто изменили свою ориентацию. Если на первом своем съезде

они привели к власти гетмана, то на втором, проходившем в конце октября 1918 г., рукоплескали речи В. М. Пуришкевича о возрождении единой России. Председатель Союза граф А. Ф. Гейден посетил Скоропадского, убеждая его подчиниться Деникину. Добровольческая агентура на Украине тесно сотрудничала с Союзом земельных собственников⁴³. И Скоропадский и члены Союза, оказавшись перед угрозой потери своей собственности, вспомнили о том, что все они — в первую очередь помещики, а уже потом граждане разных государств, находившихся, к тому же, в состоянии войны.

И в России и на Украине Союз пытался содействовать продолжению консервативно-либеральных преобразований, начатых при Столыпине. Однако с падением самодержавия подобного рода бюрократическое реформирование, несмотря на всю привлекательность конечных результатов и мирнообновленческий способ проведения преобразований, изжило себя. Демократическое обновление общества, порой перераставшее в стихию народного бунта, было единственно возможной формой преобразований. Обуздать стихию народной, крестьянской революции могла только сила, близкая ей по социальному происхождению и революционно-бунтарскому духу. Союз земельных собственников, по всем своим качествам, мог находиться только в конфронтации с этой народно-крестьянской революцией.

Примечания

1. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 270, оп. 2, д. 93, л. 4.
2. ГУРКО В. И. Черты и силуэты прошлого. М. 2000, с. 566.
3. Саратовский областной музей краеведения (СМК), НВ, № 245, л. 46.
4. Приволжский край, 18.VI.1906.
5. См. например: БУРДЖАЛОВ Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М. 1971, с. 399; его же. Вторая русская революция. М. 1967.
6. См. ОСИПОВА Т. В. Всероссийский союз земельных собственников. — История СССР, 1976, № 3.
7. КОСТРИКИН В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М. 1975, с. 146—147.
8. См. например: ГЕРАСИМЕНКО Г. А. Влияние последствий столыпинской аграрной реформы на крестьянские организации 1917 года. — История СССР, 1981, № 1.
9. ТЕЛИЦЫН В. Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. М. 1997, с. 168—169.
10. КАБАНОВ В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке. — Вопросы истории, 1993, № 3, с. 37.
11. См. РОГАЛИНА Н. Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М. 1998, с. 135.
12. Там же.
13. ТЕЛИЦЫН В. Л. Ук. соч., с. 172.
14. ТЮКАВКИН В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. 2001, с. 30; его же. Землеустройство — главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы. В кн.: Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 1995, с. 31.
15. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 298, л. 24.
16. Саратовский вестник, 21.V.1917.
17. Красный архив, 1926, т. 21, с. 42.
18. III съезд партии социалистов-революционеров. Стеногр. отчет. Пг. 1917, с. 245.
19. ГИМ. ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 296, л. 14.
20. Государственное совещание. Стеногр. отчет. М.-Л. 1930, с. 272—273.
21. Там же, л. 84—85, 29.

22. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 297, л. 19—33. В документах упоминаются также учреждения, общества и организации, примыкавшие к Союзу земельных собственников: Бессарабско-Таврическое общество землевладельцев и домовладельцев; Черноморское земельное общество по акклиматизации животных и растений г. Батум; Петроградский союз земельных собственников 1916 г.; Ржевский союз скотоводов и молочных хозяйев; Культурно-земельное общество Тверской губернии.
23. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 297, л. 15—17.
24. Там же, л. 84, 89.
25. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 299, л. 1—2.
26. Там же, д. 297, л. 90, 92.
27. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 297, л. 84—85.
28. См. ЧЕРНОВ В. М. Конструктивный социализм. М. 1997, с. 423.
29. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 297, л. 16.
30. Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 114, карт. 8, д. 30.
31. ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 298, л. 10.
32. ОР РГБ, ф. 114, карт. 2, д. 25, л. 1—2.
33. Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 731, оп. 1, д. 9, л. 54—55.
34. Там же, д. 7, л. 9.
35. Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и др. док-ты. М. 1991, с. 158.
36. ОР РГБ, ф. 114, карт. 2, д. 29, л. 1—2.
37. Там же, л. 5—6.
38. ФЕДЮК В. П. Украина в 1918 году. Ярославль. 1993, с. 14.
39. Крах германской оккупации на Украине. М. 1936, с. 55.
40. ФЕДЮК В. П. Ук. соч., с. 19.
41. Наш век (Петроград), 3.V.1918.
42. Государственный архив Российской Федерации, ф. 5827, оп. 1, д. 190, л. 1. Записки протопресвитера Г. Шавельского.
43. ФЕДЮК В. П. Ук. соч., с. 53.

Петр Александрович Валуев

А. Э. Гетманский

Петр Александрович Валуев родился 28 сентября 1815 г. в подмосковном Царицыно, в родовитой дворянской семье. Валуевы — старинный русский дворянский род. Предок их литовский дворянин Окатья Вол прибыл в Москву в начале XIV столетия и принял здесь православную веру. Среди дворян Валуевых старинные русские летописи упоминают бояр и окольных, воевод и предводителей полков и отрядов, думных бояр и дипломатов, ученых и государственных деятелей¹. Они оставили свой след в Российской истории, вписали яркие страницы в военную историю Отечества. Отец Валуева Александр Петрович имел придворное звание камергер и служил в VI департаменте Сената. Мать — Елизавета Федоровна — принадлежала к древнему дворянскому роду Фонден-Бринкен, существовавшего еще во времена рыцарского Ливонского ордена². У Валуевых было четверо детей: два сына — Петр и Родион и две дочери — Елизавета и Александра. Отец умер рано, и все заботы легли на плечи матери — женщины умной, образованной и честолюбивой.

В 1818 г. в возрасте трех лет Петр был пожалован званием пажа. Он получил прекрасное домашнее образование. Мать сделала многое для воспитания сына. Князь В. П. Мещерский, хорошо знавший семью Валуевых, писал о юношеских годах Петра: «Когда ее сын кончил университетский курс, она (мать Валуева. — А. Г.) нашла, что он крупный невежда, поселилась в деревне и тут целых два года посвятила образованию сына. В этот курс входили иностранные языки, иностранная литература, история и, в особенности, упражнения для приобретения навыка и умения говорить. Молодой Валуев должен был перед своей матерью говорить в течение двух часов на известную тему — то по-русски, то по-французски, то по-немецки»³.

По окончании этого курса молодой Валуев возвратился из деревни вместе с матерью в Москву (она в то время была замужем вторым браком за Фелькерзамом) и окунулся в светскую жизнь. Уроки матери не прошли

Гетманский Александр Эдуардович — кандидат исторических наук.

бесследно. К 16 годам Петр Александрович приобрел глубокие знания, овладел шестью иностранными языками, обладал прекрасными манерами, был искусным оратором. Все это могло способствовать блестящей карьере молодого человека. Нужен был только случай, который открыл бы перед ним путь к служебной карьере, и такой случай вскоре представился.

Зимой 1831 г. Николай I с императорским двором был в Москве. На одном из придворных балов он обратил внимание на молодого Валуева, выделявшегося среди молодежи своими манерами и разговором. Петр был представлен императору ⁴, который сказал графу Д. Н. Блудову, что ему в Петербурге нужны образованные молодые люди. Это и стало началом карьеры Валуева.

В 1831 г. Валуев поступил на службу в канцелярию московского генерал-губернатора и затем в 1832 г. выдержал экзамен на первый чин губернского регистратора. Валуев начал служебную карьеру, имея серьезный фундамент знаний. Родовитость открывала широкие возможности для карьерного роста. Служба с самого начала складывалась удачно. Вокруг московского генерал-губернатора Д. В. Голицына группировалась вся аристократическая молодежь того времени. Свою канцелярию князь считал резервом, из которого замещались все должности в губернии. Многие из воспитанников Голицына заняли впоследствии важные государственные должности.

Прослужив около трех лет в канцелярии московского генерал-губернатора, Валуев переехал в Петербург, где началась его служба в Собственной Его императорского величества канцелярии сначала в I, а с 1 января 1836 г. во II отделении, где он был прикомандирован к графу М. М. Сперанскому для участия в кодификации законов. В 1834 г. Валуеву было пожаловано звание камер-юнкера. Об этом периоде его жизни вспоминает А. Д. Комовский ⁵, называя его «танцором-красавцем». О служебных его способностях пока ничего нельзя было еще сказать, зато его имя гремело в гостиных и залах петербургского фешенебельного общества, где он добился больших успехов, — в «роде Донжуанских».

Служебной карьере молодого Валуева в значительной мере помогли связи, приобретенные благодаря женитьбе в мае 1836 г. на дочери известного и близкого ко двору поэта П. А. Вяземского. От брака с Марией Петровной Вяземской у него было два сына — Александр и Петр и дочь Елизавета. Петр Валуев оказался введенным в столичное великосветское общество, в круг известных литераторов, музыкантов и общественных деятелей.

В доме своего тестя Валуев часто встречался с А. С. Пушкиным — близким другом Вяземского. Он обращает на себя внимание Александра Сергеевича и завоевывает его симпатию. Свидетельством тому явилось то, что именно Петр Валуев стал прототипом главного героя «Капитанской дочки» П. А. Гринева ⁶. По-видимому, внешний вид и некоторые черты характера молодого Валуева были — в представлении поэта — близки его герою. В одном из ранних вариантов «Капитанской дочки» Пушкин намеревался назвать героя своей повести Валуевым. Валуев был у постели умиравшего Пушкина и не оставлял его дом до кончины поэта ⁷.

В салоне вдовы историка и писателя Н. М. Карамзина Екатерины Андреевны молодой Валуев общался помимо Пушкина с В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, А. С. Хомяковым, А. И. Кошелевым и многими другими. Эти вечера, вспоминал Кошелев, «освежали и питали наши души и умы,

что в тогдашней душной петербургской атмосфере было для нас особенно полезно»⁸. Не прошли эти вечера бесследно и для молодого Валуева, здесь он не только приобрел знакомства, которые сыграют роль в его будущей карьере, но и развивал свой ум, совершенствовал ораторские способности, формировал политические убеждения.

Своему тестю Вяземскому Валуев был обязан не только тем, что тот ввел его в высшее общество Петербурга, познакомил с передовыми людьми того времени, способствуя быстрому продвижению по службе. Вяземскому были известны первые литературные опыты молодого Валуева, публикации которых он способствовал. Их объединяли не только родственные отношения, но и общие взгляды на многие актуальные для того времени вопросы.

Среда, в которой вращался молодой Валуев, способствовала формированию его мировоззрения и во многом определила его взгляды на жизнь, на власть, на государя и его внутреннюю политику. Многие из того, что будет отличать Петра Александровича в будущем, когда он займет высокие посты, было заложено в молодые годы той средой и тем интеллектуальным кругом общения, в котором он вращался.

В конце 1839 г., по возвращении из своего первого заграничного путешествия по Германии и Италии, Валуев сходитя с группой аристократической фрондирующей молодежи (К. В. Браницким-Корчаком, И. С. Гагариным, Б. А. Голицыным, А. Н. Долгоруким, Н. А. Жерве, Ф. И. Паскевичем, С. В. Долгоруким, А. А. Столыпиным (Монго), Д. И. Фредериксом, А. П. Шуваловым), известной под названием «кружок шестнадцати», в который входил и М. Ю. Лермонтов. Идейным руководителем кружка был Иван Сергеевич Гагарин, вернувшийся в то время в Россию из Европы, где он служил на дипломатическом поприще. Знакомство с европейской политической, экономической, научной, литературной жизнью привели Гагарина к размышлениям о месте России среди европейских народов, ее дальнейшем развитии. Общение с Гагариным бесспорно повлияло на формирование политических взглядов Валуева. Вероятно именно здесь складывались и утверждались его западнические идеи, ставшие основой мировоззрения в более поздние годы.

Весной 1840 г. кружок распался, большинство его членов покинули Петербург. Внезапный отъезд был вынужденным, так как кружок попал под подозрение полиции и только высокопоставленные родственники, опекавшие его членов, часть из которых были приближенными Николая I, добились, чтобы кружковцы избежали наказания. Вероятно Валуева взял под защиту Вяземский, бывший в курсе дел своего зятя. Во всяком случае Петр Александрович остался в Петербурге. С Лермонтовым у него сложились дружеские отношения. Поэт встречался с молодой четой Валуевых у них дома, у Карамзиных, Вяземских и у других общих знакомых. Лермонтов провожал Валуева в заграничное путешествие 27 июля 1839 года.

В 1843 г. Валуев занял свое место за обер-прокурорским столом в Сенате, а в 1845 г. был назначен чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе Е. А. Головине. Блестящее воспитание, отличное образование, великолепное знание европейских языков и сочувственное отношение к существующим в Прибалтийских губерниях порядкам, наряду с трудолюбием и личной порядочностью позволили Валуеву приобрести большие симпатии местного дворянства.

Будучи чиновником особых поручений и занимая другие должности

при рижских генерал-губернаторах Е. А. Головине (1845—1848 гг.) и А. А. Суворове (1848—1853 гг.), Валуев перевел на русский язык различные законопроекты и участвовал в работе комиссии по составлению проекта нового устройства и управления города Риги (1849 г.), а также председательствовал в комиссии по пересмотру торговых постановлений в остзейских губерниях (1850 г.). Валуев отличался своим искусством писать официальные доклады и записки, но, пожалуй, более всего искусным лавированием между противоположными течениями в среде чиновничества, способностью быть привлекательным одновременно даже враждебным лицам. Это качество Петр Александрович довел буквально до совершенства, он активно и умело пользовался им в своей тактике, что позволяло ему решать весьма сложные проблемы. Умение найти разумный компромисс и наиболее подходящее для данного случая решение вопроса, примирить различные точки зрения помогало Валуеву в его восхождении к вершинам власти.

В 1852 г. он получил чин действительного статского советника, а в 1853 г. возведенный в звание камергера был назначен Курляндским гражданским губернатором. На этом поприще он достаточно ярко и энергично проявил себя, был отмечен различными наградами, благодарностями и «высочайшими благоволениями». Губернаторская деятельность позволяла постоянно находиться в поле зрения правящей элиты, в том числе и лично императора; имя молодого губернатора все время было на слуху.

Валуеву были близки остзейские порядки. Не случайно многие его недоброжелатели именовали его «остзейским немцем», обвиняли его в чуждости всему русскому, в незнании России и пристрастии ко всему немецкому. Очевидно известную роль сыграло в этом и то, что Валуев по своему происхождению (по матери) был наполовину немцем. В своем большинстве эти остзейские упрёки были несправедливы и субъективны, но факт остается фактом — Валуев всю жизнь сохранял особый интерес к прибалтийским делам и не без основания считал себя специалистом по остзейским проблемам.

Супруга Валуева Мария Петровна умерла в 1849 году. Однако добрые отношения с Петром Андреевичем Вяземским сохранились. Он во многом способствовал развитию валуевского литературного дара. Склонность к написанию критических заметок проявилась у будущего министра еще в середине сороковых годов. В одной из них он высказывал беспокойство по поводу принятого порядка на гражданской службе в России, когда и способные чиновники, и ленивые бездари повышались в чине без учета их заслуг, исключительно по выслуге лет. Эта записка, хотя и осталась в столе автора, но способствовала укреплению уверенности молодого и амбициозного автора в его литературных способностях.

Иную судьбу имела его рукописная записка «Дума русского во второй половине 1855 г.», написанная в сентябре 1855 года. В печатном виде она появилась только в 1891 г., но уже в рукописи получила весьма широкое распространение и обратила на себя внимание высшего света, государственной и правительственной элиты, императора и членов царствующего дома.

Поводом для написания записки послужили события Крымской войны, трагическая оборона Севастополя. В своей записке Валуев подвергал критике различные стороны правительственной политики и государственного

управления, дипломатию, руководство военным ведомством, инертность и равнодушие чиновников, крайнюю централизацию управления, официальную ложь правительственных кругов. Он указывал на политику геноцида по отношению к раскольникам и неправославным, рассуждал об «опеке над мыслью», приводящей к пренебрежению и унижению человеческой личности. На бумаге государственная система выглядела безупречной, в действительности же, как писал Валуев, оказалось что «сверху блеск, внизу гниль»⁹. В этой записке отмечался только один положительный факт — деятельность морского министерства, которое курировал вел. кн. Константин Николаевич, родной брат Александра II. Здесь без сомнения проявился конъюнктурный подход Валуева.

Будучи честолюбивым, умным и опытным бюрократом, Валуев пытался выйти непосредственно на Александра II. Лучше чем кто-либо другой это мог сделать вел. кн. Константин Николаевич, с которым император в то время очень считался и внимательно прислушивался к его советам. И Валуев не ошибся, сделав ставку на великого князя и вдову его дяди вел. кн. Михаила Павловича великую княгиню Елену Павловну — наиболее верных сподвижников Александра II, заметно выделявшихся на фоне общего окружения монарха своими либеральными взглядами.

«Дума русского» была одним из наиболее значительных рукописных сочинений подобного жанра во второй половине XIX в., но она не сыграла сколько-нибудь заметной роли в истории Российской империи, если не считать, пожалуй, деятельности вел. кн. Константина Николаевича, направленной на улучшение работы морского министерства. После смерти первой супруги, Валуев женился на Анне Ивановне Вакульской, от брака с которой у него в 1856 г. родился сын Николай.

В апреле 1858 г. закончился прибалтийский период жизни Валуева. Он был назначен директором II Департамента Министерства государственных имуществ, которое возглавлял М. Н. Муравьев. Начался петербургский виток карьеры. В начале 1859 г. он назначается директором III Департамента, ведавшего вопросами сельского хозяйства. Таким образом Валуев управлял в Министерстве государственных имуществ двумя департаментами из четырех. Кроме того он был назначен председателем Ученого комитета этого министерства. Валуев быстро приобрел расположение Муравьева и стал буквально правой рукой министра. В 1860 г. он помогает Муравьеву в борьбе против разработанного Редакционными комиссиями проекта отмены крепостного права. Эта помощь заключалась в том, что, будучи, по его собственному выражению, «пером оппозиции», он принимал «косвенное участие» в разработке «проекта трех членов», авторами которого были шеф жандармов В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев и примкнувший к ним министр финансов А. М. Княжевич. Несмотря на то, что у Валуева душа не лежала к этой работе, у него и авторов проекта были общие точки зрения на крестьянскую реформу: в главном он разделял стремление «оппозиционеров» — сохранить привилегии дворян. Условия, на которых крестьяне получали личную свободу и земельные наделы, представлялись Валуеву чересчур обременительными для помещиков. «Проект трех членов» был отвергнут большинством членов Главного комитета по крестьянскому делу, так как он создал бы значительно большие возможности для дворян в деле ограбления крестьян в период реформы.

Валуев вернулся в Петербург уже сформировавшимся политиком с оп-

ределенными принципами, честолюбивыми планами и достаточно широкой благодаря «Думе русского» известностью. Ему удается занять в столице видное положение. Награды, звания и регалии сыпались как из рога изобилия. В течение 1859 г. Валуев получает чин тайного советника, звание статс-секретаря, ему дважды увеличивают жалование и, наконец, он награждается 5 тыс. рублей серебром. Пожизненно Валуев получал 5 тыс. рублей в год (вместо пожалованной ему долгосрочной земельной ренты).

7 января 1861 г. он был назначен управляющим делами Комитета министров. При этом он сохранил, во всяком случае официально, хорошее отношение к своему бывшему министру, который ходатайствовал об оставлении его председателем Ученого комитета Министерства государственных имуществ. Впрочем это предложение Валуев отклонил, не желая связывать себя близкими отношениями с бывшим начальником.

23 апреля 1861 г., вскоре после обнародования положения об отмене крепостного права, он был назначен управляющим Министерством внутренних дел, а в конце того же года утвержден в должности министра внутренних дел, заняв ключевой пост в кабинете Российской империи.

Выбор Александра II пал на Валуева явно не случайно. Прежний министр С. С. Ланской, при котором разрабатывалась крестьянская реформа, вызывал наряду с другими ее авторами недовольство помещиков, обиженных условиями отмены крепостного права. Особую ненависть вызывал главный деятель крестьянской реформы Н. А. Милютин. Император, чтобы успокоить дворянство, решил удалить от дел либерально настроенных разработчиков реформы и их сторонников, передав ее реализацию в руки более умеренных чиновников. Валуев, уже знакомый императору по губернаторству в Курляндии и докладам по Комитету министров, представлялся Александру II именно таким человеком. Новый министр должен был импонировать дворянству и никоим образом не быть связанным с работой Редакционных комиссий. Да к тому же нужен был человек, чье имя было бы не на слуху.

Ставка Александра II на Валуева, оказавшегося в нужное для России время на нужном месте, была удачной и своевременной. Биограф Александра II С. С. Татищев отмечал, что назначение нового министра внутренних дел «получило определенное политическое значение, как указание на желание государя в дальнейшем направлении крестьянского дела принять в соображение законные интересы дворян, а также изгладить то раздражающее впечатление, что привело на большинство землевладельцев недоверчивое и даже пренебрежительное отношение к поместному дворянству органов администрации»¹⁰.

Назначение Валуева министром внутренних дел было несколько неожиданным и даже вызвало целый поток разноречивых суждений, толков и мнений. По мнению сенатора К. Н. Лебедева, Валуев «человек весьма гибкий и ловкий... Выбор прекрасный. Он умеет себя поставить и при самостоятельном положении дел сумеет повести дело». Граф Д. Н. Толстой писал, что «Валуева не знали, но знали, что он не принадлежит ни к какой партии. Знали, что его назначение... истекало из личного выбора государя и ожидали от него много»¹¹.

Впрочем далеко не у всех современников назначение Валуева вызвало положительную реакцию. Е. Н. Феокистов глубоко сожалел, что во главе Министерства внутренних дел «очутился такой пустой и ничтожный фразер,

как Валуев». Н. И. Иорданский утверждал, что последний является «защитником идеи о политическом преобладании дворянского сословия и сторонником умеренно-либеральных реформ. Это политика вновь привлекла к правительству дворянскую знать»¹².

Одним словом среди современников не было единого мнения о назначении Валуева министром внутренних дел: слишком различны были оценки отмены крепостного права и путей проведения крестьянской реформы, которые к тому же предстояло осуществить именно новому министру внутренних дел. Для многих Валуев был «темной лошадкой», не примыкавшей ни к одной из противоборствующих сторон.

Вообще идентифицировать политическое лицо Валуева крайне сложно. В отечественной историографии нет определенного мнения, кем был Петр Александрович — консерватором, либералом, нейтральным политиком или центристом. Большинство историков придерживается мнения, что Валуев был консерватором. Н. М. Пирумова называет его «умным консерватором»; В. А. Твардовская — «умеренно-консервативным и разумным консерватором»; Г. П. Иванова уточняет, что «консерватизм Валуева не был патриархальным, бытовым»; Р. Г. Эймонтова считает, что Валуев был «выразителем просвещенного консерватизма»; В. Г. Чернуха — «видным государственным деятелем консервативного направления»; В. Я. Гросул — «близким к консервативным кругам»; а Л. Г. Захарова — «чужим в среде либеральной бюрократии»¹³.

Но некоторые историки считали Валуева склонным к либерализму, хотя последний причудливо сочетался у него (как у большинства русских либералов 60—70 годов XIX в.) с бюрократизмом и крепостничеством. С. С. Волк считал Валуева «склонным к внешнему либерализму»; Б. П. Балуев, что Валуев более назывался либералом, нежели был им на самом деле. В целом отечественные историки больше склонялись к тому, что Валуев стоял на псевдолиберальных позициях. Н. П. Ерошкин называл царского министра «умеренным», а М. Н. Покровский вообще считал, что Валуев был «свободен от политических принципов»¹⁴.

У Валуева была характерная черта — уникальная способность лавировать между крайними мнениями. Недаром за ним закрепилась кличка «Виляев». Н. А. Троицкий называл его «придворным флюгером», а М. И. Хейфец «дельцом, умевшим быстро перекрашиваться в зависимости от обстоятельств»¹⁵.

Валуев зачастую не выражал прямо своего мнения, а действовал строго согласно желаниям Александр II, который метался между реформами к реакцией. «Умение покоряться и примиряться ... наделяли Валуева необходимой политической гибкостью, которая всегда затрудняла идентификацию его подлинного лица». В свою очередь и А. А. Половцов подчеркивал: «ни одна партия не считала Валуева своим. Для радикалов он был завзятым реакционером, а реакционеров — опасным радикалом. Либеральные слова Валуева пугали консерваторов и реакционеров. Реакционные действия, вероломно противоречившие либеральным словам, навлекали на него ненависть либералов и радикалов»¹⁶.

Проследивая эволюцию политических взглядов Валуева, можно сказать, что он не был в сущности ни либералом, ни консерватором, а являлся центристом, колебавшимся то влево, то вправо, в зависимости от политической конъюнктуры. Именно центризм, гибкость и готовность к комп-

ромиссу с правыми и левыми помогли ему перенести чехарду министерских перестановок, разработать и провести в жизнь ряд великих реформ александровской эпохи, стать одним из ведущих российских политиков и так долго играть ведущую роль в правительстве. В конечном счете речь идет даже не о тактике центризма, а об идеологии, которую он исповедовал, определяя свое отношение к базовым ценностям либерализма и консерватизма, соотношение которых в мировоззрении Валуева заметно изменялось в зависимости от той или иной идейной доминанты.

Став министром внутренних дел Валуев получил от императора установку на претворение в жизнь крестьянской реформы, чему им и уделялось пристальное внимание. Несмотря на свои взгляды по крестьянскому вопросу, он много сделал для того, чтобы крестьянская реформа приняла необратимый характер. Это было нелегким делом, потому что реформа 1861 г. тесно соприкасалась с социальным движением низов. Россия опасно балансировала между реформой и революционным взрывом, которого Валуев ни в коем случае не хотел допустить и делал все для его предотвращения.

В деле реализации крестьянской реформы Валуев действовал весьма осторожно, избегая крайностей, тонко лавируя между различными политическими силами, умело сочетая либеральные мотивы и консервативные поступки. Он оправдал ожидание императора и не известно как бы пошла крестьянская реформа, если бы у ее руля не стоял такой умудренный жизненным опытом политик, осторожный, гибкий и ловкий бюрократ, искусный царедворец. Уже на первых шагах его министерство начинает вести жесткую борьбу с либеральными губернаторами и той сравнительно небольшой группой мировых посредников первого призыва, которые не защищали узкосословные интересы помещиков. Такие губернаторы как Н. К. Грот, А. Н. Муравьев и В. А. Арцимович вскоре были уволены, как и либерально настроенные мировые посредники, замененные более «благонамеренными».

Валуев организовал тотальный контроль со стороны государства за жизнью и деятельностью крестьянства на местах. Под непосредственным контролем Валуева с мая по октябрь 1861 г. была образована 8751 волость с органами крестьянского самоуправления. Темпы для неповоротливого российского чиновничьего аппарата просто поразительные! Но именно это позволило решить главную задачу, поставленную перед Валуевым — задуть крестьянские выступления. По официальным данным валуевского министерства, с марта по май 1861 г. произошло 647 случаев открытого неповиновения крестьян, бунтами были охвачены 1660 сел и деревень. С целью наведения порядка и усмирения бунтующих крестьян министр дал санкции губернаторам и местной власти жесткой рукой террора наводить порядок и в этом не допускал даже малейшего компромисса с крестьянством. Перед ним стояла одна задача — подчинить крестьян-бунтовщиков власти государства.

Александр II мог быть доволен действиями своего министра внутренних дел. Валуевская жесткость, твердость и постоянный контроль за исполнением своих директив и указаний позволили не допустить разрастания крестьянских бунтов на местах до общенационального восстания. По сути дела, Валуев сумел сравнительно малой кровью предупредить всероссийское крестьянское восстание, которое могло быть спровоцировано властью в связи с Положением 19 февраля 1861 года.

Иным было отношение Валуева к дворянству. Он считал, что оно серьезно обижено условиями акта об отмене крепостного права, и в силу своих возможностей пытался защитить интересы дворян. Сам выходец из старинного дворянского рода, он остро ощущал корпоративное единство дворянского сословия. И хотя Валуев лично не владел ни имениями, ни крестьянами и сам ничего не потерял в результате крестьянской реформы, он был убежденным защитником дворянства и поборником неприкосновенности частной собственности, в том числе и на землю.

Валуев сделал все для того, чтобы продлить столь выгодную помещикам барщинную систему. Он был инициатором закона 27 июня 1862 г., по которому помещикам предоставлялось право переводить крестьян на выкуп при условии отбывания ими барщинных повинностей вместо оговоренного в Положении перевода крестьян на выкуп, при единственном условии, что они перед этим были переведены на оброк. Последовательно защищая сословно-дворянские интересы, он тесно увязывал их с задачами экономического развития страны.

Второй не менее важной задачей, стоящей перед Министерством внутренних дел, была разработка проекта закона о земских учреждениях. Земская реформа была непосредственным продолжением крестьянской реформы, дополнением ее в области административной. Необходимо было приспособить самодержавие к потребностям капиталистического развития страны. В. В. Гармиза доказал, что разработчиком земской реформы был именно Валуев: «Основания земской реформы были выработаны при Валуеве и под его общим руководством»¹⁷.

Отношение к земской реформе у Валуева не было однозначным. Об этом свидетельствовала его записка шефу жандармов В. А. Долгорукову «О внутреннем состоянии России» от 22 июня 1862 года. В ней Валуев писал: «Правительство находится в состоянии изоляции. Дворянство ... не понимает своих истинных интересов, недовольно, возбуждено, ... раздроблено на множество различных течений. Купечество ... не пользуется доверием и не оказывает никакого полезного воздействия на массы. Духовенство содержит в самом себе элементы беспорядка... и обладает влиянием ... когда имеет тенденцию принести вред. Крестьяне ... образуют беспокойную массу, подверженную влиянию опасных иллюзий и несбыточных надежд. Армия ... главная основа общественного порядка ... не представляет собой гарантии абсолютной безопасности»¹⁸. Далее Валуев отмечал, что преданность царю и монархии в правительстве подорвана, в нем нет единства. Пресса и молодежь находятся в оппозиции властям.

Нарисовав эту нерадостную картину внутриполитической жизни страны, Валуев искал выход из создавшегося положения, считая, что в этих условиях следует немедленно проводить земскую реформу. В своем проекте земской реформы Валуев пытался вернуть дворянству утраченные благодаря крестьянской реформе позиции, предоставить дворянскому сословию привилегии при выборах в земские собрания, что и оговорить в законе. Валуев опасался, что крестьянство станет преобладающим классом в земстве. Обсуждение валуевского проекта в Государственном совете шло очень непросто. «Туго, тяжело, тупо, невежественно, — писал Валуев, — но делать нечего. Надо вытерпеть, ... я не знаю, где искать те аргументы, которые для этих господ пригодны, и здесь видно нужно терпение»¹⁹. 1 января 1864 г. Александр II утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях».

Ни у Александра II, ни у правительственной элиты не было оснований предъявлять Валуеву претензии по земскому законодательству. Министр сделал все, для того чтобы не поколебать самодержавные устои царской России, и этот вариант устраивал всех и, в первую очередь, конечно, Александра II. В сложившейся обстановке принципы, положенные Валуевым в основу земской реформы, были самыми оптимальными и приемлемыми для власти. В сложившейся обстановке земство являлось наиболее логичным и политически верным шагом.

Валуев принадлежал к числу немногих политических деятелей эпохи Александра II, располагавших своей политической программой. Она состояла из двух частей. Первая касалась реформы Государственного совета, а вторая включала в себя вопросы, связанные с созданием объединенного правительства (Кабинета министров). Валуев стремился обеспечить сохранение самодержавной власти путем некоторой модернизации ее форм. Базисом этой программы была реформа Государственного совета на началах дворянского представительства и создание правительства под руководством премьер-министра. С помощью представительства Валуев надеялся примириться с дворянством, создать почву для сотрудничества правительства и общества, решить национальный вопрос, усовершенствовать законодательный процесс. Умеренно-либеральная программа Валуева вполне соответствовала духу времени.

Валуев отлично знал насколько негативно относится император к любым конституционным проектам. Александр II просто органически не выносил разговоров на эту тему. Осторожный Валуев вел тонкую игру, не форсировал события, долго выжидал момента для того, чтобы поднять этот вопрос перед императором.

И такой момент Валуев нашел, когда в начале 1863 г. началось национально-освободительное движение в Царстве Польском, усилились выступления дворян, требовавших участия в политической жизни страны взамен ущемления экономических прав, и активизировалось революционное движение. Валуев воспользовался этими внутривластными трудностями и обратился к царю с проектом своей конституции.

Свои предложения он изложил в записке от 13 февраля 1863 года. Обосновывая необходимость реформы, Валуев указывал на необходимость определенных уступок полякам во избежание европейской войны, на разобщенность правительственных мер и на «волнение умов», на происки революционной пропаганды, подрывающей государственные устои. Он подчеркивал необходимость быстрее осуществления реформы Государственного совета, ради консолидации всех сил вокруг трона в это нелегкое для страны время.

Фундаментом валуевского проекта преобразования Государственного совета являлся проект земской реформы, работа над которым в 1863 г. подходила к завершению. Оба проекта были связаны друг с другом и проект конституции как бы венчал земскую реформу. На специальном совещании большинство присутствующих отнеслось к идее конституции весьма сдержанно. Вечно колеблющийся Александр II не поддержал валуевский проект. С досадой Валуев писал в дневнике: «Государь ввиду большинства решил, что теперь ничего не следует делать». Слова Александра II о готовности пойти на конституционные шаги в «будущем» он воспринял не как оговорку, а как отсрочку.

Разработку проекта реформы Государственного совета Валуев закончил к середине ноября 1863 года. По валуевской схеме совет сохранял законосовещательные функции, становился верхней палатой. Нижнюю же составлял Съезд государственных гласных, включающий в себя выборных от земств, городов, окраинных областей, не имеющих земских учреждений. Пятая часть состава Съезда назначалась высочайшей властью. Связь между палатами осуществлялась с помощью 16 депутатов Съезда, участвующих в заседаниях Государственного совета. Компетенция Съезда была достаточно широка, но его решения не имели законодательной силы. Заключение Съезда должны были поступать на рассмотрение одного из департаментов Государственного совета, а оттуда на общее собрание. В сущности Съезд государственных гласных представлял собой как бы подготовительную комиссию при Государственном совете. А сам Государственный совет в свою очередь оставался законосовещательным органом при царе, не обладавшим к тому же собственной инициативой.

Валуевская схема реорганизации Государственного совета не ломала конструкции последнего и не посягала на прерогативы самодержавной власти. Но создание Съезда государственных гласных, привлекая дворянство к предварительной разработке тех или иных вопросов, отчасти, удовлетворяло бы его чаяния, поставило бы государственную власть в определенные законные рамки и создавало бы несколько больший простор общественному мнению, чего и хотел добиться Валуев.

В ноябре 1863 г. Валуев вновь представил императору свой проект реформирования Государственного совета. Александр II и на этот раз вернул проект автору, даже не обсуждая его. «Он забыл, — записал Валуев в дневнике, — что говорил в апреле насчет мысли о преобразовании Государственного совета и теперь сказал, что эту мысль с самого начала будто бы отвергнул» и далее: «Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли»²⁰. Монарх безоговорочно отказал Валуеву и даже для проформы не поставил вопрос на обсуждение, утвердившись в своем личном отрицательном решении.

Современники Валуева не воспринимали всерьез необходимость конституционных преобразований в России. А. А. Кизеветтер считал, что «этот проект есть фикция удовлетворения дворянства»²¹. Общее мнение современников: валуевская конституция чистая декларация, предназначенная для отвода глаз в Европе. Валуевский конституционный проект был сдан в архив, а сам автор был вынужден вновь расстаться с «заветной мыслью» о введении представительных начал в государственное управление.

Одним из тезисов Валуева была идея объединенного правительства. По его мнению, правительство не располагало единой стратегической линией, каждый министр в зависимости от своей близости к Александру II решал собственные ведомственные вопросы. Каждый в правительстве играл свою роль и не пытался вписаться в общий правительственный ансамбль. Валуев же предлагал создать учреждение типа европейского кабинета, возглавляемого премьер-министром и состоящим из представителей одного политического направления. Такое учреждение по мысли Валуева должно было вырабатывать согласованное предложение министров и лишь после этого представлять его на рассмотрение императора, которому, по сути дела, и предстояло иметь дело с коллективным мнением министров и по логике вещей в большей степени считаться с последними.

Такое учреждение должно было гарантировать правительственную политику от случайных императорских решений. Александр II же ощущал в валуевских предложениях угрозу собственной власти, самодержавию. В конечном итоге инициатива Валуева привела к реконструированию Совета министров, получившего юридический статус. Валуеву не удалось хоть как-то приблизиться к европейским правительственным формам. Самодержец же ни в коем случае не желал откаться даже от малой части своих прерогатив. Правда 13 января 1865 г. председательствование в Государственном совете было отделено от Комитета министров, о чем Валуев ходатайствовал еще в 1861 году. Но в целом Валуев потерпел поражение, столкнувшись с решительным нежеланием императора что-либо менять в существующей форме государственного управления.

Петр Александрович был глубоко верующим человеком. Он живо интересовался всем происходящим в православной церкви, был знаком и переписывался со многими иерархами православной церкви. С особой симпатией он относился к протестантизму, терпимо к раскольникам, отстаивал свободу совести.

Валуев задолго до своего министерского поста пришел к выводу, что православная церковь, также как и гражданское общество, нуждается в переменах. Став же министром, Валуев поставил реформу церкви в число вопросов первоочередной важности. 18 августа 1861 г. Валуев направляет Александру II записку в которой предлагает реформировать церковь. Император проявил интерес к этой проблеме и Валуев вскоре представил соответствующий проект. После встречи с митрополитом Филаретом, где были согласованы основные положения реформы, по предложению министра был создан комитет под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Валуев рассчитывал перейти незамедлительно к работе над реформой, предполагая сделать это открыто, но встретил прямое сопротивление председателя комитета, несогласного с валуевской программой.

Стоически преодолевая возникшие препятствия, Валуев продолжал работу над реформой. «Церковная реформа,— считает С. С. Римский,— не являлась для Валуева самоцелью. Ее он рассматривал только в контексте собственной концепции изменения конфессиональной политики государства в новых условиях. Основным элементом новой политики по его замыслу должна была стать веротерпимость, но при самостоятельном сохранении православной церковью лидирующих позиций. Помочь в этом церкви и должна была затеваемая реформа»²².

Как только вел. кн. Константин Николаевич уехал в Польшу наместником, Валуев провел через императора указ о создании комитета нового состава и создании при Синоде из духовных и светских лиц Особого присутствия. Идея последнего принадлежала лично Валуеву, он видел в нем механизм проведения в жизнь церковной реформы. Этот механизм, как показало время, оказался весьма действенным и оптимальным в конкретных условиях царской России. Другой механизм вряд ли смог бы сработать, в условиях, когда церковные иерархи, не желавшие этой реформы, всячески тормозили ее осуществление. Именно благодаря Присутствию церковная реформа медленно, но двигалась вперед. 21 марта 1863 г. Присутствие утвердило программу действий, которая от первого до последнего слова была написана Валуевым. Вскоре и на местах учредили губернские Присутствия в составе первых лиц церковной и гражданской администрации.

Вся структура Присутствия держалась на Валуеве, пока он был министром внутренних дел. Он был генератором идей, готовил документы и проталкивал их через неговорчивых православных иерархов и представителей светской власти. Он умел уговорить, найти компромисс, настоять на своей точке зрения. Именно он и тянул весь этот тяжелый воз. Во всяком случае, с его уходом все явные и скрытые противоречия в Синоде, а следовательно и в Присутствии, вспыхнули с новой силой.

Автора и проводника в жизнь церковной реформы столпы Русской православной церкви не только ненавидели, но и зная его характер и то положение, какое он занимал во власти, побаивались. Не имея возможности идти с ним на открытый конфликт, церковь старалась всеми силами представить Валуева врагом Русской православной церкви. Основным противником его церковной реформы митрополит Филарет прямо называл Валуева «врагом и гонителем православия, поляком с примесью немца»²³.

Валуев выступал против преследования раскольников и был за сближение с ними Русской православной церкви, но резко протестовал против насильственных форм обращения их в православие. Он крайне отрицательно относился к административным преследованиям раскольников, допуская их только применительно к изуверским сектам, посягающим на личность верующего человека. А. В. Головин отмечал, что Валуев являлся «человеколюбивым и исполненным терпимости относительно раскольников»²⁴.

Главную цель церковной реформы Валуев видел в повышении авторитета в народе православного приходского духовенства. Он считал, что если избавить приходское духовенство от унижительной необходимости выпрашивать плату за требоисправления, упразднить законы, отгораживающие духовенство от общества, дать ему возможность учить крестьянских детей, повысив профессиональную подготовку, то цель будет достигнута. Царский министр ошибся, все оказалось гораздо сложнее.

С одной стороны, успех валуевской церковной реформы был налицо — была ликвидирована сословная замкнутость, сокращены причты и приходы, оживилась жизнь приходской общины, расширились права духовенства, на законодательной основе духовенство получило возможность широкого участия в начальном образовании народа. С другой стороны, валуевская церковная реформа не выполнила главного своего предназначения — подавляющее большинство сельского духовенства осталось нищим и бедным, каким оно было и к началу реформы. Реформа церкви дала определенные положительные результаты, хотя и не в том объеме и не том качестве, как добивался Валуев.

Валуев лучше, чем кто-либо из царских министров, понимал силу прессы. Вся его деятельность на посту министра внутренних дел была направлена на полное подчинение прессы своему влиянию и максимальное использование ее в интересах господствующих классов. Валуев начал массированную атаку против Министерства народного просвещения в чьем ведении находилась цензура, и не без поддержки царя прибрал ее к своим рукам. Александр II полагал, что Валуев наведет в сложном хозяйстве прессы и в журналистике должный порядок и поставит поднявшую голову прессу на место, втиснув ее в жесткие рамки цензуры. Император не ошибся в своем министре.

12 мая 1862 г. правительство ввело в действие «Временные правила о печати». Новый закон стал работать, и очень скоро все — от издателей до

журналистов — ощутили «прелести» карательной цензуры. Цензурное ведомство строго следовало указаниям Валуева и неукоснительно проводило его политику в жизнь. «Владыка цензуры» быстро подмял под себя прессу, действия Валуева полностью устраивали монарха и власть.

Получив права на цензуру, Валуев с присущей ему энергией взялся за разработку нового закона о печати. Новый цензурный устав был утвержден 6 апреля 1865 г. и на этот раз именовался «Временными правилами о печати». Закон был введен в действие с 1 сентября того же года и уже менее чем через 3 недели последовало первое по времени валуевское предостережение периодическому изданию — «Санкт-Петербургским ведомостям».

Современники очень скоро поняли смысл нового законодательства. А. А. Корнилов писал: «Валуев с упорством маньяка преследовал свою идею подчинить печать своему влиянию и сделать ее благонамеренной на свой образец»²⁵, а А. Н. Энгельгардт заявил, что «время управления Валуевым с 1863 по 1868 год является эпохой непристойного литературного террора»²⁶. В прессе закон о печати 1865 г. был сразу же назван «валуевским», впрочем от этого авторства Валуев никогда не отказывался.

Валуев постоянно дорабатывал закон о печати, внося изменения в соответствии с текущей обстановкой и волей императора. Так, свой закон

о печати 10 августа 1865 г. он дополнил циркуляром, которым должны были руководствоваться губернаторы при открытии типографий. 26 августа 1865 г. Валуев издал особую инструкцию цензурным комитетам, где подробно перечислялось все то, что не должно было допускаться к печатанию. 17 октября 1866 г. Валуев издал циркуляр, согласно которому был положен конец бесцензурной печати органов общественного управления.

Маховик репрессий против прессы, запущенный Валуевым, с каждым годом раскручивался все сильнее. С 1 сентября 1865 г. по 1 января 1868 г. было объявлено 30 предостережений газетам и журналам²⁷. За неполные 2,5 года Валуев вынес предостережения десяти газетами журналам, шесть из которых были приостановлены к выходу в свет на срок от двух до пяти месяцев, а два издания прекратили свое существование.

Пытаясь установить жесткий контроль над прессой, Валуев особое внимание уделял созданию собственного рупора — газеты максимально приближенной к правительству, отражающей его мнение и находящейся под полным контролем Министерства внутренних дел, то есть самого Валуева. Он был вдохновителем двух газет, издававшихся в 60—80-е годы: «Северная почта» (1862—1868) и «Отголоски» (1879—1881).

Валуевский закон о печати действовал в России 40 лет. Запущенный Валуевым механизм административных мер действовал долгие годы, деморализуя периодическую печать.

Свой взгляд имел Валуев и на финансовую политику России, выступая частым оппонентом министра финансов М. Х. Рейтерна. У Валуева было несколько излюбленных финансовых идей, которых он твердо придерживался. Он ратовал за обнародование государственного бюджета и хотел сделать его прозрачным, резко выступал за сокращение расходов на содержание бюрократического аппарата, добивался поощрения частного предпринимательства, развития кредитно-банковской системы. Он предлагал кардинально изменить систему налогообложения в стране, введя подоходный налог, объявить внутренний заем. Он ратовал за внедрение интенсивных методов сельскохозяйственного производства, настаивал на создании в российской деревне класса мелких собственников, выступая при этом против крестьянской общины и круговой поруки. Он настаивал на неприкосновенности частной собственности. Защищая интересы помещиков, он пытался проводить в правительстве идеи экономической и финансовой помощи дворянству. Придавал особое значение организации земельного кредита и предоставлению льгот по расчетам за заранее предоставленные ссуды. К сожалению, финансово-экономическая программа Валуева во многом осталась на бумаге, встретив резкое противодействие со стороны Рейтерна, пользовавшегося поддержкой Александра II.

Весьма противоречивой была валуевская национальная политика. П. А. Зайончковский подчеркивал, что «если в отношении одних народов Валуев признавал необходимость по крайней мере считаться с существованием их национальной культуры, то в отношении других отрицал даже это»²⁸. Он выдвигал ряд идей, которые могли бы в какой-то мере развязать некоторые национальные узлы. Так, Валуев считал, что Царство Польское, Великое княжество Финляндское и прибалтийские провинции должны находиться в несколько особом положении. Он считал разумным ввести здесь элементы автономии, сделать некоторые уступки господствующим классам.

В то же время крайне резкую позицию занял Валуев в вопросе о самостоятельности украинского и белорусского народов, их языка и культуры. Он даже не признавал украинцев нацией. В вопросах национальной политики действия Валуева — министра во многом шли в разрез с мыслями Валуева — человека. Архисложная политическая обстановка, разногласия в правительственных кругах, колебания Александра II и отсутствие должной поддержки со стороны государственной и правительственной элиты наложили отпечаток на решения и поступки Валуева — министра.

Национальную политику в России определял император и только он решал, куда и в каком направлении необходимо идти империи в этом вопросе. Валуев, как и другие министры, был только исполнителем воли монарха. Многие валуевские предложения в лучшем случае вежливо выслушивались, но отнюдь не получали добро на свое проведение. Отсюда и крайне низкая результативность валуевской системы действий в национальном вопросе.

Валуев принял самое непосредственное участие в разработке городской реформы. Оценивая свое министерское семилетие, он отмечал, что среди значительных дел, которые удалось ему провести в жизнь — было «присутствовано к преобразованию городских учреждений»²⁹. Многие из того, что было разработано в двух валуевских вариантах городской реформы 1864 и 1866 гг. легло в основу окончательного третьего варианта, получившего в 1870 г. силу закона. Городская реформа впитала в себя многие мысли разработчика ее концепции. Был отменен старый сословный порядок городского управления, предоставлена ему широкая самостоятельность в ведении городского хозяйства и решении местных дел. Городовое положение 1870 г. действовало без заметных изменений до 1917 г., содействуя процессу капиталистического развития страны.

После каракозовского покушения на Александра II с весны 1866 г. резко сменился правительственный курс. Произошла основательная перетряска правительственного аппарата, многих чиновников вывели из состава правительства, но Валуев усидел в министерском кресле. Детонатором жестких репрессий в России стал шеф жандармов П. А. Шувалов, который постепенно подмял под себя все правительство. Не избежал этого и министр внутренних дел. Его современник М. И. Венюков писал, что «в ведомстве Валуева... Шувалов распоряжался как хозяин. Губернаторы стали назначаться не иначе как с его согласия»³⁰.

С возвышением Шувалова Валуев в какой-то степени утратил свою самостоятельность. Шувалову нужны были слепые исполнители его воли. Валуев же имел по многим вопросам свое личное мнение, умел его отстаивать и часто не соглашался с всемогущим Шуваловым. Но как точно подметила В. Р. Лейкина-Свирская, Валуев, «осыпая царскую политику насильем и лжи горькими сарказмами в своем дневнике... отступить от реакционной политики не был способен»³¹.

Вскоре положение министра внутренних дел становится весьма неустойчивым. Всемогущий Шувалов хотел видеть на этом посту свою крепатуру — жандармского генерала А. Е. Тимашева. неурожай 1867 г. и последовавший за ним голод в ряде губерний были использованы как повод для дискредитации министра внутренних дел. 3 апреля 1868 г. Валуев был уволен со своего поста.

Его отставку современники восприняли неоднозначно. На этот счет

было три основных мнения. Первое — Валуев оставил министерское кресло по болезни глаз. Второе сводилось к тому, что лавирование Валуева консерваторам было не нужно, а либералам ничего не давало. Третье было основано на том, что Валуев и возглавляемое им министерство внутренних дел не приняли своевременных мер по предотвращению голода, вызванного неурожаем в ряде губерний. Все три причины имели под собой основания. Большинство современников полагали, что главной причиной ухода Валуева с министерского поста был голод и его последствия.

После ухода в отставку между Валуевым и императором сохранились добрые и доверительные отношения. Царь не хотел и не мог забыть опального министра, сохранил к нему свое благоволение. Он получил весьма милостивый рескрипт, а также алмазные знаки ордена Александра Невского.

Управление министерством внутренних дел в течение семи лет было наиболее деятельным периодом в государственной карьере Валуева, отмеченной земской, цензурной, церковной и городской, и самой великой — крестьянской реформами. Этот семилетний период был не только самым активным, но и самым полезным этапом его государственной деятельности, при которой он смог реализовать себя как государственный деятель, политик и человек. Правда это произошло не в полной мере и не так, как того хотел сам Валуев, но если судить о делах, в решении которых он принял участие, и об их последствиях в жизни государства Российского, то его деятельность на посту министра внутренних дел была бесспорно полезна для России.

Современники резко расходились во мнении о Валуеве. С. С. Татищев считал Валуева «маститым и заслуженным высшим сановником»; Д. А. Милютин — «склонным к иезуитским инсинуациям»; А. А. Половцов — «порядочным человеком»; Г. А. Джаншиев — «завзятым бюрократором», «соловьем-либералом», «заносчивым Валуевым», «мнительным рутинером»; К. А. Скальковский — «казенным реформатором»; А. Е. Розен — «деятельным и полезным министром», а А. А. Титов — «двуличным министром»³².

«Он был очень статен, красив, — писал о Валуеве князь В. П. Мещерский, — и говорил с хладнокровием и известной торжественностью»³³. П. В. Долгоруков, вспоминая о Валуеве, писал: «Ума недалекого, но весьма начитанный, трудолюбивый, умеющий хорошо говорить по-русски, что для старых членов Государственного совета столь же поразительно, как если бы им ввели слона в заседание»³⁴. М. Н. Муравьев прекрасно знавший Валуева по совместной службе писал о нем: «Валуев, человек не без способностей, но космополит и преданный одною мыслию и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было со вредом для России»³⁵. Цензор А. В. Никитенко — первый редактор валуевской газеты «Северная почта» — писал: «Валуев — человек не без ума, но с ног до головы бюрократ, который понимает государственные дела не иначе как канцелярские отношения и рапорты»³⁶.

Герценовский «Колокол» называл Валуева флюгером, направляемым «ветром придворным». Для П. Д. Стremoухова он был выдающимся «своими блестящими качествами человеком». Митрополит Филарет считал, что Валуев «при обширном образовании и полнейшей добросовестности был своей земле чужеземец». К. П. Победоносцев в письме наследнику престола

вел. кн. Александру Александровичу писал: «Валуев — поседевший в практике громких речей из которых ничего не выходит, кроме лести и заблуждения, почерпывающий из лондонского «Times» свои вдохновения и государственные взгляды»³⁷. Петр Александрович Валуев был очень сложным и противоречивым человеком, поэтому сколько людей судили о нем, столько было различных мнений, суждений, взглядов.

После отставки Валуев на 1,5 года уезжает за границу поправить расшатанное здоровье. Но он не остался невостребованным императором. Вернувшись в Петербург в конце 1869 г., он занялся частной службой, с согласия Александра II был избран председателем учетно-ссудного банка, заседал в Государственном совете. «Мое положение представляет многие удобства, — писал Валуев, — знаю и вижу, что происходит в официальном мире но не несу ответственности, не обязан к усиленному труду и не возбуждаю прежней вражды»³⁸.

13 декабря 1869 г. монарх назначает Валуева членом комиссии для рассмотрения отчета о деятельности петербургской городской полиции. 5 апреля 1870 г. по личному указанию Александра II Валуев был приглашен участвовать в заседании Комитета министров — обсуждении проекта административно-полицейской реформы. В декабре 1870 г. Валуев избирается председателем правления Общества взаимного поземельного кредита. Несколько позже император назначает Валуева членом Особого присутствия для рассмотрения представлений о преобразовании учебных заведений. Валуев интересовался многими вопросами, полагая что придет и его время.

Летом 1870 г. Валуев был за границей, где оказался свидетелем быстрой мобилизации, прусской армии и последующего молниеносного разгрома Франции. Это произвело на него огромное впечатление и навело на мысль о необходимости проведения в России военных реформ. 3 октября 1870 г. он представил на имя Александра II записку «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой подробно разбирал практику прусской мобилизации, анализировал причины успеха германской армии. Валуев обосновал необходимость изменения существующего порядка призыва в армию, справедливо считая, что рекрутская система себя изжила и ее необходимо заменить всеобщей воинской повинностью. Записке был дан ход и военное министерство по указанию Александра II занялось разработкой нового порядка бессловесного призыва в армию и формирования при сокращенном сроке действительной военной службы крупных обученных резервов. Валуев был первым, кто поставил вопрос о всеобщей воинской повинности. Его записка положила начало военной реформе.

Император и его ближайшее окружение на забывали о Валуеве. Александр II назначает его членом Главного совета женских учебных заведений и почетным опекуном, присутствующим в Санкт-Петербургском Опекунском совете. 1 марта 1871 г. по воле монарха Валуев назначается управляющим Санкт-Петербургскими сиротскими заведениями. Позже Александр II пригласил Валуева к участию в работе Императорского человеколюбивого общества, а затем по желанию императрицы Марии Александровны и решению Александра II он был назначен управляющим Санкт-Петербургским родовспомогательным заведением.

Летом 1871 г. в Эмсе Валуев встретился с Шуваловым. Обсуждался вопрос о предоставлении Валуеву министерского портфеля. Встреча не

была случайной. Шеф жандармов и фаворит Александра II Шувалов вынашивал замысел политической реформы и ему нужен был Валуев не столько как самый опытный законодатель, сколько как умный, ловкий и хитрый бюрократ, способный найти оптимальное решение любого политического вопроса, примирить враждующие стороны, найти разумный компромисс. В лице Валуева не скрывавшего свои министерские амбиции, Шувалов видел человека, который мог бы посодействовать ему — в обмен на министерское кресло — подвести Александра II к мысли о политической реформе. Альянс Валуева с Шуваловым не был случайным. Валуев лучше, чем кто-либо другой понимал тайные пружины государственной власти и альянс с Шуваловым был ему только на руку.

А тем временем император предложил Валуеву очень тонкое и щепетильное дело, от разрешения которого во многом зависела судьба самого Петра Александровича. 20 августа 1871 г. была создана Особая комиссия для рассмотрения политического аспекта всеобщего обложения во главе с Валуевым; в нее вошли Шувалов, С. Н. Урусов, А. Е. Тимашев и И. Х. Рейтерн. Самодержец опасался, что дворянство, будучи привлечено к несению налогового бремени, потребует политической компенсации — своего представительства.

Хитрый и осторожный Валуев занял центристскую позицию. Он не встал открыто ни на сторону Рейтерна, ни Шувалова. Он выжидал, лавировал, искал компромиссного решения и проявил подлинную изобретательность: он не просто отказался от сведения реформы налогообложения на всеобщих основаниях к политическим мотивам, а нашел компромиссное решение, благодаря которому создалась практическая возможность с одной стороны, длительной отсрочки вовлечения дворянства в налогообложение, а с другой — максимального ограждения его интересов. Александр II согласился с валуевским компромиссом в очень непростом вопросе — налогообложении дворянства.

Валуев и ранее доказал свою способность к компромиссным решениям сложных и запутанных вопросов. Так, в начале 70-х годов он по воле монарха участвовал в борьбе вокруг проектов реорганизации управления промышленностью и торговлей. В то время в правительстве остро встал вопрос о дальнейшей судьбе Министерства государственных имуществ. «Речь зашла о его упразднении за бесполезностью. Один год даже были кредиты ассигнованы министерству лишь условно»³⁹. Валуев сумел отстоять это министерство, и даже добиться присоединения к нему Горного департамента (за исключением монетной и пробирной части), а также Главного управления государственного коннозаводства.

В середине апреля 1872 г. Валуев сменил А. А. Зеленого на посту министра государственных имуществ. Через две недели после получения министерского кресла Валуев обратился к Александру II с докладом, в котором поднимался вопрос о самом трудном, больном и насущном — состоянии сельского хозяйства в стране. Новый министр ходатайствовал о создании под его председательством комиссии по исследованию сельского хозяйства и такая комиссия была создана в мае 1872 г. (ее так и называли — «валуевской»).

Правительство вынуждено было заняться многочисленными жалобами с мест на систематические недороды, недостаток запасов хлеба, обнищание крестьян, тяжесть налогов и повинностей. «Валуевской» комиссии были

предоставлены широкие полномочия и созданы условия для деятельности. Работа комиссии привлекла внимание общественности, а сам ее руководитель оказался в центре внимания сановных кругов, прессы и ученого мира. Работа комиссии была организована с размахом. Она включала в себя 11 ведущих чиновников ряда министерств, кроме того 40 чиновников валуевского министерства выполняли техническую работу по сбору и обработке материалов. Валув впервые в России провел глубокий социологический опрос — анкетирование — с привлечением большого числа людей с мест на заседания комиссии. Разработанная им анкета включала в себя около 300 вопросов, тщательно продуманных и обоснованных. В комиссию прислали данные 958 человек, участвовали в заседаниях и ответили на вопросы 181 человек. Труды комиссии насчитывали пять обширных томов.

Отклики на материалы комиссии в целом были положительные. Так Никитенко записал в дневнике 2 августа 1873 г.: «прочел доклад валуевской комиссии ... Он состоит из данных, которые кажется не подлежат сомнению и составлен очень тщательно и умно. В этом неотъемлемая заслуга Валув-ева»⁴⁰. Материалы, собранные «валуевской» комиссией, наглядно показали последствия реформ и особенно главной из них — крестьянской. Они свидетельствовали о тяжелом положении крестьянства, крайней непригодности большинства помещичьих хозяйств к тому, чтобы вести дела в пореформенных условиях. «Валуевская» комиссия доказывала, что положение сельского хозяйства в стране требует широкого государственного вмешательства, необходим ряд законодательных мер и совместных акций частных к сельскому хозяйству министерств и ведомств.

Насколько идеи Валув-ева были верны и приемлемы, можно судить хотя бы по тому, что с подобными идеями выступит в начале XX века П. А. Столыпин. Валув задолго до Столыпина выступал со сходными предложениями, но не был услышан властями. Отказ от проведения в жизнь решений «валуевской» комиссии надолго задержал образование многочисленного класса мелких и крепкостоящих на земле земельных собственников.

Сельскохозяйственный аспект «валуевской» комиссии был исчерпан, далее началась большая политика. На этом этапе и Шувалов и Валув шли в одной связке, их действия были согласованы, между ними установились тесные отношения. «В Комитете министров,— писал Д. А. Милютин,— большинство членов действуют всегда за одно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валув — послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле». Сам Валув об этом писал очень откровенно: «Наконец, я состою седьмым в консервативном конклаве и гр. Шувалов иногда называет меня «старшина». К сожалению, когда конклав в сборе, он менее занимается делом, чем толками о своих противниках и праздными фразами о своих принципах». Н. А. Троицкий не без основания считал Валув-ева «шуваловским единомышленником»⁴¹.

Выступивший на заседании Комитета министров 27 ноября 1873 г. Шувалов пригласил привлечь представителей земства к законосовещательной деятельности по разработке широкого круга связанных с сельским хозяйством проблем поставленных «валуевской» комиссией. Валув поддержал Шувалова, но идея последнего встретила резкий отпор в правительстве. Вопрос обсуждался на нескольких заседаниях Комитета министров, но

из-за серьезных разногласий так и не был решен. Валуева попросили составить такой проект резолюции, который мог бы явиться основой для соглашения членов Комитета министров. Валуевский проект резолюции был принят единогласно и почти без прений. Эта резолюция, столь ловко составленная Валуевым, и не могла вызвать возражений, так как она практически полностью выхолащивала идею шуваловского проекта, как шага к конституционной монархии. Александр II утвердил положение резолюции Комитета министров.

Современники отлично понимали политическую подоплеку «валуевской» сельскохозяйственной комиссии. «Знаменитая комиссия для исследования сельского хозяйства в России, — писал К. Д. Кавелин, — должна была подготовить введение дворянской конституции сверху»⁴². С мнением Кавелина были согласны многие современники Валуева. В июле 1874 г. произошла неожиданная отставка всесильного шефа жандармов Шувалова. Валуев, будучи убежденным сторонником представительства, не замедлил отречься от своих взглядов и дистанцироваться от своего недавнего союзника. Еще 18 марта 1874 г. за несколько месяцев до отставки Шувалова, Валуев на прямой вопрос Александра II о комиссиях ответил, что: «инициатива во всем принадлежит Шувалову»⁴³. Валуев избежал монаршего гнева благодаря своей изворотливости.

По указанию Александра II 9 марта 1874 г. была создана валуевская комиссия по разработке закона о найме рабочих и прислуги. Валуев прекрасно разбирался в этом вопросе и, будучи прозападническим деятелем, использовал во многом при разработке рабочего законопроекта прусский промышленный устав от 21 июня 1869 года. Интерес к валуевской комиссии был обусловлен и тем, что ей придали некоторую видимость внешнего «парламентаризма». Вокруг этой комиссии сразу же поднялся большой шум. У одних она подогрела либеральные иллюзии, другие преднамеренно пытались преувеличить ее значение, запугивая Александра II опасностью парламентаризма. В. Я. Лаверычев писал: «Валуев, сам занимавшийся сведением различных проектов в единый документ, целенаправленно исключает статьи, отражавшие либеральные настроения его предшественников»⁴⁴.

Шесть лет бродил законопроект Валуева по различным инстанциям. Его бесконечные доработки уже порядком всем надоели. Наконец, 23 февраля 1880 г. Государственный совет признал, что валуевский законопроект чреват опасностью ниспровержения рабочими существующего государственного строя и поэтому принят быть не может. Предложенный Валуевым законопроект не был идеальным, в нем было достаточно много недостатков, но он был необходим России. Александр II не спешил с принятием этого закона, считая, что его время еще не пришло. Хотя власть и пыталась оттянуть решение рабочего вопроса, но жизнь диктовала свои условия. Буквально через несколько лет новый император был вынужден заняться этой проблемой вплотную.

В 70-е годы Валуев очень близок к императору, который с ним советуется по различным вопросам не только внутренней, но и внешней политики. По-прежнему в отсутствие Александра II Валуев заседает в Регентском совете, сосредоточивавшем в своих руках всю полноту власти в период отсутствия царя в столице.

В 1878 г., когда развернулась революционная деятельность народников, Валуев назначается председателем «Особого совещания для изыскания мер

к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». Дело В. Засулич подтолкнуло власти к созданию столь необычайного органа. Царизм хотел «заклеймить крамолу жупелом уголовщины», но «суд улицы», как метко назвал институт присяжных заседателей М. Н. Катков, оправдал Веру Засулич. Это была звонкая пощечина власти. Тогда то и было создано «Особое совещание» под началом Валуева. Сам Валуев с разочарованием встретил оправдательный вердикт присяжных по делу Засулич. Он в Совете министров при всех заявил Александру II: «теперь остается при выходе из дворца идти и купить револьвер для своей защиты»⁴⁵. (М. Н. Покровский верно назвал Особое совещание «валуевским».)

Александр II поручил координацию всех карательных министерств Валуеву, руководившему сугубо мирным Министерством государственных имуществ. Император доверял ему, верность Валуева престолу была проверена годами службы на высших государственных постах. Кроме того император был убежден, что бюрократический талант верноподданного министра направит деятельность ответственных за порядок и спокойствие в стране министров в нужное русло. Александр II не ошибся в выборе. «Бессменный председатель совещаний П. А. Валуев, — отмечает Троицкий, — в карательной политике был заодно с Дрентельном, Маковым и Набоковым»⁴⁶.

Несмотря на то, что при содействии «Особого совещания» был принят указ о предании военному суду любых лиц за государственные преступления с «вооруженным сопротивлением», по которому власти получили право на арест и дальнейшую административную ссылку в Сибирь всех, кто участвовал в уличных демонстрациях, заметных сдвигов в сторону затухания революционного движения не последовало, наоборот «красный» террор усиливался. Царизм стремился политикой террора и исключительных мер искоренить революционное движение, но — тщетно. Не только члены правительства, но и министры входящие в состав «Особого совещания» ощущали свое бессилие в борьбе с крамолкой. Валуев отмечал в дневнике: «Чувствуется, что почва зыблется, зданию угрожает падение». Решения «Особого совещания» не оказали на внутривластную жизнь в России заметного влияния. Исключительность самого института «Особых совещаний» (как и его бесплодность) побудила Валуева иронически величать его «Комитетом общественного квазиспасения». Валуев явно склонялся к охранительному курсу, была заметна его эволюция вправо от реформ к реакции. По его инициативе, после покушения на Александра II А. К. Соловьева, 2 апреля 1879 г. вводится институт временных военных генерал-губернаторов. Валуев с гордостью пишет в дневнике: «Мысль о генерал-губернаторах — моя, еще до 2 апреля высказанная»⁴⁷.

По существу введение временных военных генерал-губернаторов означало установление в стране военного положения. Это, по мнению Валуева, надо было осуществить внезапно. «В самую ночь перед объявлением чрезвычайных мер произвести важнейшие аресты, чтобы разбить по возможности существующую организацию»⁴⁸. Валуев хотел устроить противникам царизма своеобразную Варфоломеевскую ночь накануне опубликования указа. Но это предложение при обсуждении указа императора было отклонено. Были образованы новые временные военные генерал-губернаторства (Санкт-Петербургское, Харьковское и Одесское), куда были назначены генерал-адъютанты — И. В. Гурко, М. Т. Лорис-Меликов

и Э. И. Тотлебен. Они получили диктаторские полномочия, подобные неограниченные права распространялись также на Московского, Киевского и Варшавского генерал-губернаторов.

В вопросе о временных военных генерал-губернаторах Валуев занимал жесткую позицию и даже, когда вел. кн. Константин Николаевич доказывал, что необходимо урезонить генерал-губернаторов, а их действия поставить в рамки законности, Валуев, напротив, отстаивал их права в том виде, в каком они существовали согласно указу императора. Валуев упорно отстаивал свое детище — институт временных военных генерал-губернаторов от любых нападков даже со стороны члена императорской фамилии. Институт временных военных генерал-губернаторов введенный в России по мысли и предложению Валуева, сыграл свою отрицательную роль. Детище Валуева оказалось неспособным решить те задачи, которые поставила перед ним верховная власть. История показала вообще несостоятельность подобных методов борьбы с революционным движением.

На исходе 70-х годов закончилось второе семилетие министерской деятельности Валуева. 25 декабря 1879 г. он был назначен председателем Комитета министров, Кавказского комитета и Комиссии прошений на высочайшее имя с сохранением звания члена Государственного совета и главы Особого совещания.

Деятельность Валуева в качестве министра государственных имуществ была достойно оценена современниками. Сразу же после ухода его из министерства была учреждена премия имени Петра Александровича Валуева и объявлена подписка на нее. Позже по высочайшему повелению были учреждены две памятные золотые медали графа Валуева за осушение болот и за «труды и успехи по лесоразведению». Долгие годы пребывания у власти сделали его одним из старейших членов правительства, который о механизме власти Российской империи знал все досконально. Именным высочайшим указом от 19 февраля 1880 г. Петр Александрович Валуев был возведен в графское достоинство.

15 декабря 1879 г. Валуев по просьбе Александра II передал ему свой проект реформирования Государственного совета. В сопроводительной записке в качестве основного аргумента он выдвигал необходимость борьбы с революционным движением. Было проведено четыре совещания — 20, 23, 25 и 29 января 1880 года. Идея представительства была отклонена. Валуев так прокомментировал царское решение: «Быть может для перехода к другому порядку мыслей и дел нужно, чтобы под нами почва еще более поколебалась»⁵⁰.

Об отношении Александра II к этой проблеме видно из записки, которую он сделал сразу же после итогового совещания 29 января 1880 г.: «Сове[щание] с Костей и друг[ими] решили ничего не дел[ать]»⁵¹. Почти все 25 лет своего царствования Александр II не хотел решать конституционный вопрос. Идеи, заложенные в валуевской конституции, были осуществлены только в начале XX века, когда самодержавие столкнулось с реальной революцией. Недаром среди документов правительственной комиссии 1905 г. рассматривавшей проблемы Государственной думы фигурирует и валуевский проект конституции, написанный им в 1863 году.

После ряда покушений на Александра II решено было искать спасение от революции в диктатуре. 12 февраля 1880 г. царизм учредил Верховную распорядительную комиссию во главе с глафом М. Т. Лорис-Меликовым.

Этот орган был беспрецедентным в русской истории, перед ним на какое-то время отступил в тень даже сам царь. Проект указа о создании Верховной распорядительной комиссии составил по поручению Александра II председатель Комитета министров Валуев.

Валуев не случайно прорабатывал идею создания Верховной распорядительной комиссии. К концу 70-х — началу 80-х годов он заметно утратил ведущие позиции в правительстве, которые занимал в начале 60-х годов. Претендуя на роль первенствующего министра, он, по-видимому, решил создать союз «головы» и «сабли», отведя себе роль идеолога и вдохновителя назревавших преобразований. Проект Верховной распорядительной комиссии Валуев написал как бы «под себя» в надежде, что альянс с Лорис-Меликовым будет во всех отношениях для него — председателя Комитета министров — выгодным. Да к том уже он рассчитывал, что век этой комиссии будет недолгим, поскольку он как глава Комитета министров сумеет за это время руками начальника Верховной распорядительной комиссии навести порядок в стране. Основным предназначением комиссии было подавление революционного движения, в отношении его участников предусматривались беспощадные репрессии.

6 августа 1880 г. указом императора Вреховная распорядительня комиссия была упразднена. Надежды Валуева, связанные с Лорис-Меликовым, не оправдались. Генералу ставшему русским диктатором, помощь Валуева не понадобилась. Хотел того Валуев или нет, но он был вынужден отойти в сторону и уступить лидерство новоявленному диктатору — Лорис-Меликову. Так произошла смена ведущих актеров на российской политической сцене, причем возвышение нового лидера состоялось не без помощи прежнего. И в этом основополагающую роль сыграла Верховная распорядительная комиссия, та концепция неограниченного диктаторства, которую заложил в нее Валуев.

Период конца 70-х начала 80-х годов в российской истории был очень сложным. Н. А. Троицкий так охарактеризовал это время: «перед лицом революционного натиска Александра II, никогда не обладавший ни политической твердостью, ни силой характера, и к тому же буквально разлагавшийся от страха за свою жизнь ... колебался под влиянием придворной реакции и личной злобы к «нигилистам» все-таки предпочитал наращивать белый террор»⁵². В 4 часа дня 1 марта 1881 г. над Зимнем дворцом поднялся черный флаг. В этот день «Народная воля» привела в исполнение смертный приговор Александру II.

В день своей гибели Александр II встретился с Валуевым, чтобы согласовать с ним проект правительственного сообщения по поводу так называемой «конституции» Лорис-Меликова. Император доверял Валуеву и рассчитывал, зная его взгляды на необходимость конституции в России, что он, позабыв о личных обидах на императора по этому вопросу, не только четко организует необходимую процедуру обсуждения, но и возможно выскажется за принятие лорисмеликовской «конституции». Он не ошибся в Валуеве, который и после смерти Александра II выступал поборником проведения в жизнь этой «конституции». Но в России был новый император, с иными взглядами, с иными советчиками.

8 марта 1881 г. состоялся Совет министров, где обсуждался лорисмеликовский проект «конституции». «Тон совещания ... был таков, что для всех стало очевидной скорая политическая смерть и самого Лорис-

Меликова и его «конституции»⁵³. Развернулась борьба между двумя противоборствующими лагерями — Победоносцева и Лорис-Меликова. Валуев не примыкал ни к одному из них, и в борьбе этой не участвовал.

17 апреля 1881 г. исполнилось 50 лет служебной деятельности Валуева. Рескрипт Александра III был сух, без тепла и сердечности. Новый император давал знать «Краснопевцеву», что он не желает видеть его в новом правительстве. Валуев записал в дневнике: «Государем прислан рескрипт заурядный, без всяких приличий и даже переделанный кажется при содействии Победоносцева, чтобы его сделать позауряднее»⁵⁴.

29 апреля 1881 г. Александр III выступил с Манифестом об укреплении самодержавия, провозгласив открыто реакционный курс. Вместо конституции Россия получила манифест. Ушли в отставку члены правительства Лорис-Меликов, Абаза и Милютин. Валуев прошение об отставке не подал. На этот счет Е. А. Перетц записал в дневнике: «Валуев хотя и критикует до крайности положения Манифеста, но как-будто приободрился и, по-видимому, отложил намерение покинуть свой пост»⁵⁵. Но Александр III не хотел видеть Валуева в составе нового правительства. Нужен был только повод, чтобы отправить его в отставку и этот повод вскоре нашелся. «Уфимское дело» стало удобным поводом для отстранения Валуева от государственных дел.

Нашумевшее «дело», к которому оказался причастен Валуев, заключалось в том, что в 70-е годы в Уфимской и Оренбургской губерниях происходило массовое расхищение казенных земель представителями высшей бюрократии. Расследованием занималась сенатская комиссия М. Е. Ковалевского. Он пытался взвалить на Валуева всю вину за эту крупнейшую государственную аферу, когда в государственном масштабе шла грабительская распродажа казенных земель по бросовой цене, зная при этом, что Валуев лично не приобрел ни клочка земли. Валуев сумел доказать, что был орудием в руках Александра II, который был в курсе всех безобразий, творимых в Уфимской и Оренбургской губерниях.

По сути дела, монарх сам санкционировал и потворствовал сложившейся практике продажи казенной земли в этих губерниях. 2 февраля 1882 г. Валуеву было вынесено «Высочайшее неодобрение» по поводу недостаточного контроля за подчиненными ему лицами. Валуев был вынужден еще в процессе расследования написать прошение об отставке, аргументируя его «поколебленными силами и расстройством здоровья», на котором Александр III наложил резолюцию «Наконец»⁵⁶. Император хотел уволить Валуева в чистую отставку, но за него вступился С. Н. Урусов, который просил не делать этого в память благоволения к Валуеву покойного государя.

Император уволил Валуева от должности председателя Комитета министров и всех прочих занимаемых им должностей, но оставил членом Государственного совета, при этом Валуеву было определено содержание в 18 тыс. руб. в год с сохранением получаемых им квартирных денег в размере 6000 руб. в течении года с момента увольнения⁵⁷. И в этом император постарался ущемить Валуева, назначив квартирные деньги на год, а не пожизненно, прекрасно зная, что Валуев не имел никакой земельной собственности, как и собственной квартиры в Петербурге. Император отказал Валуеву в причислении сына к российскому посольству в Вене, но в то же

время вытащил его из долговой ямы, выдав безвозмездно 30 т. рублей, что помогло Валуеву сохранить доброе имя, избежав судебного разбирательства за долги сына. Так закончилась блестящая карьера царского сановника, занимавшего важнейшие государственные посты, одного из приближенных к Александру II министров.

По выходе в отставку Валуев последние 10 лет своей жизни прожил чрезвычайно тихо. Не обременявшее Валуева участие в работе Государственного совета, а также активная литературная деятельность позволяли ему, хоть изредка, посещать придворные балы, а также придворные спектакли. Но судьба нанесла ему удар, после которого он уже так и не смог оправиться. Смерть жены 20 марта 1883 г. подкосила Валуева. С ее смертью прибавились горестные проблемы с младшим и любимым сыном Никсом, погрязшим в карточных долгах.

Александр III вспомнил о Валуеве как представителе древнейшего дворянского рода и обязал его участвовать в своей коронации. После короткой поездки за границу где он встретился с 90-летней матерью своей первой супруги княгиней В. Ф. Вяземской, которую почитал, Валуев глубоко ушел в свой духовный мир: кроме церкви и заседаний Государственного совета он почти нигде не выходил. «Со всеми внутренне примиренный,— писал К. И. Воронич,— для всех благожелательный, справедливый, он внушал к себе чувство исключительного уважения каждому приходившему с ним в соприкосновение. Чужалось сердцем, что эту чистую христианскую душу ничего не может облечь тенью, что вся она живет в Боге»⁵⁸. Старая, Валуев переживал нравственное обновление.

Оставив службу, Валуев активно занялся литературной деятельностью. Самым известным валуевским романом является «Лорин», изданный в 1882 году. По мнению современников, роман во многом автобиографичен, в нем автор высказывал свои взгляды по многим общественно-государственным вопросам. «Это — скорее мемуары, чем роман»,⁵⁹ писал о «Лорине» В. О. Михневич. Позже появились повести «У Покрова в Левшине», «Черный Бор» и роман «Княжна Татьяна». В работе «Религиозные смуты и гонения от V до XVII века» Валуев обращается к вопросам богословия и истории церкви, а в «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» Валуев наряду с текстами из Священного писания и извлечениями из сочинений русских и иностранных богословов включил собственные стихи духовного характера.

Некоторые произведения Валуева религиозного содержания были запрещены духовной цензурой, как «близкие к протестантизму». А. Ф. Кони, часто встречавшийся с Валуевым в последние годы жизни, писал, что Валуеву пришлось испытать на себе «каменную десницу» нашей тогда «богомольной и слишком чопорной», по выражению Пушкина, цензуры, не пропустившей сделанный им перевод Капффа ввиду «протестантского духа» этой книги». По этой же причине был запрещен духовной цензурой огромный валуевский труд объемом в 41 печатный лист «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года». На закате жизни Валуев в письме К. И. Вороничу от 21 июня 1886 г. с болью заметил: «Стараюсь работать, хотя голова непокорна. При этом, если бы и вышло что-нибудь из-под пера — негде печатать».

Особенно важен дневник Валуева. Он содержит ценный исторический материал. Регулярные подневные записи были для Валуева прежде всего

делом самооправдания перед историей и средством литературной компенсации его неполной политической востребованности.

Судьба не жалела Валуева. 29 июня 1886 г. в Кутаиси скончался старший сын Валуева — Петр. Под конец своей жизни Валуев обитал в небольшой квартире в шумном и узком месте Екатерингофского проспекта на углу Вознесенского, куда не проникали солнечные лучи. Валуев очень бедствовал, оплачивая долги Никса, вынужден был продать свою обширную библиотеку и коллекцию картин. Одиноким, заброшенным и забытым всеми отставной министр писал: «Я живу в таком духовном одиночестве, что иногда желается вымолвить слово, которое будет услышано»⁶⁰.

Больной, одинокий, но не сломленный духом он боролся с одиночеством и писал стихи. Он обращался к Богу в стихотворении «Молитва». «Господь, мольбе моей смиренной, // С высот твоих небес внемли, // И мира для души смятенной, // Мне дуновенье ниспошли».

В июле 1889 г. Валуев заболел раком мочевого пузыря, слег в постель, но продолжал бороться с болезнью, испытывая жестокие страдания. 27 января 1890 г. он умер. Похороны свои Валуев приказал устроить с возможной скромностью, сам составил газетное объявление о своей смерти и запретил совершать панихиды на дому. Смерть, как и жизнь Валуева, была наполнена разными слухами и домыслами. В смерти Валуева современники винили родного сына, истощение и еще Бог знает, что но только не черствость, безразличие, душевную пустоту тех, кто выкинул из своей памяти и предал забвению ближайшего сподвижника Александра II, кто еще вчера пел ему дифирамбы и пользовался его покровительством. Новая власть забыла о Валуеве, у нее были новые фавориты. Подводя итог жизни Петра Александровича Валуева, можно сказать его собственными словами: «Завершилась жизнь обильная светом и тенями»⁶¹.

Примечания

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1. СПб. 1797, с. 38; ПЕТРОВ Н. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб. 1886, с. 3—4; БОБРИНСКИЙ А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб. 1890, с. 265; БЕЛОКУРОВ С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М. 1907, с. 54; Разрядная книга 1475—1598. М. 1966, с. 281, 290.
2. ДОЛГОРУКОВ П. В. Российский родословный сборник. Кн. 2. СПб. 1841, с. 17, его же. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб. 1854, с. 30.
3. МЕЩЕРСКИЙ В. П. Мои воспоминания. Ч. 1. (1850—1865). СПб. 1897, с. 130.
4. Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig. 1873, s. 121.
5. Шумные годы. Из дневника сенатора, статс-секретаря А. Д. Комовского (1859—1862).— Колосья, 1884, № 4, с. 180.
6. ОКСМАН Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов. 1959, с. 32; ГИЛЛЕЛЬСОН М. И., МУШИНА И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Л. 1977, с. 70; ПЕТРУШИНА Н. Н. Проза Пушкина. Л. 1987, с. 260.
7. АММОСОВ А. Н. Последние дни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб. 1863, с. 30.
8. КОШЕЛЕВ А. И. Записки (1812—1883).— Русский архив, 1879, № 11, с. 266.
9. Русская старина, 1891, № 5, с. 354.
10. ТАТИЩЕВ С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. 2 изд. СПб. 1911, с. 310.

11. Из записок сенатора К. Н. Лебедева.— Русский архив, 1911. кн. 3, с. 62; Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого.— Русский архив, 1885. Кн. 2, с. 36—37.
12. ФЕОКТИСТОВ Е. М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). М. 1991, с. 321; Отдел рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ) (Пушкинский Дом), ш. 9123, ЛП Б15, тетр. 4, л. 8об.; ИОРДАНСКИЙ И. Конституционное движение 60-х годов. СПб. 1906, с. 145.
13. ПИРУМОВА Н. М. Земское либеральное движение (социальные корни и эволюция до начала XX века). М. 1977, с. 30; ТВАРДОВСКАЯ В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М. 1978, с. 30; ее же Царствование Александра II.— Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000, с. 305; ИВАНОВА Г. П. Петр Александрович Валуев (исторический портрет). Воронеж. 1994, с. 9; ЭЙМОНТОВА Р. Г. В новом обличии (1825—1855).— Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000, с. 182; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма (с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.). Л. 1978, с. 29; Гросул В. Я. В эпоху реформы 1861 года (1856—1866).— Русский консерватизм XIX столетия, с. 216; ЗАХАРОВА Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М. 1968, с. 60.
14. ВОЛК С. С. Народная воля (1879—1882). М. 1966, с. 118; БАЛУЕВ Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М. 1971, с. 5; ЕРОШКИН Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983, с. 207; [ПОКРОВСКИЙ М. Н.] Общая политика правительства 1866—1892 гг.— История России в XIX веке. Т. 5, с. 26.
15. ТРОИЦКИЙ Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М. 1997, с. 237; ХЕЙФЕЦ М. И. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х гг. XIX в.). Кризис правительственной политики. М. 1963, с. 68.
16. СЕКИРИНСКИЙ С. С., ШЕЛОХАЕВ В. В. Либерализм в России. М. 1995, с. 76; Русский биографический словарь. Т. 3. А. Нью-Йорк. 1991, с. 51.
17. ГАРМИЗА В. В. Подготовка земской реформы 1864 года. М. 1957, с. 136.
18. Исторический архив, 1958, № 1, с. 141.
19. ВАЛУЕВ П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. (1861—1864). М. 1961, с. 234.
20. Там же, с. 219, 261.
21. КИЗЕВЕТТЕР А. А. История России XIX в. Ч. 1. М. 1909, с. 36—37.
22. РИМСКИЙ С. В. Церковная реформа 60—70-х годов XIX в.— Отечественная история, 1995, № 2, с. 171.
23. Православное оборудование, 1886, июль, с. 155.
24. ГОЛОВНИН А. В. Записки для немногих.— Вопросы истории, 1997, № 9, с. 126.
25. КОРНИЛОВ А. А. Общественное движение при Александре II (1855—1881).— Исторические очерки. СПб. 1909, с. 186.
26. ЭНГЕЛЬГАРД А. Н. Цензура в эпоху великих реформ (1855—1875).— Исторический вестник, 1902, № 1, с. 593.
27. ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 559, д. 24, л. 11.
28. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Биографический очерк.— Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. (1861—1864). М. 1961, с. 37.
29. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 133.
30. ВЕНЮКОВ М. И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора (1855—1878). Т. 4. вып. 2. Прага. 1880, с. 25.
31. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. 1971, с. 81.
32. ТАТИЩЕВ С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1903. с. 406; МИЛЮТИН Д. А. Дневник. Т. 1. (1873—1875). М. 1947, с. 113; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. (1887—1892). М. 1966, с. 460; ДЖАНШИЕВ Г. А. Эпоха великих реформ. СПб. 1907, с. 322, 328, 356, 381; СКАЛЬКОВСКИЙ К. А. В приемной.— Там и сям. Заметки и воспоминания. СПб. 1901, с. 186; РОЗЕН А. Е. Записки декабриста. СПб. 1881, с. 390; ТИТОВ А. А. Реформы Александра II и их судьба (в общедоступном изложении). М. 1910, с. 65.
33. МЕЩЕРСКИЙ В. П. Ук. соч., с. 130.
34. ДОЛГОРУКОВ П. В. Петербургские очерки (памфлеты эмигранта) 1860—1867 гг. М. 1992, с. 294.
35. МУРАВЬЕВ М. Н. Записка об управлении Северо-западным краем и об усмирении в нем мятежа 1864 и 1865 гг.— Русская старина, 1882. Т. 37, № 1, с. 144—145.
36. НИКИТЕНКО А. В. Дневник. Т. 3. (1866—1877). М. 1956, с. 61.

37. Колокол, 1867, 1 марта, № 235; СТРЕМОУХОВ П. Д. Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев (из моих воспоминаний).— Русская старина, 1901, № 4, с. 357; Митрополит Московский Филарет о назначении духовных лиц в Государственный совет.— Русский архив, 1904, кн. 1, с. 365; Письма Победоносцева Александру III, Т. 1. М. 1925, с. 208.
38. ВАЛУЕВ П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. (1865—1876). М. 1961, с. 27.
39. Современная Россия (очерки нашей государственной и общественной жизни). СПб. 1889, с. 51.
40. НИКИТЕНКО А. В. Ук. соч., с. 290.
41. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 119; ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 317; ТРОИЦКИЙ Н. А. Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма 1868—1882). М. 1978, с. 55.
42. КАВЕЛИН К. Д. Чем нам быть? — Собр. соч. Т. 2. СПб. 1898, с. 875.
43. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 317.
44. ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М. 1972, с. 33.
45. ТРОИЦКИЙ Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула. 2000, с. 268; КАТКОВ М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1883). М. 1898, с. 170; ВАЛУЕВ П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг. 1919, с. 33.
46. ТРОИЦКИЙ Н. А. Царские суды против революционной России (политические процессы 1871—1880). Саратов. 1976, с. 87.
47. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 38.
48. Русский государственный исторический архив (РГИА), ф. 908, оп. 1, д. 170, л. 3.
49. РГИА, ф. 398, оп. 59, д. 18566, л. 1; ф. 570, оп. II, д. 493, л. 1; оп. II, д. 674, л. 1.
50. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 51.
51. Цит. по: ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А. П. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 146.
52. ТРОИЦКИЙ Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880—1894). 2 изд. Саратов. 1983, с. 94.
53. ТРОИЦКИЙ Н. А. Безумство храбрых, с. 176.
54. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч., с. 160—161.
55. ПЕРЕТЦ Е. А. Дневник (1880—1883). М.; Л. 1927, с. 86.
56. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 677, оп. 1, д. 503, л. 6; ОР РГБ, ф. 126, к. 9, л. 34.
57. РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 372, л. 34.
58. ОР РНБ, ф. 126, д. 13, л. 10.
59. МИХНЕВИЧ М. О. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб. 1884, с. 31.
60. КОНИ А. Ф. Из лет юности и старости.— Собр. соч.: Т. 7. М. 1969, с. 120; ОР РНБ, ф. 126, д. 13, л. 12; л. 85, об. 94. об.
61. ВАЛУЕВ П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. (1865—1876). М. 1961, с. 336.

А. С. Велидов. На пути к террору

Публикуемая статья написана доктором исторических наук профессором Алексеем Сергеевичем Велидовым (1928—1997). Тематика его исследований была чрезвычайно широка: революция 1917 г., судьбы русской нации, восстановление народного хозяйства после гражданской войны, белое движение.

Постепенно его научные интересы сосредоточиваются на проблемах истории ВЧК. Итогом многолетних исследований Велидова по истории ВЧК явилась монография «Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК в 1917—1920 гг.», изданная в 1970 году. Некоторые его работы по истории ВЧК были переведены на немецкий и английский языки.

Уже после смерти Велидова вышла в свет в 1998 г. его книга «Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина».

Большое внимание уделял Велидов публикации источников. Итогом этой работы стало монументальное издание «Красная книга ВЧК» в двух томах (М. 1989). Им были опубликованы важные материалы из архивов КГБ: об аресте С. А. Есенина в 1920 г., о высылке известного русского философа Н. А. Бердяева, проект экономического преобразования России, написанный в 1919 г. крупными экономистами Л. Б. Кафенгаузом и Я. М. Букшпаном.

В последние годы жизни Велидова привлекла также история создания и становления пограничной охраны в 1917—1939 годах.

Одновременно он продолжал заниматься историей органов государственной безопасности, приступив к написанию монографии о зарождении и развитии системы большевистского террора. Публикуемая ниже в сокращенном варианте статья Велидова представляет собой начало задуманного им исследования. Публикацию подготовила к печати И. В. ЧУРКИНА.

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Одним из важнейших постулатов марксизма является положение о необходимости подавления сопротивления свергнутых эксплуататоров в переходный от капитализма к социализму период. «...Покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический,— писал К. Маркс,— покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры насилия, стало быть правительственные меры...»¹. Такой же точки зрения на необходимость революционного насилия придерживался и Ф. Энгельс. Он отмечал, что революция — самое авторитарное явление; в ходе ее одна часть населения навязывает свою волю другой его части посредством ружей, штыков и пушек.

Блестящий пример применения революционного террора с целью подавления сопротивления врагов революции и их устрашения К. Маркс и Ф. Энгельс видели в якобинском терроре. Якобинский террор, писал Маркс, послужил тому, «чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции». Французский терроризм он называл не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством².

Подчеркивая значение якобинского террора как эффективного метода защиты революции, К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли критике парижских коммунаров, которые, в противоположность революционерам XVIII века, проявили чрезмерное великодушие к своим врагам, были слишком «совестливы» в отношении к ним³.

Русские революционеры-демократы также рассматривали якобинский террор как исторически оправданный метод борьбы с абсолютизмом, как чуть ли не единственное средство утверждения нового, справедливого общества. В начале 40-х годов В. Г. Белинский писал, что «...тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»⁴. К террору призывали народ и революционеры 60-х годов. В 1860 году в герценовском «Колоколе» было опубликовано письмо «русского человека» (авторство его приписывается Н. Г. Чернышевскому), в котором говорилось: «Наше положение невыносимо и только топор может нас избавить и ничто, кроме топора, не поможет. Перемените тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат. К топору зовите Русь!»

Еще более обнаженно идея террора пронизывает прокламацию группы «Молодая Россия», возглавляемой П. Г. Зайчневским. Эта прокламация была опубликована в мае 1862 года. В ней говорилось: «...мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года. Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 1790-х годах... Помни, кто тогда будет не с нами, тот будет против; кто против — наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»⁵.

Позже Зайчневский возглавил организацию («партию») «русских якобинцев-бланкистов». С его смертью в 1896 году русское якобинство умерло, чтобы снова вскоре воскреснуть в новом виде в леворадикальном крыле российского марксизма — в большевизме. Некоторые из русских якобин-

цев-бланкистов вступили потом в партию большевиков (С. И. Мицкевич, А. И. Романова, Л. Г. Романов, В. П. Арцыбушев, А. И. Орлов, М. П. Яснева (Голубева). Последняя в 1891 году была сослана в Самару. Она часто бывала в семье Ульяновых, где и познакомилась с их сыном Владимиром.

В первый же день знакомства Владимир Ульянов узнал от Ясневой, что она выслана по делу якобинцев-бланкистов и сама является якобинкой. Как вспоминала позже революционерка, он «очень заинтересовался этим обстоятельством и, по-видимому, взял меня как объект для изучения... Я, конечно, решила, что буду обращать его в якобинскую веру, попробовала за это приняться, но скоро убедилась, что это более чем трудно...»⁶.

Ясневой, хотя она была намного старше Владимира Ульянова и имела уже большой опыт революционной деятельности, не удалось обратить юношу в народническую («якобинскую») веру. Но несомненно, беседы с ней не прошли бесследно для формирования отношения Ленина к якобинскому террору и террору вообще как методу революционной борьбы.

Ленин, основываясь на положениях Маркса и Энгельса, а также на анализе опыта революционного движения в Европе и в России, высказывал глубокое убеждение в необходимости применения пролетариатом насилия не только для свержения буржуазии, но и уничтожения всякой возможности сопротивления с ее стороны⁷. Условием победы революции в России он считал создание диктатуры, опирающейся «не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на насилие»⁸. Ленин не раз повторял слова Энгельса о том, что пролетариат нуждается в государстве «не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников»⁹.

Признавая необходимость применения насилия, как неперемennого условия победы революции, Ленин считал принципиально допустимым и его наиболее острую форму — террор. Он высоко оценивал террор якобинцев. Он писал, что Великая французская революция прославила себя «настоящим, всенародным, действительно обновляющим страну террором»¹⁰. Напоминая слова Маркса о французском терроризме как «плебейском способе» разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией, он заявлял, что и российские социал-демократы предпочтут поступить с самодержавием таким же образом¹¹.

Накануне Октября Ленин полагал, что в условиях распространения демократии на подавляющее большинство населения начнет исчезать необходимость в особом органе для подавления противников революции. «Эксплуататоры, — писал он, — естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов...)»¹².

В первые недели после победы Октябрьского вооруженного восстания перед партией большевиков остро встала задача удержания завоеванной власти, и, соответственно, определения мер борьбы с противниками революции. А. Ф. Керенский уже утром 26 октября двинул на Петроград 3-ий конный корпус под командованием П. Н. Краснова. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Духонин издал воззвание, в котором потребовал от армии безусловного подчинения Временному правительству и грозил направить в Петроград верные ему войска. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель) отказался

признать Совет Народных Комиссаров и, угрожая остановкой транспорта, потребовал создания «однородного социалистического правительства». В столице подняли мятеж юнкера. На Дону отказалось признать советскую власть Донское войсковое правительство во главе с атаманом А. М. Калединым. Оно начало разгром Советов. Ожесточенные бои с контрреволюцией шли в Москве. Гражданская война становилась реальностью.

С первых дней Октябрьской революции на стороне контрреволюции выступила буржуазная и эсеро-меньшевистская печать. Хлынул, по свидетельству Д. Рида, «бурный поток воззваний, афиш, расклеенных и разбрасываемых повсюду, газет, протестующих, проклинающих и пророчащих гибель»¹³. Газеты «Речь» («Новая речь»), «Утро России», «Дело народа», «Рабочая газета», «День» и многие другие опубликовали обращение Комитета спасения родины и революции с призывом: «Не признавайте власти насильников! Не исполняйте их распоряжений!» Эсеровское «Дело народа» призывало сплотиться, чтобы восстановить права Временного правительства, спасти республику пока не поздно. Большевистская газета «Друг народа» опубликовала статью Ст. Ивановича, который призывал покончить с «владычеством узурпаторов», начать братоубийственную резню против «нового самодержавия», «диктатуры Ленина». Газеты «Новая жизнь», «Народное дело», «Воля народа» требовали расправы над большевиками.

Серьезную угрозу революции создал саботаж чиновников государственных и муниципальных учреждений. Саботажники рассчитывали организацией голода вызвать недовольство населения против власти Советов.

1(14) ноября 1917 года ЦК РСДРП(б) обсуждал вопрос о текущем моменте. К этому времени был уже подавлен мятеж Керенского — Краснова, заканчивался разгром контрреволюционных сил в Москве, но еще продолжались переговоры с Викжелем о создании коалиционного социалистического правительства. В. И. Ленин предложил под «дипломатическим прикрытием» переговоров с Викжелем продолжать военные действия против мятежников в Москве и на Дону. Касаясь методов борьбы с саботирующей буржуазией, он говорил, что «Большевики... часто чересчур добродушны... мы должны применить силу»¹⁴.

Позицию Ленина поддержал Л. Д. Троцкий. Главный упор он сделал на необходимость применения вооруженного насилия против стоящих по ту сторону баррикад. «Нельзя, говорят, сидеть на штыках, но и без штыков нельзя,— доказывал он.— Нам нужен штык там, чтобы сидеть здесь... А ведь никто еще не знает, какие жестокие меры мы вынуждены будем проводить... Мы введем на деле диктатуру пролетариата. ...Всякая власть есть насилие, а не соглашение»¹⁵.

Таким образом, на заседании ЦК РСДРП(б) выявилась другая точка зрения, ставшая господствующей, официальной. Она состояла в том, что ради удержания власти не следует бояться гражданской войны, отказываться от применения насилия, в том числе и в его жестокой форме.

На следующий день после заседания ЦК РСДРП(б) газета «Известия ЦИК» 5 ноября 1917 года поместила статью «Террор и гражданская война». В ней разъяснялось, что обострение классовой борьбы и ее продолжение — гражданская война — неотвратимо приводят к решению вопросов силою оружия.

«Поэтому,— говорилось в газете,— странны, если не сказать более,

требования лиц, сидящих между двух стульев, о прекращении террора, о восстановлении гражданских свобод»¹⁶.

Спор о допустимости террора велся в эти дни в теоретической форме. Большевики пока не прибегали к этой мере борьбы. О том, что они в будущем вынуждены будут проводить ее, прямо пока не говорили.

Ленин в публичных выступлениях продолжал заявлять, что партия большевиков, Советская власть не осуществляют террора и не намерены его применять. 4(17) ноября 1917 года на заседании Петроградского Совета он говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила»¹⁷.

В первых числах ноября положение Советской власти в Петрограде и в Москве несколько стабилизировалось.

Советская власть приняла решительные меры по борьбе с антисоветской печатью. Уже 26—27 октября Петроградский ВРК закрыл ряд буржуазных и мелкобуржуазных газет — «День», «Новое время», «Русская воля», «Биржевые ведомости», «Народная правда», «Голос солдата». Военно-революционный комитет принял резолюцию о временном закрытии всех буржуазных газет и запрещении под угрозой реквизиции типографий печатания контрреволюционных листков. Были произведены аресты редакторов и ответственных сотрудников некоторых буржуазных газет.

27 октября Совет Народных Комиссаров издал декрет о печати. В нем отмечалось: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, когда оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы...».

В декрете говорилось, что закрытию подлежат лишь органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению правительству, сеющие смуту путем клеветнического извращения фактов и призывающие к деяниям явно преступного, то есть уголовно наказуемого характера¹⁸.

4(17) ноября на заседании ВЦИК Ю. Ларин, бывший меньшевик, незадолго до Октября вступивший в большевистскую партию, внес предложение отменить декрет о печати. Он расценил его как проявление «политического террора». Ларин считал необходимым отказаться не только от подавления буржуазной печати, но и от «всех остальных стеснений, применяемых революционной властью, — арестов, обысков и тому подобного»¹⁹.

Левый эсер П. П. Прошьян напомнил, что лозунг свободы печати всегда был «боевым пунктом программы всех социалистических партий» и поэтому нельзя отказываться от этого программно-требуемого²⁰.

Обоснование декрета Совнаркома дал в своей речи В. А. Ованесов. Он заявил, что вопрос о свободе печати зависит от общей политической обстановки в России, что война с противниками революции продолжается, что нельзя перейти к «нормальному порядку жизни», поэтому Советская власть не может выпустить из своих рук такое могучее средство борьбы, как печать²¹.

В защиту декрета о печати выступил также и Ленин. «Как же мы прекратим меры преследования против врага, который не прекратил

враждебных действий? — говорил он. — ...Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом...»²².

Большинством голосов ВЦИК принял резолюцию о печати, в которой поддержал Совет Народных Комиссаров в этом вопросе. «Возвращение так называемой „свободы печати“, — говорилось в резолюции, — т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции и, т. е. мерой безусловно контрреволюционного характера»²³.

Запрещение антисоветской прессы в условиях развертывавшейся гражданской войны с точки зрения развития революции и ее защиты было мерой неизбежной. Эта мера вводилась как временная, до установления в стране «нормального» порядка. Однако по времени она охватила период свыше семи десятилетий... Уничтожение правящей партией свободы печати заглушало голоса не только активных противников нового режима, но и политических оппонентов, имевших иную, отличную от большевистской, точку зрения на характер и перспективы развития революции. Несомненно, что эта мера в известной степени объективно прокладывала путь к будущему террору.

В конце октября — первой половине ноября был принят ряд мер по борьбе с саботажем государственных служащих. ВРК арестовал несколько крупных чиновников.

Особую опасность представлял саботаж служащих продовольственных органов. В условиях голода резко усилилась спекуляция продуктами питания. 10 ноября Совет Народных Комиссаров дал предписание Петроградскому ВРК: «принять самые решительные меры к искоренению спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр. Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта, впредь до предания военно-революционному суду»²⁴. Предписание СНК было подписано Лениным.

Петроградский ВРК в тот же день принял обращение «Всем истинным гражданам», в котором объявил спекулянтов врагами народа. «В преследовании спекулянтов и мародеров, — говорилось в обращении, — Военно-революционный комитет будет беспощаден»²⁵.

Петроградская городская дума, в которой преобладали эсеры, меньшевики и кадеты, осуществляла руководство саботажем в муниципальных учреждениях столицы. 15 ноября Совет Народных Комиссаров принял постановление о ее роспуске.

Однако дума продолжала свою работу. 20 ноября она собралась на очередное заседание. Военно-революционный комитет направил отряд красногвардейцев и матросов с заданием занять помещение думы. Под угрозой ареста гласные покинул зал.

Не прекращающиеся происки противников Советской власти внутри страны диктовали необходимость создания специальных органов защиты революции. В первые недели после победы Октябрьского вооруженного восстания задачу подавления сопротивления свергнутых классов осуществлял Петроградский Военно-революционный комитет. Он представлял собой временный чрезвычайный орган с необычайно широкими функциями.

По мере образования нового государственного аппарата функции ВРК переходили к различным наркоматам.

22 ноября 1917 года Совнарком принял декрет о суде. Он предусматривал образование наряду с местными судами революционных трибуналов. На них возлагалась задача ограждения революции и ее завоеваний от посягательств контрреволюционных сил, а также рассмотрения дел о мародерстве, хищениях, саботаже. Рассмотрению ревтрибуналами подлежали дела об организаторах восстаний против Советской власти, о лицах, активно противодействующих правительству или не подчинявшихся ему, а также призывающих к противодействию и неподчинению. Кроме того, ревтрибуналам были подсудны дела о саботаже, сокрытии или уничтожении документов, о прекращении или сокращении производства товаров массового потребления без действительной к тому необходимости, о злоупотреблении служебным положением, преступлениях путем использования печати и некоторые другие.

Ревтрибуналы при вынесении приговоров о мере наказания руководствовались «велением революционной совести».

18 декабря 1917 года Народный комиссариат юстиции принял постановление о создании при Петроградском ревтрибунале Революционного трибунала печати. Его ведению подлежали преступления и проступки, совершаемые путем использования печати. К ним относились «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа». Ревтрибунал имел право назначать в качестве мер наказания денежный штраф, общественное порицание, опровержение ложных сведений, временное приостановление издания или изъятие его из обращения, конфискацию в общенародную собственность типографии или имущества издательства или органа печати. В постановлении отмечалось, что привлечение произведения печати к суду вовсе не исключает уголовной ответственности лиц, совершивших преступление при помощи печати²⁶.

Пока шел процесс образования первых ревтрибуналов обстановка в Петрограде снова обострилась. Во второй половине ноября — начале декабря 1917 г. столицу захлестнула волна пьяных погромов. Несознательные, политически отсталые элементы из рабочих и солдат и присоединившиеся к ним уголовные элементы разбивали и грабили винные склады, магазины, лавки, аптеки.

Совет Народных Комиссаров, Военно-революционный комитет и командующий Петроградским военным округом назначили специального комиссара по борьбе с пьянством. Сначала им был И. Быдзин, затем И. Балашев. Комиссару вменялось в обязанность уничтожать винные склады, разгонять пьяные толпы, арестовывать нарушителей революционного порядка. Для несения дозорной службы на улицах города были выделены броневики и патрули, 2 декабря Петроградский Совет назначил чрезвычайным военным комиссаром столицы Г. И. Благодравова. В его распоряжение были выделены военные силы. Все Советы, все части гарнизона и отряды Красной гвардии обязывались оказывать ему содействие. Совет уполномочил исполком ввести в городе, если это будет необходимо, военное положение.

Возглавляемый Благодравовым аппарат был вскоре преобразован в Комитет по борьбе с погромами и передан в подчинение ВЦИК. В его

руководство ввели В. Д. Бонч-Бруевича. Новый орган имел в своем штате комиссаров, следователей, в его распоряжение выделялась военная сила.

В ночь с 5 на 6 декабря винные погромы и грабежи квартир приняли особенно широкие масштабы. На Ивановской улице воинский наряд задержал двух неизвестных, раздававших в толпе прокламации и воззвания. Они начинались с девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и обращения «Товарищ!», а заканчивались призывом к борьбе против империализма и его лакеев, здравницей в честь рабочей революции и всемирного пролетариата. Однако содержание листовок было контрреволюционным. В них говорилось о засилье в Совнарком и Главном штабе германских агентов и генералов, население призывалось к борьбе с большевистскими насильниками.

Арестованных доставили в следственную комиссию Комитета по борьбе с погромами («75-я комната Смольного»). Один из них оказался сотрудником закрытой буржуазной газеты «Новая Русь», а другой — его племянником. Они сообщили Бонч-Бруевичу, что распространяли листовки по указанию какой-то организации, назвали адреса. Когда комиссары Комитета прибыли по первому адресу, то на квартире приват-доцента Петербургского университета А. А. Громова нашли 20 тысяч листовок ²⁷.

Комитет по борьбе с погромами ввел в столице осадное положение. Были запрещены всякие собрания, митинги, сборища на улицах и площадях. В объявлении о введении осадного положения говорилось, что попытки разгрома винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов и частных квартир будут пресекаться пулеметным огнем без всякого предупреждения. «Виновные в раздаче, продаже или приобретении спиртных напитков, в участии в сборищах и т. п., — гласило объявление, — будут немедленно арестованы и подвергнутся самому тяжкому наказанию» ²⁸.

После введения в Петрограде осадного положения волна пьяных погромов пошла на спад. Деятельность Комитета по борьбе с погромами, который все чаще стал называться «Следственной комиссией Бонч-Бруевич», сконцентрировалась на борьбе с контрреволюцией.

Конец ноября — начало декабря 1917 года знаменовались обострением политической обстановки. На 28 ноября предполагалось открытие Учредительного собрания. Был образован «Союз защиты Учредительного собрания». В него вошли представители различных общественных организаций, партий эсеров, меньшевиков, энесов...

Эсеры и меньшевики вместе с кадетами провели совещания, на которых обсуждался вопрос об открытии Учредительного собрания. Предполагалось отстранить Совнарком от участия в этом акте. Намечался состав нового правительства во главе с В. М. Черновым или Н. Д. Авксентьевым без большевиков и без цензовых элементов.

Таким образом под лозунгом Учредительного собрания враги революции готовили заговор против Советской власти. 28 ноября они организовали антисоветскую демонстрацию и предприняли попытку проникнуть в Таврический дворец, чтобы явочным порядком открыть Учредительное собрание.

Организатором контрреволюционных сил выступила партия кадетов. 28 ноября поздно вечером Совет Народных Комиссаров утвердил написанный Лениным декрет об аресте лидеров гражданской войны против революции. Партия кадетов объявлялась партией врагов народа. Члены ее руково-

дящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. Совнарком возложил на местные Советы обязанность установить надзор за кадетской партией ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной²⁹. 29 ноября на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) декрет был одобрен.

Через день декрет Совнаркома обсуждался на заседании ВЦИК. Против него возражали не только правые эсеры и меньшевики, но и ближайшие союзники большевиков — левые эсеры. Штейнберг, признавая необходимость арестов отдельных членов кадетской партии, считал недопустимым объявлять врагом народа партию в целом.

С защитой декрета выступил Ленин. Обосновывая необходимость принятия декрета, он говорил: «Кадетский центральный комитет — это политический штаб класса буржуазии». Кадеты, доказывая Ленин, прикрываясь формально-демократическим лозунгом, лозунгом Учредительного собрания, на деле развязывают гражданскую войну³⁰.

150 голосами против 98 ВЦИК принял резолюцию, одобряющую декрет Совнаркома. Объявление кадетов партией врагов народа было еще одной ступенькой к будущему красному террору.

В связи с приближением срока предполагаемого открытия Учредительного собрания еще более широкий размах принял саботаж государственных и муниципальных служащих. Наркомам внутренних дел, иностранных дел, земледелия, руководителям военного ведомства СНК давались задания произвести аресты саботирующих крупных чиновников и генералов. 19 ноября Совнарком обязал все наркоматы произвести чистку своих учреждений от контрреволюционных элементов³¹. Однако эти меры не давали должного эффекта.

Одним из центров саботажников был «Союз союзов служащих государственных учреждений», действовавший в контакте с «Комитетом спасения революции» и подпольным Временным правительством. Другим центром являлся «Совет депутатов трудовой интеллигенции», который объединял и координировал работу союзов врачей, учителей, инженеров, работников сельского хозяйства. Министры бывшего Временного правительства сумели получить из Государственного банка 40 миллионов рублей. Они использовались для финансирования бастующих чиновников. Кроме того, щедрую денежную помощь оказывали им крупная петрозаводская фирма Эрикссон, акционерные общества соединенных кабельных заводов и Симменс-Шуккерт, торговый дом Ивана Стахеева, ряд банков. Из этих сумм саботажники получили жалование за 3 месяца вперед.

Особенно большую опасность представлял саботаж служащих Государственного банка, почтово-телеграфного ведомства и продовольственных учреждений. 18 ноября 1917 года в Петрограде был созван Всероссийский продовольственный съезд. Он принял решение прекратить доставку в столицу продуктов питания, а уже ранее заготовленный хлеб передать в распоряжение власти, которая будет избрана Учредительным собранием. ЦК профсоюза почтово-телеграфных служащих предъявил СНК ультиматум: угрожая забастовкой, он потребовал, чтобы все работники ведомства были ответственны только перед профсоюзом. «Союз союзов служащих государственных учреждений» принял решение объявить в середине декабря общероссийскую политическую забастовку, которая могла парализовать всю систему государственного управления.

Из-за забастовки финансовых служащих на ряде предприятий столицы не выдавалось жалование рабочим. В безвыходном положении оказались лишенные пенсий и пособий вдовы, сироты, старики. Остались без средств к существованию 80 тысяч солдат и офицеров, находившихся в отпуске по ранению. Особое совещание по топливу приостановило распределение угля, нефти, дров, из-за чего прекратилось производство на некоторых заводах и фабриках, остались без отопления многие жилые дома и учреждения.

6 декабря В. Д. Бонч-Бруевич доложил Ленину об обстановке в Петрограде, об участии контрреволюции в организации пьяных погромов, о подготовке общероссийской забастовки. Позже он вспоминал: «Владимир Ильич нахмурился, поднялся, нервно прошелся по кабинету и воскликнул:

— Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который обуздал бы расходившуюся контрреволюцию?»³².

Вечером того же дня Совет Народных Комиссаров рассмотрел вопрос об ультиматуме ЦК профсоюза почтово-телеграфных служащих. Он поручил наркому почт и телеграфов Н. П. Глебову, его заместителю А. В. Шотману и наркому по военным делам Н. И. Подвойскому всесторонне выяснить условия борьбы с контрреволюционными почтовиками и принять предупредительные меры на случай забастовки³³. На этом же заседании Совнарком обсудил вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». В постановлении, принятом по этому вопросу, говорилось:

«Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа.

К завтрашнему заседанию представить списки членов этой комиссии и меры борьбы с саботажем»³⁴.

Наркому внутренних дел Г. И. Петровскому было поручено передать это постановление своему заместителю Дзержинскому.

7 декабря Ленин направил Дзержинскому записку с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками.

В. И. Ленин наметил в записке конкретные меры борьбы с саботажниками, организаторами голода и пьяных погромов. Он предлагал поставить на учет все лица, принадлежащие к богатым классам, а также служащих в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, подвергать саботажников тюремному заключению до 1 года или отправке на фронт, ввести трудовую повинность для имущих классов³⁵.

Днем 7 декабря Дзержинский пригласил войти в создаваемую комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем видных большевиков — В. К. Аверина, В. Н. Васильевского, Д. Г. Евсеева, Н. А. Жиделева, И. К. Ксенофонтова, Г. К. Орджоникидзе, Я. Х. Петерса, К. А. Петерсона, В. А. Грифонова. Вечером все они, кроме Жиделева и Васильевского, собрались в кабинете Я. М. Свердлова в Смольном. Собравшиеся решили назвать новый орган «Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем».

Предусматривалось образовать информационный и организационный отделы и отдел по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Организационный отдел должен был выпустить воззвание ко всем Советам и другим

революционным организациям с призывом усилить борьбу с контрреволюционными элементами.

После окончания организационного собрания ВЧК Дзержинский прибыл на заседание Совнаркома. Он доложил об организации и составе формируемой комиссии, ее основных задачах. Комиссия, говорил он, в первую очередь будет бороться с контрреволюционной печатью, антисоветской деятельностью кадетов и правых эсеров, саботажников и стачечников. Предполагаемые меры борьбы — конфискации, выдворение из столицы, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения. По докладу Дзержинского было принято постановление: «Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее»³⁶.

ВЧК была создана как временное учреждение для решения экстренных мер борьбы с контрреволюцией и саботажем. Ее полномочия были ограничены принятием мер пресечения и производством дознания. Лишь со временем она стала подлинно чрезвычайным органом пролетарской диктатуры, наделенным правом розыска и непосредственной расправы, орудием проведения красного террора.

В середине декабря в «Правде» были опубликованы написанные Лениным тезисы. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию», говорилось в тезисах, стал на деле лозунгом кадетов, калединцев и их пособников. Учредительное собрание, созываемое по спискам, составленным в период господства буржуазии, неминуемо приходит в противоречие с волей и интересами трудящихся. Интересы революции выше формальных прав Учредительного собрания. Оно должно безоговорочно заявить о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле. «Вне этих условий, — подчеркивалось в тезисах, — кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных мер со стороны Советской власти против кадетско-корниловской контрреволюции... Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции»³⁷.

Несмотря на это недвусмысленное заявление противники Советской власти все же рассчитывали, что созыв Учредительного собрания положит конец правлению большевиков. Такой же точки зрения придерживались и меньшевики-интернационалисты. В. Базаров, один из редакторов газеты «Новая жизнь», напечатал статью «Ультиматум Учредительному собранию», в которой выступил против опубликованных в «Правде» тезисов. Он доказывал, что Советы вовсе не органы государственной власти, а всего лишь органы государственной борьбы. «Большевистским главарям, — писал Базаров, — ...придется снять с себя красивые, но бутафорские тоги «народных комиссаров», из мнимых министров призрачной «республики Советов» превратиться в рядовых деятелей реальной российской республики»³⁸.

Газете «Новая жизнь» вторила газета «День». Она указывала, что столкновение Учредительного собрания и Советов неизбежно. «Смольный должен быть разоружен, обезвластен, а если он не подчинится приказам Таврического дворца, то и разрушен»³⁹. Эсеровское «Дело народа»

возлагало надежды на «более здоровые» Кавказ, Кубань, Украину, Дон, Сибирь, которые помогут Петрограду стать на ноги. «Опираясь на реальные силы, они дадут возможность создать реальную власть»⁴⁰.

Кадеты, эсеры и меньшевики решили предпринять все меры, чтобы обеспечить действенную поддержку Учредительному собранию, не допустить его разгона. «Союз защиты Учредительного собрания» начал организовывать в воинских частях, юнкерских училищах, солдатских университетах вооруженные отряды, которые должны были поддержать парламент. Одновременно предпринималась подготовка к наступлению на столицу контрреволюционных частей, находившихся вне Петрограда. Эсеро-меньшевистские члены ЦИК первого состава выпустили воззвание, в котором говорилось о неправомерности II Всероссийского съезда Советов и избранного им правительства. Они призывали рабочих и солдат стать «с оружием в руках на защиту народной власти, Учредительного собрания, долженствующего дать народу мир и закрепить революционные завоевания рабочего класса»⁴¹. Кроме того, ЦИК планировал созвать 8 января, в день открытия II Всероссийского съезда Советов, чрезвычайное совещание всех Советов и армейских комитетов, стоящих на почве защиты Учредительного собрания.

Противники революции в своем стремлении ослабить власть Советов не остановились даже перед индивидуальным террором. Еще в середине ноября эсеровский «Петроградский листок» угрожал прибегнуть к этому средству. Если большевики, писал он, насильно попытаются навязать свою волю Учредительному собранию, то это заставит их политических противников, в частности, партию эсеров, воскресить ее рыцарский период Каляевых, Балмашевых, Сазоновых и других борцов с насилием. Тогда же террористы направили народным комиссарам письма с требованием сложить обязанности и покинуть Петроград, а иначе их «уберут». На IV съезде партии эсеров Е. Ратнер и Балашов призывали всеми силами отстаивать Учредительное собрание, бороться за его созыв даже путем применения террора⁴².

От слов террористы перешли к делу. 1 января 1918 года они обстреляли на Симеоновском мосту автомашину, на которой В. И. Ленин, М. И. Ульянова и швейцарский социал-демократ Ф. Платтен возвращались с митинга в Михайловском манеже. Платтен успел пригнуть голову Ленина, пуля попала в его руку. Виновников покушения найти не удалось.

Через четыре дня было совершено покушение на члена ЦК РСДРП(б), комиссара Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания М. С. Урицкого. Террористы целились в голову. Пуля слегка задела ухо. Покушавшиеся скрылись с места преступления.

3 января, за день до открытия Учредительного собрания, ВЦИК принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Ее предполагалось представить на утверждение Учредительного собрания и затем положить в основу конституции Советской республики. Декларация провозглашала Россию республикой Советов. «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров,— говорилось в документе,— Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества»⁴³.

Было очевидно, что контрреволюционные силы, составлявшие большинство в Учредительном собрании предпримут все усилия к тому, чтобы

ликвидировать власть Советов. Поэтому ВЦИК в тот же день принял специальное постановление, в котором предупредил, что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»⁴⁴.

5 января 1918 года на первом заседании Учредительного собрания председатель ВЦИК Я. М. Свердлов огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил утвердить ее. Как и следовало ожидать, эсеры, меньшевики и кадеты отвергли это предложение.

После перерыва Ф. Ф. Раскольников от имени фракции большевиков огласил декларацию. В ней отмечалось, что контрреволюционное большинство Учредительного собрания выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению. «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, — говорилось в декларации большевиков, — мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»⁴⁵. Большевицкая фракция покинула зал заседаний. Через некоторое время из Таврического дворца ушли и левые эсеры — после того, как правая часть депутатов отказалась обсудить вопрос об отношении к мирной политике правительства.

В день открытия Учредительного собрания антисоветские партии и организации устроили в Петрограде демонстрацию в его поддержку. В ней приняли участие чиновники, студенты, рабочие некоторых заводов. Военный отдел «Союза защиты Учредительного собрания» привел в готовность офицерские группы, сформированные в некоторых частях гарнизона. ЦК партии эсеров обязал участвовать в демонстрации боевые партийные дружины. Петроградский совет и наркомат по военным делам в свою очередь приняли меры к поддержанию революционного порядка в столице. Они усилили охрану общественных зданий, стратегических объектов.

На рассвете 6 января начальник караула Таврического дворца матрос А. Железняков предложил присутствующим покинуть зал. Он действовал в соответствии с предписанием председателя Совнаркома солдатам и матросам, несущим там караульную службу: «не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов»⁴⁶.

Демонстрации в поддержку Учредительного собрания были также проведены в Москве и некоторых других городах. Дело не ограничилось демонстрациями. Каледин заявил о своем намерении вступить в Москву, чтобы покончить с властью Советов.

Депутаты Учредительного собрания, представители эсеров, меньшевиков, кадетов, других антисоветских партий, фактически выгнанные караулом из Таврического дворца, предполагали собраться на второе заседание в 5 часов вечера 6 января. Однако, когда они прибыли к Таврическому дворцу, караул их в здание не пустил.

В ночь на 7 января ВЦИК большинством голосов большевиков и левых эсеров принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

10—18 января 1918 года III Всероссийский съезд Советов, принявший «Декларацию трудящегося и эксплуатируемого народа», законодательно оформил новый государственный строй России. Шансы на развитие страны по пути парламентаризма исчезли.

Могли ли социалистические партии в России найти общий язык, достичь компромисса, и благодаря этому избежать дальнейшей эскалации гражданской войны, белого и красного террора?

Ответ на эти вопросы может быть только отрицательный. Слишком велики были противоречия между большевиками и левыми эсерами, с одной стороны, и правосоциалистическими партиями, с другой. Эти противоречия вытекали, прежде всего, из различного отношения к коренному вопросу революции — о власти. Большевики и левые эсеры полагали, что революция в России, Советская власть откроют путь к торжеству самого справедливого общественного строя, явятся прологом мировой социальной революции.

Правые эсеры и меньшевики были убеждены в обратном: в России нет объективных условий для перехода к социализму; власть Советов означает закрепление монопольного положения в управлении государством большевистской партии, установление ее диктатуры, уничтожение политических свобод, что неизбежно приведет к усилению гражданской войны, к политике террора. Наиболее благоприятную перспективу они видели в проведении в жизнь принципов буржуазной парламентской демократии.

Не менее глубокими были противоречия и по вопросам внешней политики.

Таким образом, идеологическая непримиримость, диаметрально противоположный подход к решению коренных вопросов общественной жизни и внешней политики государства сделали невозможным достижение компромисса между большевиками и правосоциалистическими партиями. Разумеется, обе стороны понимали, что дело идет к гражданской войне и террору.

Расширение масштабов деятельности контрреволюционных сил, обострение их сопротивления ставили большевиков перед необходимостью ужесточения карательной политики, применения суровых мер по отношению к противникам Советской власти и уголовным элементам. 28 ноября 1917 года Ленин в заметках «К лозунгам демонстрации» впервые ставит вопрос о необходимости революционного террора против саботажников. 7 (20) декабря «Правда» призвала к беспощадной расправе с кадетскими провокаторами, распространявшими клеветнические антисоветские воззвания среди пьяной толпы. В передовой статье «Заговорщики берегитесь!» она сообщала о подкупе контрреволюционерами погромщиков, о расстрелах матросов и красногвардейцев, посланных для борьбы с погромами. «Отныне подосланные кадетами громилы, — писала газета, — будут расстреливаться на месте».

С середины декабря в большевистской печати начали появляться статьи, постепенно подводившие читателей к возможности того, что Советская власть может прибегнуть к мерам революционного террора. 14 декабря 1917 года «Известия ЦИК» напечатали статью без подписи «Наши версальцы». Ее автор подверг критике газету «Дело народа», противопоставлявшую «благородный гений» Парижской коммуны большевистскому террору. Автор статьи напоминал, что так же писали о Коммуне версальцы. И не

такой уж «прилизанной» она была. Одним из первых актов Коммуны был расстрел двух генералов. Она ввела институт заложничества, пригрозив, что за каждого расстрелянного коммунара будет расстреливать трех версальцев. Незадолго до падения Коммуны она уничтожила часть заложников, расстреляла демонстрацию своих политических противников и т. д.⁴⁷

В конце декабря та же газета поместила статью «Кто применял террор?». Отвечая на обвинения большевиков в терроре т. е. мерах по борьбе с Калединым, арестах контрреволюционеров и саботажников, она справедливо отмечала, что это обвинение следовало бы раньше предъявить к правительству Керенского. Ведь именно оно ввело смертную казнь на фронте, расстрелы революционных солдат, арестовывало членов земельных комитетов, удушило рабочую прессу, решило в принципе ввести смертную казнь в тылу. Рабочие знают, писала газета, что на насилии нужно отвечать силой. «Революционная эпоха требует исключительных мер. Это понимали великие буржуазные революционеры конца 18 века во Франции. Это понимают и пролетарские революционеры в России»⁴⁸.

После покушения на В. И. Ленина газеты большевиков начали высказывать прямую угрозу применить красный террор по отношению к врагам революции. «Правда» в редакционной статье «Берегитесь!» писала:

«Если они будут пытаться истреблять рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии. ... За каждую нашу голову — сотня ваших!»⁴⁹.

Идея необходимости применения Советским государством мер террора в отношении врагов революции все чаще звучит в статьях и выступлениях Ленина. Правда, он пока не употребляет термина «террор», заменяя его словами «решительные меры» против помещиков, мародеров и их прислужников. Ленин настойчиво проводит мысль о необходимости установления не на словах, а на деле железной диктатуры. Он пишет в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое»: «Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми». Он указывает, что Советская власть, к сожалению, слишком слабо и не энергично применяет насилие против буржуазии, саботажников и контрреволюционеров, напоминает, что одной из причин гибели Парижской коммуны было то обстоятельство, что она недостаточно энергично пользовалась вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров⁵⁰.

В докладе о деятельности Совнаркома, с которым Ленин выступил на III Всероссийском съезде Советов, он еще раз обосновал необходимость применения революционного насилия. «Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием, — говорил он. — Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие!»⁵¹.

В конце 1917 года — начале 1918 года постепенно меняются взгляды Ленина и на вопрос о целесообразности применения Советским государством чрезвычайных мер репрессии. Если еще в середине ноября он заверял, что Советская власть не прибегнет к такому террору, какой проводили французские якобинцы, то теперь в заметках и статьях, не подлежавших публикации, приходит к мысли о необходимости расстрелов. Так, в заметках «Из дневника публициста» Ленин формулирует положение о введении

смертной казни и расстрелов по отношению к вора, расхитителям народного добра. В статье «Как организовать соревнование?» он предлагает в качестве одной из мер — расстрел⁵². Таким образом, в перечне предлагаемых мер наказания появился внесудебный расстрел на месте.

Через три недели Ленин уже публично говорит о необходимости применения расстрелов. В это время на одно из первых мест в жизни страны, кроме вопроса о заключении мира, встал продовольственный. В крупных городах начался голод. Во многих случаях голод усугублялся спекулянтами и саботажниками. 14 (27) января 1918 года Ленин, выступая на совещании президиума Петроградского Совета с представителями продовольственных организаций, заявил: «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... Кроме того, с грабителями также надо поступать решительно — расстреливать на месте»⁵³. Это предложение Ленин включил и в проект резолюции совещания. Он предлагал также указать в резолюции, что революционные отряды при составлении протокола о реквизиции, аресте или расстреле должны привлекать шесть понятых, выбираемых из беднейшего населения.

В тот же день Ленин пишет проект постановления Совнаркома о мерах по улучшению продовольственного положения. В проекте говорилось о беспощадной борьбе «со спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте». Предложенный Лениным проект постановления был принят Советом Народных Комиссаров⁵⁴. Это был, по существу, первый акт государственной власти, узаконивший внесудебную расправу над спекулянтами и саботажниками, т. е. практику террора.

Расстрел, как мера наказания, был вскоре закреплен известным декретом Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» Этот документ готовился и принимался в условиях резкого осложнения военнополитической обстановки. После отказа советской делегации, возглавляемой Троцким, подписывать мир на аннексионистских условиях, представители Германии на переговорах в Брест-Литовске заявили о прекращении перемирия. 18 февраля армии Германии и Австро-Венгрии перешли в наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. Уставшая от длительной войны старая русская армия не в состоянии была сдерживать напора вражеских войск. Возникла реальная угроза захвата немцами Петрограда. К тому же и в столице обстановка была крайне тревожной — контрреволюционные силы готовили удар изнутри. Резко усилился также уголовный бандитизм.

21 февраля Л. Д. Троцкий написал проект декрета «Социалистическое отечество в опасности!» Восьмой пункт декрета гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Такому же наказанию должны были подвергаться работоспособные «члены буржуазного класса, мужчины и женщины», сопротивляющиеся их направлению на рытье окопов⁵⁵.

При обсуждении проекта декрета Ленин предложил дополнить его пунктом о том, что все лица, имеющие оружие, должны получить разрешения от местного домового комитета и от одного из трех органов: профессионального союза, Совета или штаба Красной гвардии, по принадлежности. «Без двух разрешений, — писал он, — иметь оружие запрещено; за наруше-

ние этого правила — расстрел. Та же кара за сокрытие продовольственных запасов»⁵⁶.

По вопросу о введении расстрела как внесудебной меры наказания на заседании Совнаркома возникли разногласия. Левые эсеры настаивали на том, чтобы изъять из декрета пункты о расстреле. Совнарком голосами большевиков отклонил это предложение⁵⁷. Однако и дополнение, сделанное Лениным, не вошло в текст декрета.

Декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» был опубликован 22 февраля во многих газетах. Одновременно его издали большим тиражом в виде листовки. В ней не было слова «террор». Тем не менее введение Советским правительством расстрела без суда как меры наказания за наиболее опасные преступления фактически означало начало применения террора как средства устрашения противников революции.

23 февраля 1918 года ВЧК опубликовала объявление о том, что она, основываясь на декрете Совнаркома будет использовать такой метод борьбы как расстрел. Комиссия доводила до сведения граждан, что если она до сих пор была великодушна по отношению к врагам народа, то в данный момент ВЧК не будет знать пощады к противникам Советской власти. «...Все неприятельские агенты и шпионы, — говорилось в объявлении, — контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники в подготовке восстания для свержения Советской власти — все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска калединской и корниловской банды и польские контрреволюционные легионы, продавцы и скупщики оружия для отправки финляндской белой гвардии, калединско-корниловским и добор-мусницким войскам, для вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда будут беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте преступления»⁵⁸.

Хотя декрет «Социалистическое отечество в опасности!» и вводил расстрел на месте преступления как меру наказания, однако он до лета 1918 года в центральной России применялся редко. Факты массовых расстрелов имели место, главным образом, на юге республики — но эта жестокость обуславливалась ожесточением, связанным с боевыми действиями на фронтах гражданской войны, и ее допускали обе воюющие стороны. К политическим противникам Советской власти эта мера до лета 1918 года не применялась.

Всероссийская чрезвычайная комиссия первое постановление о расстреле вынесла в отношении «князя Эболи» (он же Далматов, Нанди, Маковский). Это был смелый и предприимчивый бандит, долгое время остававшийся неуловимым.

24 февраля 1918 года ВЧК постановила расстрелять «князя Эболи». Приговор был приведен в исполнение членами комиссии. Вслед за Эболи были застрелены красногвардейцами по дороге из ВЧК в тюрьму несколько бандитов, служащий Вышнепольский, получавший в казначействе деньги по подложным документам, и германский шпион В. К. Кайзер — «за попытку к бегству»⁵⁹.

Постановления Всероссийской чрезвычайной комиссии о смертной казни принимались обычно коллегиально. Правда, 25 февраля один из бандитов был расстрелян по единоличному распоряжению Дзержинского. Это стало предметом обсуждения ВЧК. На заседании 26 февраля она отметила, что ответственность за поступок несет один Дзержинский. «Впредь, —

говорилось в постановлении,— все решения вопросов о расстрелах решаются ВЧК, причем решения считаются положительными при половинном составе членов Комиссии, а не персонально, как это имело место при поступке Дзержинского». Комиссия единогласно выразила доверие своему председателю.

Однако на практике не всегда удавалось собрать половину членов ВЧК. 15 мая на экстренном заседании ВЧК рассмотрела вопрос о порядке вынесения наказания опасным преступникам. Было принято решение: «Образовать специальную комиссию в составе тт. Дзержинского, Евсева, Закса для точного установления виновности задерживаемых крупных преступников и бандитов с предоставлением права означенной комиссии в случае подтверждения их виновности немедленно предавать их расстрелу». ВЧК высказалась против практики единоличного распоряжения о расстрелах. «В случае, если при доставлении в Комиссию задержанных сразу выяснится их принадлежность к бандитам — немедленно подвергать расстрелу по постановлению особой комиссии. В случае отсутствия кого-либо из состава особой комиссии — предоставить право остальным ее членам приглашать для пополнения кого-либо из других членов Комиссии. В случае разногласий — передавать дело немедленно рассмотрению Комиссии или бюро».

Состав особой комиссии менялся. В нее в разное время входили кроме Дзержинского, Евсева, Закса также Петерс Лацис, Александрович — обязательно два большевика и один левый эсер. Каждый член комиссии имел право «вето». Решение считалось принятым, если не было ни одного голоса против. Левые эсеры в первое время не принимали участия в голосовании, но и не голосовали против расстрелов, давая возможность большевикам принимать решения о суровом наказании бандитов. Позже они нередко поддерживали предложения о расстреле опасных уголовных преступников. Однако когда вставал вопрос о таком же наказании политических противников-контрреволюционеров, участников антисоветских заговоров, левые эсеры, ссылаясь на директиву своего ЦК, неизменно выступали против, накладывали «вето». В Комиссии по этому поводу возникали ожесточенные споры между большевиками и их союзниками по правительственному блоку.

Таким образом, после принятия Совнаркомом декрета «Социалистическое отечество в опасности!» ВЧК стала применять меры террора в отношении отдельных категорий преступников. За четыре месяца — с конца февраля и до конца июня 1918 года она расстреляла по уточненным данным около 50 человек. Среди них — одного провокатора, одного шпиона, трех крупных спекулянтов. Четыре человека были расстреляны за незаконную продажу оружия и пьяный разгул, шестеро — за составление антисоветского воззвания в городе, объявленном на осадном положении. Большую же часть преступников — свыше тридцати человек ВЧК подвергла этой мере наказания за участие в вооруженных грабежах, подлоги, вымогательство, изготовление фальшивых денег, убийства. В то же время она не вынесла ни одного постановления о расстреле контрреволюционных заговорщиков, саботажников, членов антисоветских партий. И это несмотря на то, что враги Советской власти уже открыто встали на путь политического террора!

В первой половине 1918 года по-прежнему необычайной мягкостью отличались наказания, выносимые ревтрибуналами. В конце декабря

1917 г.— начале января 1918 г. Петроградский ревтрибунал рассмотрел дело об офицерско-юнкерской монархической организации, готовившей свержение Советской власти. Во главе ее стояли В. М. Пуришкевич, доктор В. П. Всеволожский, генерал Д. И. Аничков (последних не удалось арестовать), полковник Ф. В. Винберг, барон Н. Н. де Бодде (начальник штаба). При задержании Пуришкевича у него изъяли написанное им и де Бодде письмо к генералу Каледину, которое они не успели отправить. В письме сообщалось о формировании военной организации, о готовности ее к моменту подхода войск Каледина к Петрограду ударить в тылу всеми наличными силами. «Политика уговоров и увещаний дала свои плоды,— писали Пуришкевич и де Бодде, — все порядочное затравлено, загнано и властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей...»⁶⁰.

В ходе судебного рассмотрения дела вскрылись факты участия членов организации в мятеже юнкеров, связь ее с «Комитетом спасения», планы захвата Смольного, некоторых кораблей Балтийского флота. В то же время многие из них не скрывали своих монархических убеждений. Так, полковник Винберг заявил, что он считает революционное движение опаснейшим врагом прочного установления государственных основ, «Я всю жизнь посвятил подавлению этого вредного для родины движения и нисколько в этом не раскаиваюсь... Во мне крепко и стойко чувство монархизма... Я враг революции и не верю в осуществление утопического социализма»⁶¹. Ревтрибунал вынес приговор: Пуришкевича подвергнуть принудительным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года работ с зачетом предварительного заключения — освободить. Такому же наказанию были подвергнуты барон де Бодде, полковник Винберг и содержатель конспиративной квартиры заговорщиков И. Д. Парфенов. Остальных трибунал осудил на заключение в тюрьму сроком от двух до девяти месяцев. Два юнкера по молодости были освобождены от наказания и в тот же день, 3 января, выпущены из тюрьмы. Через несколько дней вышли на свободу еще два участника монархической организации.

Осужденных руководителей поместили в «Кресты». В начале мая 1918 года все осужденные по делу о монархическом заговоре были освобождены.

Наиболее суровый приговор, который вынес Петроградский трибунал,— изоляция от общества, т. е. тюремное заключение на пять лет. К такому наказанию был приговорен в январе 1918 года агент царской охраны П. Деконский. Вскоре и его ввиду болезни легких освободили на поруки левого эсера Гомберга⁶².

Столь же мягкие приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях выносили и другие революционные трибуналы. Например, в Московский ревтрибунал с 21 декабря 1917 года по 1 июня 1918 года поступило 245 таких дел, из них было рассмотрено девять. По ним трибунал вынес четыре обвинительных приговора — в одном случае денежный штраф, в трех — тюремное заключение от 3 месяцев до 17 лет⁶³.

Саратовский ревтрибунал 18 марта 1918 года рассмотрел дело о Н. Ф. Мишукове-Аранском, одном из организаторов восстания солдат фронтовиков. Подсудимый обвинялся в агитации среди солдат к вооруженному выступлению против Советской власти. Трибунал вынес приговор: «гражданину Николаю Федоровичу Мишукову-Аранскому выразить строгое общественное порицание и лишить его активного и пассивного

избирательного права во все выборные общественные и рабочие организации на четыре месяца со дня приговора»⁶⁴.

К весне 1918 года Советская власть освободила из тюрьмы организаторов и активных участников саботажа, в том числе и арестованных по делу «Союза союзов служащих государственных учреждений». Получили свободу эсеры — руководители «Комитета спасения», организаторы восстания юнкеров. После разгрома калединщины выпустили из тюрем лидеров кадетской партии. Свое освобождение они использовали для усиления борьбы с Советской властью. Возобновилась работа Центрального комитета партии кадетов. По свидетельству одного из видных кадетских деятелей А. И. Астрова партия продолжала «жить напряженной жизнью». ЦК проводил «почти непрерывные заседания... где обсуждались проблемы обеспечения финансовой помощью и людскими резервами Добровольческой армии, а также формы борьбы в Советском тылу»⁶⁵.

В феврале — марте 1918 года по инициативе и при участии кадетов образовывается антисоветское объединение «Правый центр». Он включил в себя контрреволюционные организации, возникшие еще до октября 1917 г. — «Совет общественных деятелей», «Торгово-промышленный комитет» и «Союз земельных собственников». «Правый центр» выступал за восстановление в стране буржуазного строя, учреждение конституционной монархии. Другая часть кадетов вместе с народными социалистами, эсерами и правыми меньшевиками образовала «Союз возрождения», провозглашавший своей целью свержение Советской власти, установление директориальной формы управления страной, возобновление войны против Германии.

1 мая 1918 года Совет Комиссаров Петроградской трудовой коммуны обнародовал декрет «О смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния». Он постановил освободить от суда и следствия граждан, которые приговорены или могут быть приговорены к заключению в тюрьму на срок не свыше полгода, а осужденным на больший срок сократить срок его отбывания наполовину. Освобождались из мест заключения все лица, достигшие 70 лет, независимо от характера совершенного преступления. Параграф 3-й декрета гласил: «От наказания освобождаются все лица, осужденные за политические деяния»⁶⁶. В то же время под действие декрета не попадали граждане, осужденные за взятки и лихоимство, предатели, изменники и спекулянты.

На основании декрета об амнистии из тюрем Петрограда были освобождены почти все лица, арестованные ВЧК и затем осужденные трибуналом за политические преступления, в том числе и В. М. Пуришкевич.

Для характеристики карательной политики весны 1918 года весьма знаменательно также постановление Саратовского Совета относительно участников контрреволюционного восстания 15 мая. Лозунгами мятежников были: свержение власти большевиков, восстановление «народной власти».

В процессе расследования причин восстания большинство арестованных было освобождено. К 1 июня под стражей оставалось 18 человек — матросов-террористов. 3 июня Саратовская ЧК обратилась в исполком Совета с заявлением, в котором сообщала о своем решении продолжить следствие по делу 18 мятежников, а остальных 100 человек освободить из-под стражи, отправив их в местности, которые они выберут добровольно⁶⁷.

Если в столицах и некоторых крупных городах Центральной России в первой половине 1918 года меры террора носили ограниченный характер, притом они были направлены главным образом против уголовных элементов, то иначе обстояло дело на юге и востоке страны, в полосе военных действий. Там красный террор начинал принимать уже массовый характер, его жертвами становились представители буржуазных слоев населения и офицерства. Как правило он являлся ответом на террор каледицев, корниловцев и дутовцев.

Так в Евпатории, по воспоминаниям члена ревкома города В. Евлагина, в январе 1918 года прибывшие с фронта татарские кавалерийские части («эскадроны») противопоставили себя местной власти. На переговоры с ними отправился председатель ревкома Дмитрий Караев. Националисты схватили его и подвергли жестоким пыткам. 15 января после артиллерийского обстрела в город высадился десант из Севастополя. Матросы обнаружили изуродованный труп Караева. Комиссия, образованная для расследования дел арестованных по этому делу, освободила 50 человек. 40 человек, причастных к захвату власти и к убийству Караева, были расстреляны, а трупы их брошены в море⁶⁸.

Впрочем, имеется и другая версия расстрелов в Евпатории, данная «Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков» при главнокомандующем вооруженными силами на юге России А. И. Деникине. По сведениям этой комиссии в городе было арестовано красными свыше 800 человек, а убито и утоплено около 300⁶⁹.

Конечно, число расстрелов, о которых сообщает В. Евлагин в книге «Революция в Крыму», может быть преуменьшенным. Но и сведения деникинской комиссии нельзя принимать на веру. Несомненно, что подобное расследование было рассчитано на пропагандистский эффект, имело целью вызвать отвращение и ненависть к красноармейцам, предотвратить сдачу солдат и офицеров Добровольческой армии в плен. Но также, несомненно, что оно подтверждает сам факт проведения красного террора в отдельных местностях, даже если отбросить преувеличенно тенденциозное освещение его.

В конце января 1918 года в Киеве вспыхнуло восстание рабочих «Арсенала» и других заводов против Центральной рады. Оно было 22 января подавлено. В городе началась жестокая расправа над восставшими. Четыре дня продолжались аресты и расстрелы. Когда части Красной Армии вступили в город, негодование красноармейцев вылилось в массовые расстрелы буржуазии, офицеров, юнкеров и других сторонников Центральной рады.

Расстрелы без суда и следствия «социально-чуждых элементов» имели место в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года в Симферополе. Их инициатором был Ж. А. Миллер, избранный вскоре председателем Совнаркома Таврической республики. Он требовал проведения террора и в других городах Крыма. В Евпатории В. Евлагин предлагал ограничиться арестом фабрикантов и заводчиков, опечатанием их сейфов с целью последующей конфискации их денежных средств. Однако два члена ревкома разделяли точку зрения Миллера. В ночь на 2 марта они организовали в тайне от других советских работников аресты 30—40 «буржуев». Никто не знал, кто и куда увез этих людей. Второпях по ошибке вместе с «буржуями» арестовали и расстреляли начальника советской милиции и члена правления союза инвалидов. По требованию рабочих было начато расследование,

которое выявило организаторов и участников этой позорной и преступной акции ⁷⁰.

По данным деникинской «Особой комиссии», вероятно весьма завышенным, в январе — апреле 1918 года в Таганроге красные убили и расстреляли свыше ста человек, в Ялте — более двухсот. В феврале происходили массовые расстрелы в Ростове-на-Дону и Новочеркасске, в марте — в Екатеринодаре, в апреле — в станице Елизаветинской. В июне — июле подобная же картина наблюдалась в семи станицах Лабинского отдела (Кубань), где было застрелено и зарублено 816 казаков. По сведениям той же комиссии число жертв красного террора в Армавире составило тогда же 1342 человека ⁷¹. Разумеется, эти цифры уже невозможно проверить, по видимому они сильно преувеличены. Проведение красного террора в прифронтной полосе является фактом.

Расстрелы без суда и следствия жителей городов и станиц прифронтной полосы вызывали осуждение центральной власти, главным образом, потому, что в числе расстрелянных могли быть и лица, не совершившие контрреволюционных преступлений. В этом отношении характерно высказывание обвинителя Верховного трибунала при ВЦИК по поводу подобного рода действий, совершенных с санкции П. Е. Дыбенко. На судебном процессе, рассматривавшем в мае 1918 года дело о сдаче Дыбенко германским войскам Нарвы, Н. В. Крыленко в ответ на слова подсудимого, что его действия являются «красным террором» и совершены на основании декрета Совнаркома, заявил, что террор бывает разный. «Есть террор, вызываемый политической необходимостью, и террор ненужный — бессмысленно жестокого человека». Нельзя называть «красным террором», продолжал обвинитель, ничем не оправданные убийства, пятнающие революцию ⁷².

Немало жертв было и при подавлении вооруженных мятежей, вспыхивавших в тыловых городах, при пресечении беспорядков. Весной и в начале лета 1918 года республика переживала тяжелейший продовольственный кризис. На почве голода, разрухи, безработицы жители выходили на улицы, громили Советы, требовали упразднения хлебной монополии, улучшения снабжения продовольствием. Как правило, эти выступления готовились, организовывались и направлялись эсерами и меньшевиками. Голодные бунты имели место в Павловском Посаде, Нижнем Новгороде, Костроме, Рыбинске, Ярославле, Твери. В Самаре, Сызрани, Курске, Саратове, Царицыне, Моршанске, Мариуполе, Тамбове и многих других городах вспыхнули мятежи, в которых приняли участие солдаты гарнизонов. 10 мая 1918 года рабочие Березовского завода на Урале устроили собрание, на котором требовали отставки Совета и его исполкома. В ответ на это Совет объявил собрание незаконным и направил отряд красногвардейцев на разгон собрания. По распоряжению пьяного руководителя отряда, члена Совета, красногвардейцы дали без предупреждения несколько залпов по собравшимся. «Пятнадцать человек остались на месте убитыми... Судорожно корчились на земле тяжело раненные, а пьяный предводитель таких же пьяных красногвардейцев приказал ловить и арестовывать убежавших от расстрела рабочих».

Вечером того же дня Совет издал и расклеил по заводу постановление: «Ввиду открытого бунта, направленного на ниспровержение существующей Советской власти, с сего числа на приисках Березовского завода вводится военное положение... Лица, агитирующие против Советской власти, а также

задержанные после 7 часов вечера на улице, будут расстреливаться без всякого снисхождения»⁷³.

17—20 июня вспыхнуло контрреволюционное восстание в Тамбове. В нем приняли участие офицеры, черносотенные элементы, кулаки из близлежащих деревень. Мятежники разогнали Совет, арестовав его членов, расстреляли трех коммунистов, в их числе комиссара финансов, председателя горкома партии. Восстанием руководил «Военный комитет офицеров и солдат». Он выпустил воззвание: «Власть насильников и грабителей, — говорилось в нем, — разоривших Россию и предавших ее в руки немцев, пала. Организована новая честная, но и твердая власть»⁷⁴. Воззвание предупреждало, что всякое сопротивление Военному комитету и агитация против него будет караться смертной казнью. Красноармейцы и рабочие подавили мятеж, освободили из тюрьмы арестованных советских работников и коммунистов. Было расстреляно пятьдесят мятежников.

Жертвами, нередко с обеих сторон, сопровождалось подавление мятежей в Саратове, Ярославле, забастовок в Туле, Сормове. Эти жертвы, с одной стороны, являлись результатом крайне напряженной обстановки в отдельных городах, необходимостью любой ценой сохранить Советскую власть, с другой — последствием необдуманных и жестоких распоряжений фанатиков, проникших в эти органы власти.

Акты террора весной и летом 1918 года применялись и в отношении красноармейцев, отказывавшихся выполнять приказы командиров. Хотя смертная казнь в армии официально не была восстановлена, однако фактически в отдельных случаях она применялась. Так, в конце июня командующий Восточным фронтом левый эсер М. А. Муравьев распорядился расстрелять из пулеметов на казанской пристани около двухсот бойцов первого Советского добровольческого полка за невыполнение приказа о немедленном выступлении на фронт⁷⁵.

После принятия декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности!» начали выносить постановления о расстрелах контрреволюционеров некоторые местные чрезвычайные комиссии. Весной 1918 года первый смертный приговор вынесла Саратовская ЧК. Это было связано с убийством комиссара по делам печати (комиссарами назывались тогда заведующие отделами исполкома) члена исполкома Совета питерского рабочего П. Алексева. 26 марта он пришел с красногвардейцем опечатывать типографию Рабиновича, в которой размножалась в то время контрреволюционная листовка. Владелец типографии в упор выстрелил в Алексева. Красногвардеец вскинул винтовку, но сын Рабиновича бросился на него и сумел нанести ему рану. Убийце комиссара удалось скрыться. ЧК арестовала членов его семьи, в том числе его сына. 27 марта ЧК вынесла постановление расстрелять его за соучастие в убийстве комиссара и за попытку обезоружить караул.

На следующий день в местной газете было опубликовано сообщение о гибели комиссара по делам печати. «Нарастают в массах грозные элементы массового красного террора, — говорилось в нем, — враги переходят к белому террору. Это грань. Камни, брошенные вами, падут на ваши же головы. Берегитесь!»⁷⁶.

18 июня Казанская ЧК расстреляла двух активных участников монархической организации генерала И. И. Попова, имевшей связь с Добровольческой

армией. Организация, хранившая большое количество оружия, готовила вооруженное восстание в городе ⁷⁷.

Елецкая ЧК в ночь на 23 июня расстреляла шестерых участников антисоветского заговора ⁷⁸.

В первой половине 1918 года Советская власть продолжала принимать репрессивные меры против буржуазной и мелкобуржуазной печати. В период подготовки и заключения Брестского мира в газетах развернулась грязная клеветническая кампания против внешней политики Советского правительства. В марте 1918 года газета «Русские ведомости» опубликовала путевые заметки Б. В. Савинкова «Что они сделали с моей Россией». Он напоминал, что Ленин, Натансон и К приехали в Петроград через Берлин, что «даром ничего не дается» и что за услугу они заплатили разложением армии, обнажением фронта, «карахановским миром». Заметка заканчивалась выводом: «Большевики служили и служат немцам... Надо бороться с немцами и бороться с большевиками» ⁷⁹.

В мае буржуазные и мелкобуржуазные газеты распространяли клеветнические сведения о «посылке немецких отрядов в Москву» для охраны посольства, о германском ультиматуме с требованием отправить в Германию царскую семью, о намерении Японии оккупировать всю Сибирь. Эсеровская газета «Дело народа» опубликовала постановление VIII съезда ПСР, в котором говорилось о ликвидации большевистской власти как «очередной неотложной задаче всей демократии». В газетах много писалось о «зверствах и насилиях комиссаров», о повсеместных мятежах и бунтах. Все это имело цель посеять сомнение в прочности новой власти, вызвать панику среди населения, вызвать недовольство против Советов, правящей партии большевиков.

18 марта 1918 года на первом же заседании Совнаркома после переезда правительства в Москву рассматривался вопрос о закрытии буржуазной печати. Докладчик Я. М. Свердлов подверг резкой критике руководителей Московского Совета за то, что они не приняли нужных мер к пресечению провокационных действий буржуазных газет, от которых тянутся нити к подпольным центрам контрреволюции ⁸⁰. Совнарком принял постановление: «принять меры к немедленному закрытию буржуазных газет с преданием редакторов и издателей революционному суду и применением к ним самых суровых мер наказания. Поручить Комиссариату юстиции сведения о закрытых газетах помещать в правительственных газетах» ⁸¹.

Вопрос о борьбе с клеветнической кампанией, развязанной в антиправительственных газетах 9 мая 1918 года стал предметом обсуждения на заседании ВЦИК.

Через день Президиум ВЦИК вынес специальное постановление о закрытии газет, распространяющих клеветнические сведения. В нем говорилось: «Ввиду того, что во многих московских газетах появился ряд ложных и ни на чем не основанных сообщений, ввиду того, что ложные слухи направлены исключительно к тому, чтобы посеять среди населения панику и восстановить граждан против Советской власти, наконец, ввиду того, что подобные вздорные сообщения усиливают в других городах контрреволюцию — Президиум ВЦИК постановляет немедленно, впредь до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие ложные слухи и вздорные сообщения» ⁸².

16 мая Президиум ВЦИК снова вернулся к рассмотрению вопроса

о борьбе с контрреволюционной печатью. Он определил порядок закрытия газет. Предусматривалось, что решения Президиума ВЦИК о запрещении того или иного издания проводятся местными Советами.

Меры Советской власти по пресечению провокационно-клеветнической деятельности буржуазной и мелкобуржуазной прессы вызвали возмущение правых эсеров и меньшевиков. Они охарактеризовали их как удушение свободы печати, преследование за оппозиционную деятельность, как «произвол ЧК». В связи с этими контрбвинениями Известия ВЦИК опубликовали интервью с заведующим отделом печати ВЧК Я. Х. Петерсом. Он отметил, что ряд эсеро-меньшевистских газет давно уже ведут резко оппозиционную кампанию против Советской власти, однако ВЧК рассматривала это как идейную борьбу и считала невозможным преследовать их в административном порядке. «Мы признаем свободу идейной борьбы путем печатного слова, — заявил Петерс. — Но в последнее время оборонческая печать, уподобляясь бульварной прессе, отдала свои страницы для распространения среди населения лживых провокационных сведений». «Этот прием борьбы с Советской властью путем заведомых измышлений и тенденциозной клеветы, — сказал Петерс, — мы отнюдь не можем считать идейной борьбой. Мы будем изобличать эти приемы путем публичного открытого суда, но так как очевидно было, что до этого суда оборонческая печать будет продолжать свою кампанию лжи, сея панику, что она и делала... то нам не оставалось иного выхода, как прибегнуть к самым решительным мерам и закрыть газеты»⁸³.

По приговорам ревтрибунала печати в Петрограде в феврале — июне 1918 года было закрыто 20 газет, в том числе — «Новая речь», «Новое слово», «Русские ведомости», «Дело»; в Москве — 30 газет — «Родина», «Вечерняя жизнь», «Мысль», «Дело народа», «Труд», «Анархия», «Земля и воля» и другие. Примеру столиц следовали и провинциальные города — повсюду Советы запрещали выход буржуазных и мелкобуржуазных газет. Правда, издание многих из них возобновлялось под измененным названием, однако в целом удар, нанесенный по неправительственной прессе, оказался смертельным. Последние враждебные Советской власти газеты перестали выходить в сентябре 1918 года. По далеко не полным сведениям, собранным А. З. Окорочковым, с октября 1917 года по сентябрь 1918 года в РСФСР было закрыто 170 буржуазных и 166 мелкобуржуазных газет⁸⁴.

Запрещение газет, несомненно, было одной из мер террора по отношению к политическим противникам революции. Эта мера явилась неизбежным результатом развертывавшейся гражданской войны, и вряд ли можно осуждать большевиков за то, что они прибегли к ней. Не было в истории случаев, когда бы в условиях обычной или гражданской войны одна из сторон разрешала у себя свободную пропаганду взглядов своих врагов. В России после октября 1917 года не только буржуазные, но и почти все мелкобуржуазные партии вступили в прямую конфронтацию с правящей большевистской партией. Разногласия между ними носили не только идеологический характер, но и политический. Запрещение большевиками враждебной прессы создавало определенный барьер на пути идеологической обработки трудящихся, препятствовало провоцированию с помощью печати активных выступлений части населения против новой, еще не окрепшей власти. В то же время Советское государство не препятствовало изданию газет некоторыми оппозиционными партиями, имевшими с большевиками

идейные разногласия, но выступавшими вместе с ними против белогвардейской и так называемой «демократической» контрреволюции.

Несмотря на заключение Брестского договора военно-политическое положение республики оставалось весьма сложным. Весной 1918 года началась военная интервенция стран Антанты. В марте в Мурманске высадились английские, а вслед за ними французские и американские войска. В апреле японцы высадили десант во Владивостоке. Вскоре к ним присоединились американские, французские, канадские и другие подразделения. На юге возобновили наступление германские войска. Не удовлетворившись оккупацией Украины, они вторглись в пределы Орловской, Курской, Воронежской губерний, Донской области. В конце апреля — начале мая Германия захватила Крым, вслед за этим немецкие части заняли Таганрог, Ростов-на-Дону, Батайск, Поти, Батуми. В середине июня высадили десант в Тамани.

25 мая поднял мятеж чехословацкий корпус. До конца мая чехословацкие войска с помощью белогвардейцев и эсеров захватили Мариинск, Челябинск, Новониколаевск, Пензу, в июне — Омск, Самару, Златоуст, Красноярск и Владивосток.

Военная интервенция империалистов обострила гражданскую войну в стране. В надежде на помощь извне активизировались боевые действия войск Краснова на Дону, Добровольческой армии на Северном Кавказе, атаманов Дутова — на Южном Урале, Семенова — в Забайкалье, Калмыкова — в Приморье.

Ухудшилось положение в экономике. Большинство предприятий бездействовало из-за отсутствия топлива и сырья. Усилилась безработица. Промышленные центры страны охватил голод. Чтобы спасти городское население от него и обеспечить армию хлебом ВЦИК и Совнарком приняли чрезвычайные меры. Было централизовано продовольственное дело, введена государственная монополия на торговлю хлебом. В деревню за продовольствием направлялись рабочие отряды, которые, опираясь на комитеты бедноты, изымали у зажиточной части крестьянства, а часто и у середняков излишки хлеба, производили конфискации и реквизиции скота.

Введение «продовольственной диктатуры», а также начавшаяся в июне мобилизация в Красную Армию вызвали недовольство крестьян. Во многих районах происходили их столкновения с продотрядами, нередко перераставшие в восстания. Весной 1918 года антисоветские выступления крестьянства имели место в Костромской, Курской, Пензенской, Царицынской, Пермской, Уфимской губерниях. К лету они охватили и другие районы республики. Главной силой этих восстаний было кулачество, которое привлекало на свою сторону часть среднего, а иногда и беднейшего крестьянства. Немалую роль в провоцировании антисоветских выступлений играло реакционное духовенство.

Таким образом, если в первые месяцы против Советской власти активно боролись в основном буржуазия и помещики, то весной и летом 1918 года против нее выступили кулачество и мелкая буржуазия города и деревни. «Мы можем рассчитывать, — говорил В. И. Ленин, — только на сознательных рабочих, остальная масса, буржуазия и мелкие хозяйчики против нас...»⁸⁵.

Осложнением внешнеполитического и внутреннего положения страны немедленно воспользовались все контрреволюционные партии. В мае 1918 года прошли конференции и совещания кадетов, эсеров, меньшевиков, на

которых была конкретизирована тактика их дальнейшей борьбы против Советской власти.

Кадеты приняли следующую тактическую линию: непримиримая борьба с большевизмом, возрождение единой России, верность союзникам, полная поддержка Деникина, установление единоличной власти.

Партия эсеров открыто провозгласила необходимость вооруженной борьбы против власти Советов, приняла решения о политическом и военном блоке со странами Антанты. Свыше половины членов ЦК и многие активисты этой партии были направлены в Поволжье, Приуралье, на Украину, в Петроград для организации восстаний против Советской власти⁸⁶.

Усилили контрреволюционную деятельность и меньшевики. Они развернули широкую агитацию за свержение Советской власти и создание «общедемократического» правительства. На майском Всероссийском совещании меньшевистской партии некоторые ораторы предлагали использовать любые средства борьбы против диктатуры пролетариата, вплоть до вооруженных восстаний. Один из видных меньшевиков-активистов П. Н. Колокольников открыто призывал «свалить Советы... ценою голода»⁸⁷.

С марта 1918 года по инициативе меньшевиков в Петрограде, Москве, Туле, Самаре и многих других городах центральной России стали создаваться «Собрания уполномоченных фабрик и заводов», созываться «беспартийные» рабочие съезды и конференции. Они с самого начала превратились в легальные органы противодействия Советской власти. В конце марта в Петрограде общее собрание уполномоченных выпустило воззвание с лозунгами «Долой Советскую власть! Да здравствует Учредительное собрание!» В начале июня оно постановило усиленно готовить массы к политической стачке против большевистского режима, добиваться перевыборов Советов и восстановления местного самоуправления⁸⁸.

В Сормове организационное бюро по созыву чрезвычайного собрания уполномоченных в своей резолюции призывало к организации политических выступлений с требованиями немедленной отставки Совнаркома, возобновления работы Учредительного собрания, обеспечения политических свобод, восстановления независимости профсоюзов.

В конце мая «Собрание уполномоченных» Петрограда направило свои делегации в Москву, Сормово, Тулу и Брянск с целью установить контакты с такими же организациями в этих городах. Они везли с собой «Наказ петроградских рабочих». В нем говорилось, что «сделавшись органами власти в «социалистическом» отечестве, они (рабочие организации) не защищают больше нас... Без союзов, без права стачек, без свободы печати, против своих и немецких капиталистов, против казенного капитализма, защищаемого ружьями и пулеметами, мы слабее и беззащитнее, чем при царизме. Несчастливая мысль превратить рабочих в хозяев сделала их последними рабами»⁸⁹.

13 июня правые эсеры и меньшевики созвали «Чрезвычайное собрание фабрик и заводов Москвы». В его работе приняли участие представители «уполномоченные» Петрограда, Тулы, Брянска, Пензы и некоторых других городов. Собрание готовилось конспиративно. Рабочим говорили, что оно созывается якобы для рассмотрения продовольственных вопросов. Однако изъятые у члена ЦК РСДРП Трояновского проекты резолюций собрания

имели ярко выраженный политический характер. В них обосновывалась необходимость разрыва Брестского договора, высадки десантов стран Антанты с целью «организации вооруженного сопротивления немецкой армии». В области внутренней политики выдвигались лозунги свержения большевистской власти, воссоздания Учредительного собрания, привлечения к государственным делам органов земского и городского самоуправления старого состава⁹⁰.

Весной 1918 года резко обострились отношения с анархистами. Многие анархистские группы, вобрав в себя уголовные элементы, самовольно захватывали особняки, осуществляли грабежи, экспроприации банков, заводских и кооперативных касс, совершали убийства граждан. Они отказывались выполнять распоряжения местных властей, противопоставили себя Советам. В апреле в Москве, Петрограде и многих других городах чрезвычайные комиссии и воинские части гарнизонов провели операции по разоружению анархистских банд. После этого большая часть анархистских групп заняла еще более непримиримую позицию в отношении Советской власти. В Саратове, Самаре, Царицыне, Мелитополе, Воронеже, Ростове они подняли мятежи, которые пришлось подавлять военной силой. Дело дошло до того, что газета «Анархия» опубликовала статью Б. Гордина с призывом к «неумеренно крайней, небывалой социальной революции для свержения в прах всего существующего порядка рабства — как власти, так и капитала»⁹¹.

Военная интервенция Германии и стран Антанты, усиление подрывной деятельности политических противников, обострение голода, разгул спекуляции и уголовного бандитизма — все это поставило Советскую власть перед необходимостью принятия самых суровых мер борьбы не только с контрреволюцией, но и с общеуголовными преступлениями, ужесточения карательной политики. Чтобы подавить сопротивление эксплуататоров и пресечь преступность, говорил Ленин, «нужна железная рука». «Не было ни одной великой революции в истории, — подчеркивал он, — когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления». В условиях, когда основной задачей власти является военное подавление, отмечал Ленин, именно расстрел на месте является типичным проявлением этого подавления и принуждения. Беду прежних революций он видел в том, что революционного энтузиазма масс, необходимого для беспощадного подавления элементов разложения, хватало не надолго. Только диктатура передового класса, говорил Ленин, может выполнить эту задачу. «Диктатура суть железная власть, — писал он в апреле 1918 года, — революционно смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель чем на железо»⁹².

Ленин резко критиковал Наркомат юстиции за чрезмерную мягкость карательной политики, требовал ужесточить наказания за отдельные виды преступлений. 4 мая 1918 года ему стало известно о том, что московский революционный трибунал приговорил четырех сотрудников Следственной комиссии, обвиненных во взяточничестве и шантаже, к шести месяцам тюремного заключения. Он направил члену коллегии Наркомата юстиции Д. И. Курскому записку:

«Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопро-

ект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»⁹³. Одновременно Ленин послал письмо в ЦК РКП(б), в котором предложил исключить из партии судей, вынесших за взятку приговор на полгода тюрьмы. «Вместо расстрела взяточников, — писал он, — выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок позорный для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо преследовать судом общественного мнения и исключать из партии»⁹⁴.

Вечером того же дня Совнарком принял постановление, обязывавшее Народный комиссариат юстиции срочно разработать проект декрета «о высоком минимуме наказания за взяточничество и всякую прикосновенность ко взяточничеству»⁹⁵.

8 мая подготовленный Наркомюстом проект «Декрета о взяточничестве» был утвержден Совнаркомом. Он предусматривал наказание должностных лиц за получение взятки или содействие ей в виде лишения свободы не менее пяти лет. Такому же наказанию подлежали и лица, виновные в даче взятки, пособники и все прикосновенные к этому преступлению. Для представителя имущих классов, который использует взятку с целью сохранения или получения привилегий, связанных с правами собственности, предусматривалась еще более строгая кара. Его имущество подлежало конфискации, а виновный назначался на наиболее тяжелые и неприятные (Слово вставлено в декрет Лениным) общественные работы⁹⁶.

Дело сотрудников Московской следственной комиссии вскоре было пересмотрено ВЦИКом. Трое из них были приговорены к 10 годам тюремного заключения⁹⁷.

Постепенно маховик внесудебной расправы раскручивает обороты, увеличивая количество жертв. Но расстреливать по судебному приговору еще было нельзя. Пролетарские суды и Революционные трибуналы могли вынести любой приговор, за исключением смертного.

19 мая 1918 года ЦК РКП на своем заседании рассматривает вопрос — «Расстрель». ЦК принял решение ввести в практику приговоры к смертной казни по суду⁹⁸.

Однако руководству большевиков мешали левые эсеры, которые допускали смертную казнь без суда, но категорически возражали против смертной казни по суду. На V Всероссийском съезде Советов председатель ВЦИК Я. М. Свердлов полемизировал с левыми эсерами: «Я напоминаю..., что в Российской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией... принимают равное участие во всех работах, в том числе и расстрелах, проводимых комиссией, и левые эсеры, и большевики... Но левые эсеры заявляют, что они — против смертной казни. Тут нужно сделать коррективы: они против смертной казни по суду, но смертная казнь без суда ими допускается. Для нас, товарищи, такое положение является совершенно непонятным, оно нам кажется совершенно нелогичным»⁹⁹. Свердлова поддержал В. И. Ленин: «А теперь посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что когда в комиссии Держинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически

мертвы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которой не было бы расстрелов»¹⁰⁰.

По докладам Ленина и Свердлова V Всероссийский съезд Советов 5 июля принял резолюцию с требованием перехода к массовому террору против врагов Советской власти¹⁰¹.

Еще ранее, 3 июня 1918 года, НКЮ РСФСР принял постановление, которое устанавливало, что революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочими преступлениями не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях «не ниже» такого-то наказания»¹⁰².

С усилением противоборства враждующих сторон масштабы террора возрастают. Большевики, захватив власть, стремились ее укрепить и провести в жизнь свои теоретические постулаты. Их противники отстаивали свою собственную идеологию не менее жестокими методами.

История России 1917—1920 годов учит: самой большой трагедией народа является противопоставление одной его части другой, приводящее к гражданской войне. Никакая война не является столь кровавой, трагической, как гражданская. Никакая война не порождает такой злобы, ненависти, жестокости, как война одной части народа против другой, как противопоставление одной «единственно правильной» идеологии — другой. И партии, и классы, и различные движения вольны исповедовать любые доктрины, молиться своим богам. Но горе государству, которое не сдерживает крайности идеологии, не ставит их в рамки права, которое отдает власть в руки идеологов, исповедующих одну «святую и безусловную веру», и во имя этой «веры», представляющее карательным органам «ничем не ограниченное право определения меры репрессии».

Примечания

1. МАРКС К. ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 611.
2. Там же. Соч. Т. 4, с. 299, 114.
3. Там же. Соч. Т. 17, с. 337; Т. 31, с. 168, 172.
4. БЕЛИНСКИЙ В. Г. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 105.
5. Цит. По кн. ВАЛЕНТИНОВ Н. Встречи с Лениным. Chaldize publications. N. Y. 1979, p. 115.
6. Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. Политиздат. 1979, с. 31.
7. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 73.
8. Там же. Т. 31, с. 354.
9. Там же. Т. 33, с. 66, 167.
10. Там же. Т. 16, с. 441.
11. Там же. Т. 10, с. 138; Т. 11, с. 47.
12. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 90—91.
13. РИД Д. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, с. 108.
14. Цит. По кн. ТРОЦКИЙ Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов, — Репринтное воспроизведение книги, опубликованной в Берлине в 1932 г. Издательством «Гранит». М. Наука. 1990, с. 118—199.
15. Там же, с. 126, 131.
16. Известия ЦИК. 1917. 5.XI.
17. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 63.
18. Декреты Советской власти. Т. 1, с. 24.
19. Протоколы заседаний ВЦИК Советов Р., С., Кр., и Каз. Депутатов II созыва. М. 1918, с. 23.
20. Известия ЦИК. 1917. 7.XI.
21. Протоколы заседаний ВЦИК., с. 23.

22. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 53, 54.
23. Декреты Советской власти. Т. 1, с. 43.
24. Там же. Т. 1, с. 71.
25. Известия ЦИК. 1917. 13.XI.
26. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 7.XII.
27. Известия ЦИК. 1917. 8.XII.
28. Известия ЦИК. 1917. 6.XII.
29. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 126.
30. Там же. Т. 35, ч. 135, 137.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 8 об.
32. БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Воспоминания о Ленине. М. 1969, с. 152; Фулье-Тенвиль Антуан (1746—1795) — деятель французской революции. С марта 1793 года — общественный обвинитель революционного трибунала, один из организаторов и руководителей якобинского террора. В период термидора казнен.
33. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 2, л. 1.
34. В. И. Ленин и ВЧК. М. 1987, с. 18.
35. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 156.
36. Ленин и ВЧК, с. 24.
37. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 166.
38. Новая жизнь. 1917. 14.XI.
39. Известия ЦИК. 1917. 6.XII.
40. Новая жизнь. 1917. 21.XII.
41. Известия ЦИК. 1917. 29.XII.
42. Там же. 1917. 2.XII.
43. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 223.
44. Декреты Советской власти. Т. 1, с. 324.
45. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 228.
46. Ленинский сб. XVIII/ с. 46.
47. Известия ЦИК. 1917. 14.XII.
48. Там же. 1917. 31.XII.
49. Правда. 1918. 16(3).I.
50. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 186, 192, 193, 194.
51. Там же. Т. 35, с. 256.
52. Там же, с. 188, 204.
53. Там же, с. 311.
54. Там же, с. 314, 83.
55. Декреты Советской власти. Т. 1, с.
56. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 360.
57. ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 2, л. 142.
58. Из истории ВЧК, с. 96.
59. Известия ЦИК, 27.II.1918.
60. Красный архив, 1928, № 1(26), с. 170—171.
61. Известия ЦИК 5.I.1918.
62. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 2411, оп. 3, л. 5.
63. Известия ВЦИК, 16.VII.1918.
64. Известия Саратовского Совета, 27.III.1918.
65. Овруцкий Л., Думова Н. Драма русского либерализма. — Родина, 1990, № 10, с. 22.
66. Петроградская правда, 1.V.1918.
67. Госархив Саратовской обл., ф. 521, оп. 1, д. 181, л. 181 и об.
68. Революция в Крыму. Вып. 1. Симферополь. 1922, с. 50—51.
69. Родина, 1990 № 10, с. 47.
70. Революция в Крыму. Вып. 1, с. 55—56.
71. Родина. 1990, № 10, с. 41—47.
72. Известия ВЦИК, 21.V.1918.
73. Новая жизнь, 1.VI.1918.
74. Известия ВЦИК, 22.VI.1918.
75. Защищая революцию. (Чекисты Татарии в первые годы Советской власти. 1917—1922). Казань. 1980, с. 89.
76. Известия Саратовского Совета, 28.III.1918.
77. Рабочий. 22.VI.1918.

78. Правда, 25.VI.1918.
79. Известия ВЦИК, 27.III.1918.
80. Смирнов И. С. Ленин и советская культура. М. 1960, с. 105.
81. Декреты Советской власти. Т. 2, М. 1959, с. 569.
82. Окорочков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М. 1970, с. 276.
83. Известия ВЦИК, 19.V.1918.
84. Окорочков А. З. Ук. соч., с. 343—356. В списке, составленном автором книги, отсутствуют названия многих губернских и большинства уездных газет.
85. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 369.
86. Спириин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968, с. 156.
87. Известия ВЦИК. 6.VI.1918.
88. Там же, 29.III, 5.VI.1918.
89. Там же, 9.VI.1918.
90. Там же, 14, 18.VI.1918.
91. Цит. По Газете «Известия ВЦИК» 1918. 29 мая.
92. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 195, 197, 196.
93. Там же. Т. 50, с. 70.
94. Там же. Т. 36, с. 282.
95. Декреты Советской власти. Т. 2, с. 236.
96. Там же, с. 241—242.
97. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. Прим. 81, с. 424.
98. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 19.
99. Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 243.
100. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 503.
101. Декреты Советской власти. Т. 2, с. 529.
102. СУ РСФСР, 1918, № 44, ст. 529.

Молодые годы А. В. Колчака

П. Н. Зырянов

«О детстве великих людей мы знаем до обидного мало, — пишет известный мастер биографического жанра Арсений Гулыга, — никто ведь не думает, что именно из этого ребенка выйдет что-то путное, никто не собирает свидетельств его духовного роста»¹. К этому можно добавить, что наши знания и о юности великих людей порой не менее «обидны». А между тем именно в молодые годы складывается характер, личность. Детские и юношеские годы имеют свою драматургию, которая потом, под наплывом «взрослых» переживаний, во многом забывается, сглаживается в сознании, но продолжает проявляться в глубинах подсознания. В конце концов ведь детские и юношеские годы — это почти четверть жизни, а если у человека короткий век, — то и половина.

А. В. Колчак не избалован вниманием биографов. Во времена гражданской войны в стане белых было издано несколько его кратких биографий. Одна из них написана Сергеем Ауслендером, писателем, драматургом и критиком эпохи «серебряного века»².

В эмиграции, особенно среди бывшего офицерства, имя «белого Адмирала» было овеяно легендой: И умолкает командир полка, И слышен ветра делается шорох. И облик Адмирала Колчака (Иль тень его!) всплывает в наших взорах³.

Однако, эмиграция не дала значительного биографического труда о Колчаке. Многотомный труд С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» — это не биография, это — очерк истории белого движения на Востоке России, лишь приблизительно сфокусированный на личности верховного правителя. Книга М. И. Смирнова напоминает те ранние биографии, о которых говорилось выше. Она написана к 10-летию гибели адмирала бывшим его сподвижником, очень далеким от истории⁴.

В нашей стране изучение биографии Колчака по-настоящему началось на излете перестроечных лет. Первой ласточкой в этом деле стала статья А. В. Дрокова, опубликованная в «Вопросах истории». Однако детские и юношеские годы освещены в ней довольно бегло, по преимуществу на основании иркутского допроса и известной статьи сына адмирала, Р. А. Колчака⁵. Из этих источников в текст перешли и некоторые неточности (в последующих работах того же автора они частично исправлены)⁶.

Мало нового о раннем периоде дали выпшедшие в последние годы две научно-популярные книги о Колчаке — К. А. Богданова и И. Ф. Плотникова. Последний из них, специалист по истории гражданской войны, половину своего труда посвятил

сибирскому периоду жизни адмирала (полтора — два года)⁷. Книга Богданова насыщена фактическим материалом (к сожалению, автор не всегда делает ссылки). Но опять недостаточно охвачен период его детства и юности.

Изучение биографии А. В. Колчака, мореплавателя, исследователя, флотоводца, государственного деятеля, только начинается. Предстоит поднять целые пласты архивных документов, книг, газет. А пока многое еще неясно. Ибо очень неординарной, непростой личностью был адмирал. Непростой — с самого детства.

Фамилия Колчак — турецкого происхождения. В переводе на русский язык она означает «боевая рукавица». Соединенная со стальной пластиной, такая рукавица защищала правую руку, а левая прикрывалась щитом. Основатель рода Колчаков, Илиас-паша Колчак, был комендантом турецкой крепости Хотин. В 1739 г., когда совершился поворот в его судьбе, ему было, по-видимому, более 70 лет.

С 1736 г. императрица Анна Ивановна вела войну с турецким султаном. Начиная военные действия, русские фельдмаршалы грозились дойти до Константинополя. Но кампания разворачивалась вяло. Русские войска то брали крепости, то оставляли их. И только под конец войны, в 1739 г., были одержаны важные победы. Пройдя через польскую территорию, армия под командованием графа Х. А. Миниха вошла в Северную Молдавию и 17 августа близ деревни Ставучаны встретилась с турецкой армией под командованием Вели-паши. Сражение закончилось бегством турок. Вместе с армией Вели-паши бежала и часть хотинского гарнизона, участвовавшая в бою. Брошенный турецким командованием на произвол судьбы и не имевший достаточных сил для сопротивления, Хотин был сдан 20 августа. Колчак-паша сначала выслал русскому фельдмаршалу ключи от города, а потом явился сам и отдал свою саблю⁸.

В известной оде М. В. Ломоносова, прославляющей Анну Ивановну, есть такие строки: «...Пред Русской дрожит Орлицей Стесняет внутрь Хотин своих. Но что? В стенах ли может сих Пред сильной устоять Царицей? Кто скоро толь тебя, Калчак, Учит Российской вдаться власти, Ключи вручить в подданства знак И большей избежать напасти? Правдивый Аннин гнев велит, Что падших перед ней шадит»⁹.

Как видно, Ломоносов знал, что императрица милостиво обошлась с комендантом Хотина. Колчак-паша и его сын Мехмет бей, привезенные в Петербург, разместились в специально отведенном для них дворе на Петербургской стороне, где уже жительствовавший другой пленный паша — очаковский. Вместе с Колчак-пашой были поселены и другие пленные турецкие офицеры.

Трехбунчукный хотинский паша едва успел расположиться на новом месте, как с Турцией был заключен мир и пленные получили свободу. Однако он не стал возвращаться в Блистательную Порту, где его непременно посадили бы на кол за сдачу крепости. Не хотелось ему, видимо, оставаться и на чужом ему Севере. А потому он уехал на Правобережную Украину, входившую тогда в состав Польши, в имение одного польского магната, с которым имел давние дружеские связи. Через несколько десятилетий, когда паши-невозвращенца уже не было в живых, эти места оказались в пределах России. И в русских анналах вновь возникли Колчаки.

По семейным преданиям, они получили русское подданство и дворянство при императрице Елизавете Петровне, около 1745 года. Однако Р. А. Колчак оговаривается, «это, может быть, не совсем так». Скорее всего Колчаки оказались в России не ранее второго раздела Польши в 1793 году. И, строго говоря, не доказана родственная связь «новых» Колчаков, начиная с Лукьяна, с хотинским комендантом и его сыном. Хотя в истории очень многое «строго не доказано» и многое принимается на веру¹⁰.

В 1803 г., на основе Бугского полка, было образовано Бугское казачье войско, которое охраняло границу России по Днестру. В этом войске служил сотник Лукьян Колчак, получивший земельный надел в Ананьевском уезде Херсонской губернии, недалеко от Балты. У сотника было два сына — Иван и Федор, которые впоследствии поделили ананьевское имение. Иван Лукьянович продал свою часть, купил дом в Одессе, уехал туда и поступил на гражданскую службу. Федор Лукьянович стал военным и дослужился до полковника. На основании материалов очередной ревизии 40-х годов XIX в., указом Сената от 1 мая 1843 г. Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве и внесены в родословную книгу дворян Херсонской губернии¹¹.

Старшая ветвь рода, обосновавшаяся в Одессе, в свою очередь дала несколько

разветвлений, ибо Иван Лукьянович стал отцом многочисленного семейства. У него было несколько дочерей (сколько — неизвестно) и три сына — Василий, Александр и Петр. Все трое стали военными. Петр, избравший военно-морское дело, дослужился до капитана 1-го ранга. Александр — до генерал-майора. От него пошла средняя линия Колчаков — помещиков Тамбовской губернии.

Старший сын Ивана Лукьяновича, Василий Иванович Колчак, родился 1 января 1837 г. Воспитывался в Одесской Ришельевской гимназии, где в те годы были еще живы традиции основавших ее французских эмигрантов. Хорошо знал французский язык и любил все французское, хотя именно с французами ему вскоре пришлось воевать.

Родители, как видно, готовили его к гражданской службе. Но началась Крымская война. 30 сентября 1854 г., в 17-летнем возрасте, В. И. Колчак вступил на службу в морскую артиллерию Черноморского флота в звании кондуктора (младший офицерский чин). Ему поручили конвоировать транспорт с порохом из Николаева в Севастополь. Доставив опасный груз в осажденную крепость, юноша там и остался. Вчерашний гимназист попал в самое пекло — на Малахов курган. С 15 апреля по 27 мая 1855 г. он состоял помощником командира батареи, прикрывавшей малаховский гласис — пологою насыпь впереди наружного рва, с уклоном в сторону противника. «Наблюдение за правильностью стрельбы и исправностью земляного бруствера у амбразуры; снабжение каждого орудия потребным количеством снарядов и зарядов; ежедневный отчет в убыли прислуги да требование новой и размещение ее по орудиям — вот, изо дня в день, мои занятия на батарее..., — вспоминал он впоследствии. — Как я остался цел, — и до сих пор понять не могу». 27 мая его контузило осколком бомбы. Несколько дней он пролежал в госпитали, а 5 июня вернулся на тот же гласис, теперь — уже как бывалый воин.

4 августа на Малаховом кургане было замечено, что французы приготовили в траншее недалеко от батареи большое количество тур и фашинов. Очевидно, неприятель задумал устроить ложемент (небольшое укрепление) поближе к батарее. Командир приказал Колчаку сжечь заготовленные приспособления. Среди дня, под неприятельским огнем, с отрядом солдат Василий Иванович перенес две большие mortarы поближе к французской траншее, укрылся за земляной банкет (невысокую насыпь) и сделал несколько пристрелочных выстрелов. Одна из гранат попала в кучу тур (больших плетеных корзин для земли), разорвалась, и огонь мгновенно разметался по всей траншее. Заклубились черно-синие облака дыма. Французы попытались забросать огонь землей, но из-за того же банкета по ним открыли огонь солдаты, вооруженные штуцерами (новейшим стрелковым оружием). Между тем в городе подумали, что пожар вспыхнул на самом Малаховом кургане. На место прибыл начальник штаба князь В. И. Васильчиков. Узнав, в чем дело, он вызвал Колчака и собственноручно повесил ему на грудь Знак отличия Военного ордена (солдатский «Георгий»).

Севастополь держался, пока держался Малахов курган. 27 августа, во время последнего штурма, В. И. Колчак был ранен и взят в плен. Над курганом взвилось французское знамя. 28 августа 1855 г. русские войска оставили Севастополь.

Вместе с другими пленными В. И. Колчак был отправлен на Принцевы острова в Мраморное море. В октябре того же года, еще во время плена, его произвели в прапорщики. В марте 1856 г. Крымская война закончилась, и молодой офицер вернулся на родину.

В ноябре 1898 г. в Севастополе проходили торжества по случаю открытия памятника П. С. Нахимову. Было приглашено много участников легендарной обороны, в том числе Василий Иванович. Он вновь увидел знакомые очертания севастопольских бухт, Малахов курган, когда-то залитый кровью и заваленный телами, а теперь покрытый зеленью, всмотрелся в лица боевых товарищей. По возвращении домой он засел за книгу воспоминаний, которая вышла в 1904 г., к 50-летию начала севастопольской обороны¹². В это время уже шла осада Порт-Артура.

После Крымской войны Василий Иванович окончил Петербургский горный институт и был командирован на практику в уральский город Златоуст.

Дальнейшая его судьба связана с Обуховским сталелитейным заводом — с самого начала работы этого предприятия в 1863 году. Время от времени печатались небольшие брошюры Колчака о сталелитейном производстве, а в 1903 г. вышла его

большая книга по истории Обуховского завода. В вводной части говорилось о состоянии судовой артиллерии в России и за границей накануне Крымской войны. А затем освещалась история завода, начиная с 1861 г., когда предприниматель Н. И. Путилов, получив от полковника П. М. Обухова право на изготовление стали по его способу, купил участок земли на берегу Невы за петербургской заставой, получил от Морского министерства заказ на нарезные орудия для кораблей и развернул производство.

В нашем распоряжении имеется послужной список В. И. Колчака, датированный 19 марта 1888 года. Во время его составления Василий Иванович, в чине подполковника, состоял в комиссии, «учрежденной в С.-Петербурге для приема на флот орудий и снарядов». В том же документе, в графе с вопросом «Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное», стоит краткий ответ: «Не имею»¹³.

Как настоящий одессит, В. И. Колчак был чужд многих дворянских предрассудков. Жenu выбрал из недворян и тоже — одесситку. Ольга Ильинична Посохова была дочерью потомственного почетного гражданина. В это состояние обычно приписывали людей с образованием, но без дворянства. Вообще же семья Посоховых вышла из донских казаков. Ольга Ильинична была моложе Василия Ивановича на 18 лет. Отличалась набожностью, спокойным, тихим и строгим характером. Они поженились в начале 70-х годов и поселились близ Обуховского завода, в селе Александровском. В 1874 г. у них родился сын Александр, а на следующий год — дочь Екатерина. Еще одна дочь, Любовь, умерла в детстве.

Василий Иванович медленно рос в чинах. Генерала получил вместе с отставкой — в 1889 году. После этого он еще 15 лет работал на заводе, заведая пудлинго-прокатной мастерской. По семейным воспоминаниям, Василий Иванович был человек сдержанный, с изящными манерами и ироничным складом ума¹⁴.

Сохранился документ о рождении его сына: «Свидетельство По указу Его Императорского Величества от С.-Петербургской духовной консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической 1874 г. книге Троицкой церкви с. Александровского С.-Петербургского уезда под № 50 показано: Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Иванова Колчак и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных, сын Александр родился 4-го ноября, а крещен 15 декабря 1874 года. Восприемниками его были: штабс-капитан морской Александр Иванов Колчак и вдова коллежского секретаря Дарья Филипповна Ивановна»¹⁵. Крестным отцом будущего верховного правителя был его дядя, младший брат отца.

Александр Васильевич Колчак оставил воспоминания, правда, в довольно своеобразной форме. Это — его 8-дневный допрос в Иркутске в январе-феврале 1920 года. Однако о его раннем детстве из этого документа можно почерпнуть лишь самые краткие сведения. «Я православный, — говорил Колчак, — до времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери»¹⁶. Религиозное воспитание, по-видимому, исходило больше от матери, которая часто водила детей в церковь недалеко от завода. Политикой она не интересовалась. А Василий Иванович придерживался очень консервативных взглядов в политике. На его мировоззрение неизгладимый отпечаток наложило николаевское царствование.

30 апреля 1885 г. Василий Иванович написал прошение на имя директора 6-й Петербургской гимназии: «Желая, чтобы сын мой Александр был подвергнут испытанию наравне и в одно время с учениками во вверенном Вам учебном заведении, ...покорнейше прошу о том распоряжения Вашего, причем имею честь сообщить, что он подготовлялся к поступлению в 1-й класс и до сего времени обучался дома. При сем прилагаю метрическое свидетельство..., свидетельство о привитии оспы и 10 руб. в пользу экзаменаторов». Чтобы поступить в первый класс (а не в подготовительный), нужно было сдать экзамен, за который взималась плата. На том же документе стоит помета за чьей-то подписью: «Деньги 10 р. получил»¹⁷.

Родителям свойственно направлять детей по пройденной ими самими тропе. Или по той тропе, которую они для себя когда-то намечали. Мы помним, что и Василий Иванович свой жизненный путь начинал с гимназии. Остается лишь гадать, хотел ли он, чтобы его сын стал военным. Возможно, и нет. Чтобы стать офицером, надо было идти в юнкерское или морское училище, инженером — в реальное. Гимназия же предполагала занятия науками или службу по гражданскому ведомству.

26 июля того же года Василий Иванович написал на имя директора гимназии новое прошение: «Желая дать образование сыну моему Александру Колчак во вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего о том, чтобы он был помещен в I классе, в который выдержал экзамен в мае месяце с. г. При этом желаю, чтобы сын мой... обучался в назначенных для того классах обоим новым иностранным языкам, буде окажет достаточные успехи в обязательных для всех предметах, в противном же случае французскому языку и кроме того рисованию за особую установленную по сему предмету плату...».

Судя по имеющимся сведениям, юный Колчак учился в гимназии на удивление плохо. Разыскана табель его успеваемости за II класс, в коем он пребывал в 1886/87 учебном году. Оценкой в 5 баллов отмечено только поведение — да и то за первое полугодие, а затем по поведению появились четверки. Относительно успешно шло постижение закона Божия и географии: здесь тройки перемежались с четверками, а за год выведены были четверки. Хуже всего обстояло дело с немецким и французским языками, по которым Колчак получал в четвертях тройки, тройки с минусом и двойки. Письменный переходной экзамен Колчак едва ли не провалил: двойка по русскому языку, тройка с минусом по латинскому, тройка по математике, тройка с минусом по немецкому и двойка по французскому. По русскому и французскому языкам назначены были устные испытания, на которых получены были тройки, и окончательный балл по обоим предметам определили как три с минусом. Педагогический совет принял решение о его переводе в следующий класс.

Плохая успеваемость, возможно, отчасти объяснялась дальностью гимназии от места жительства. Она находилась на Фонтанке, вблизи нынешней площади Ломоносова. Пансиона не имела. А у Колчаков, людей небогатых, вряд ли был собственный выезд. Можно предположить, что именно из-за дальности расстояния Колчак пропускал много уроков: только в 1-й четверти — 66, все по уважительным причинам. Потом, правда, это количество сократилось, но отметки лучше не стали.

В одном классе с будущим верховным правителем учился тихий, застенчивый мальчик с большими ушами — сын статского советника Вячеслав Менжинский. Будущий «пламенный революционер» и высокопоставленный чекист тоже не радовал родителей своими успехами. По русскому языку и закону Божию его отметки были немного лучше, чем у Колчака, по остальным предметам примерно таким же. В первом классе Менжинский оставался на второй год¹⁸. Был ли известен этот факт его биографам? Если да, то они отбросили его как неуместный. Они пишут, что мальчик очень не любил гимназию, эту «тюрьму мыслей». Но гимназические науки «легко давались ему благодаря блестящим способностям», и «учителя отмечали его непременные успехи в учебе»¹⁹.

Колчак проучился в гимназии еще один год. По-видимому, гимназия его не привлекала, а преподававшиеся в ней предметы не вызвали интереса. Он мечтал о другом, и неслучайно оценки по географии были выше прочих. В 1888 г., «по собственному желанию и по желанию отца», как сказано в стенограмме допроса, он поступил в Морское училище²⁰.

15 декабря 1752 г. указом императрицы Елизаветы Петровны был основан Морской шляхетский кадетский корпус. С его учреждением упразднялась Московская школа, или Академия в Сухаревой башне. Морской корпус разместился в Петербурге на Васильевском острове, в двухэтажном дворце, ранее принадлежавшем Миниху. Фельдмаршал, пленивший Колчак-пашу, впал в немилость и коротал свои дни в далеком Пельюме.

В 1766 г. окончил Морской корпус и был произведен «в мичмана» (как говорят и пишут моряки) капрал Федор Ушаков, ставший знаменитым флотоводцем. В числе выпускников 1788 г. были Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, в 1803—1806 гг. руководившие первой русской кругосветной экспедицией. Впоследствии И. Ф. Крузенштерн был назначен на должность начальника Морского корпуса и долгие годы его возглавлял.

В 1808 г. из корпуса вышел М. П. Лазарев, в 1818 — П. С. Нахимов, в 1825 — В. А. Корнилов. За немногими исключениями, весь цвет русского военного флота был взращен в этих стенах. В разные времена ежегодный выпуск составлял 40—60 человек. В среде русского дворянства появились родовые кланы с давними морскими традициями. Выходцы из этих семей из поколения в поколение учились в Морском корпусе: Невельские, Тимиревы, Лермонтовы, Веселаго, князя Ширинские-

Шихматовы, Головнины, Куроедовы, Врангели и др.²¹ В 1867 г. Морской корпус был переименован в Морское училище. Оно стало более доступным для выходцев из других сословий. Однако в 1891 г., уже при Колчаке, училище вновь стало называться Морским кадетским корпусом.

В корпусе многое было сделано для того, чтобы кадеты приобщались к традициям этого старого и заслуженного учебного заведения, к традициям русского флота. В корпусной церкви на стенах были установлены черные мраморные доски с именами воспитанников, павших в сражениях. Кадет Колчак мог видеть 17 таких досок. На последней из них были написаны имена офицеров, погибших в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. На серых мраморных досках были высечены имена выпускников, погибших при кораблекрушениях и исполнении служебного долга. На мраморных досках в здании самого училища золотыми буквами записывались имена тех, кто был первым в своем выпуске.

В Морское училище принимались мальчики в возрасте 12—14 лет. Курс обучения был 6-летний. За это время воспитанники завершали среднее образование и получали высшее военно-морское. По окончании пятого года обучения кадеты производились в гардемарины. В строевом отношении воспитанники училища составляли батальон, а каждый курс — роту. В училище было пять кадетских рот и одна гардемаринская.

Воспитанники находились на казенном содержании, жили в самом корпусе (училище). По воскресеньям в отпуск увольняли только тех, у кого в Петербурге были родители. Еще со времен Крузенштерна сложился довольно жесткий распорядок дня: в 6 час. 30 мин. пробуждение, затем гимнастика и утренний час, в 8 час. — первый урок. Каждый день было три урока, по полтора часа. Строевые учения — тоже полтора часа. Свободного времени полагалось три часа в день. После вечернего чая желающие могли идти ко сну, а с 11 час. все должны были спать²².

Долгие годы училище возглавлял контр-адмирал А. П. Епанчин, продолжавший крузенштерновские традиции. В 1882 г. его сменил контр-адмирал Д. С. Арсеньев, слышавший «паркетным адмиралом». Он был участником нескольких военно-дипломатических миссий, а затем многие годы служил воспитателем при великих князьях Сергее и Павле Александровичах. Новый начальник первым делом, во избежание «дурных влияний», ограничил отпуск воспитанников в город. Затем он обратил внимание на то, что их головы слишком забиты морскими науками и они в большинстве своем слабо разбираются во всем том, что выходит за эти рамки. Они — неотесанные увальни, не умеют вести себя в обществе, особенно дамском. Адмирал же был убежден, что морской офицер должен уметь показать себя не только в бою, но и в свете.

С приходом Арсеньева в старших классах стали преподавать высшую географию и статистику, русский язык, литературу и закон Божий. В первой (старшей кадетской) роте ввели внеклассные лекции по русской истории, а в гардемаринской — по всеобщей. В училище приглашались известные ученые для чтения популярных лекций. Так, например, в конце 1889 — начале 1890 г. профессор Петербургского университета С. П. Глазенап прочитал цикл лекций по астрономии²³.

Воспитанники неодинаково относились к этим новшествам, ломавшим принятое в училище расписание, сокращавшим свободное время и время, отведенное на приготовление уроков. Конечно, в эти часы многие воспитанники били баклуши, но наиболее развитые занимались по собственной программе. Некоторые интересовались историей, особенно военно-морской, читали описания плаваний и путешествий. Другие знакомились с новинками литературы. Третьи строили модели кораблей. Теперь, когда свободного времени стало меньше, многое из этого пришлось оставить. Чтобы обучить кадет хорошим манерам, Арсеньев ввел уроки танцев. Однажды он сам явился на такой урок. По ходу объяснений понадобилось показать, как держать даму в вальсе. Адмирал вызвал одного из воспитанников и, подхваченный набегающими волнами музыки, забыв обо всем на свете, закружился с ним, красным от смущения, в пленительном и томном танце. Несмотря на неуклюжесть партнера, начальник училища показал высший класс. Только воспитанники все равно сомневались: адмиральское ли дело — танцы?²⁴

Среди воспитанников Морского училища фамилия Колчак впервые появилась в 70-е годы. Александр Федорович Колчак, впоследствии адмирал, закончил училище за десять лет до прихода туда своего двоюродного племянника. Так что у юного

Колчака в стенах учебного заведения не было ни одного родного человека, который связывал бы его с семьей. Многим другим его сверстникам было легче — их братья учились на старших курсах. Преодолеть одиночество, особенно остро ощущаемое в первый год, Колчаку помогала дружба с одним из однокурсников. Такого друга у Колчака за всю жизнь, наверно, больше не было, и недаром даже на допросе, за несколько дней до гибели, он вспомнил о нем, не называя по имени: «...Шел я все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус...»²⁵. Этот друг юности Колчака — Дмитрий Филиппов, самый младший из шестерых детей вдовы губернского секретаря, харьковской помещицы. Из слов Колчака можно понять, что они познакомились еще до поступления в училище. Скорее всего так и было, ибо вдова имела жительство в здании Обуховской больницы.

В училище Колчак сильно переменялся. По-видимому, начал взрослеть, появилось чувство ответственности, да и сама учеба стала осмысленным делом: ведь он учился там, где хотел, и тому, чему хотел. Они с Филипповым действительно выделялись на курсе своими успехами. Но кроме учебы воспитанники любого учебного заведения, а военного — тем более, оцениваются еще с одной стороны — по поведению. И в этом отношении два друга имели разные показатели.

Кадеты и гардемарины не всегда вели себя безупречно. Случалось, они разговаривали, пересмеивались и шалили в строю и на занятиях, спали после будочки, курили в ватерклозете, дерзко отвечали на замечания офицеров, писали на стенах нехорошие слова, а во время плаванья оставляли вахту, ни у кого не спросясь, не выходили на аврал (особенно ночью), возвращались из города пьяными. И за все это сидели под арестом. Каждый такой случай заносился в кондуктный журнал. Похождения некоторых личностей в этом журнале занимают несколько страниц. У других — единственная страница так и осталась пустой.

За шесть лет учебы у Колчака появилось четыре записи в кондуктном журнале. 10 сентября 1890 г. он не вовремя встал, когда вошел начальник училища. Строгий арест на трое суток был наложен самим Арсеньевым. 22 февраля 1891 г. Колчак опоздал в класс на 10 мин. 17 декабря того же года он громко разговаривал в спальне и не обратил внимания на замечание дежурного офицера — получил строгий выговор. А 29 мая 1892 г. — почти в 18-летнем возрасте — вдруг распалился во время занятий и был оставлен без обеда. Деятельность Филиппова описана в журнале гораздо подробней. Он часто шалил, а кроме того, как видно, был еще любителем поспать, а потому неоднократно опаздывал на утреннюю гимнастику²⁶. Мальчик напоминал своего покойного отца, который не закончил университета, остался в маленьких чинах.

По окончании зимних занятий, после небольшого отпуска, все воспитанники, за исключением самых младших, отправлялись в плавание. Училище имело целую эскадру: фрегат «Князь Пожарский», корветы «Скобелев», «Боярин», «Баян» и миноноску № 47. Правда, такая эскадра мало кого могла утратить. «Князь Пожарский», парусник с паровым двигателем, был спущен на воду еще в 1867 г. Деревянный корвет «Боярин» был чистым парусником.

Колчак впервые вышел в море в 1890 году. 12 мая воспитанники прибыли в Кронштадт. Младших определили на «Князь Пожарский». На этом корабле поднял свой флаг командующий эскадрой контр-адмирал Ф. А. Геркен. (Вместе с Колчаком учился его сын Алексей, не отличавшийся большими успехами.) Как это повторялось из года в год, некоторые суда оказались еще не готовы к плаванью, и отряд вышел в море лишь через неделю. Кадетам, первый раз участвовавшим в плаваньи, ставилась задача ознакомиться с жизнью и службой на корабле, получить общие сведения по морскому делу. Особое внимание обращалось на обучение самостоятельно водить шлюпку под парусами. Это должно было развить глазомер, находчивость и отвагу.

Эскадра посетила Бьорк (ныне Приморск), Гельсингфорс (Хельсинки), Ревель (Таллин). Младшие воспитанники усиленно занимались на шлюпках. В конце июля состоялись общие для всех рот гребные и парусные гонки. Затем было произведено десантное учение. 6 августа отряд вернулся в Кронштадт.

Вряд ли первое плавание оставило у юного Колчака приятные воспоминания. Лето на Балтике выдалось холодным. Шли дожди, штормило. На «Князе Пожарском» однажды, во время спуска шлюпки, у одного из воспитанников перебило

канатом четыре пальца. Другой воспитанник был уличен в воровстве — его тотчас же списали с фрегата, а потом исключили из училища.

Главное же, Колчак воочию увидел, с каким тяжелым, изнурительным трудом связано морское дело. Даже адмирал Геркен в своем отчете отмечал, что юноши подвергаются почти непосильной нагрузке. «Программы летних занятий воспитанников настолько обширны, — писал он, что положительно воспитанники заняты по разным отраслям целый день и не имеют времени для отдыха. Такие усиленные занятия не думаю, чтобы были полезны, беря во внимание то, что в продолжение зимы воспитанники тоже усиленно занимаются и от зимних занятий до кампании имеют отдыха не более 10—12 дней, а затем после кампании до зимних занятий их отпуск простирается не более 20 дней». Командующий также сообщал, что ежедневная одежда кадетов и гардемарин, состоящая из фланелевых рубаш и суконных брюк, так изнашивалась, что ее приходится чинить каждый день. В таком же виде и их сапоги.

Морская служба сразу же повернулась к Колчаку своей суровой, будничной стороной. Но юноша проявил характер и выстоял. Как выстояли, в большинстве своем и его товарищи по училищу. Едва началась следующая морская кампания, 1891 года, как адмирал Геркен получил телеграмму от полковника Колчака: «Вследствие тяжелой болезни моей жены прошу разрешить отпуск моему сыну на три недели». Командующий наложил резолюцию: «Уволить на 4 дня». Василий Иванович похлопотал в министерстве, и сыну разрешили отпуск на 7 дней. 28 июня молодой Колчак прибыл в порт Ганге (Ханко) в Финляндии и присоединился к эскадре. 27 июля он участвовал в гребной гонке. С этого года Ольга Ильинична начала болеть.

Учебная программа Морского корпуса предусматривала однодневную экскурсию гардемарин на Обуховский сталелитейный завод для ознакомления «с последовательными процессами полной фабрикации орудий..., а также и с приготовлением стали»²⁷. Колчак бывал у отца на заводе много раз, а во время каникул, наверно, и ежедневно. «Пребывание на заводе, — рассказывал он впоследствии, — дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д...» Одно время Колчак увлекся мыслью досконально изучить заводское производство. Начал с самых азов — со слесарного дела, которому его обучали обуховские рабочие. Знакомство с ними пробудило у юноши интерес к социальным вопросам. По-видимому, он успел даже что-то прочитать на эту тему. Но начались занятия в выпускном, гардемаринском классе, и все прочие дела пришлось оставить.

Известный английский изобретатель и пушечный король Уильям Джордж Армстронг, приезжавший на Обуховский завод, предложил молодому Колчаку поехать в Англию, пройти школу не его заводах и стать инженером. «Но желание плавать и служить в море превозмогло идею сделаться инженером и техником», — вспоминал Колчак²⁸.

«Колчак все знает» — такое мнение укоренилось на его курсе. Если возникало какое-то затруднение в выполнении задания, кто-нибудь всегда предлагал: «Спросим у Колчака». Когда он перешел в гардемаринский класс, его произвели в фельдфебели (одного из немногих на курсе) и назначили наставником в младшую роту. Среди вверенных его попечению кадет был и Михаил Смирнов, оказавшийся рядом с Колчаком в последний год его жизни. В воспоминаниях Смирнова очерчивается самый ранний его портрет: «Колчак, молодой человек невысокого роста, со сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак»²⁹.

Наступил 1894 год, отмеченный в судьбе Колчака несколькими событиями, печальными и знаменательными. После тяжелой болезни, в возрасте 39 лет, умерла его мать. На престол вступил новый император, Николай II, с которым впоследствии Колчак связывали нервные отношения. В этом же году он заканчивал Морской корпус.

По завершении последней морской практики, там же, на корабле, комиссия из

нескольких офицеров стала принимать экзамены. Самым страшным считалось морское дело. И результаты этого экзамена, самого первого, действительно оказались обескураживающими. Глядя на ведомость, можно подумать, что гардемарин в пору было не представлять к офицерскому званию, а возвращать назад, в кадеты. Едва ли большинство удовлетворительно ответило на половину поставленных вопросов. Даже Филиппов отвечал неважно (14 из 22 вопросов). Начальство и сами гардемарины объясняли провал тем, что экзамен был назначен внезапно. И только Колчак не был застигнут врасплох. Единственный из всей роты, он ответил на все 15 заданных вопросов. На следующих экзаменах гардемарины выглядели гораздо лучше. По машинному, штурманскому делу и по артиллерии Колчак также ответил на все вопросы, но на этот раз он не был единственным. А на экзамене по минному делу Колчак удовлетворительно ответил только на четыре вопроса из шести.

15 сентября 1894 г. гардемарины были произведены «в мичмана». Первым в выпуске значился великий князь Алексей Михайлович, самый младший из шестерых сыновей Михаила Николаевича, брата Александра II. Великий князь обучался отдельно, и о его успехах мы ничего не знаем. В феврале следующего года он умер в Сан-Ремо в 20-летнем возрасте. Имя Алексея Михайловича, первого в выпуске, надлежало выбить золотыми буквами на мраморной доске в Морском корпусе.

Вторым в выпуске должен был быть Колчак, но, как говорят, он запротестовал, считая, что это место принадлежит Филиппову³⁰. Успехи в учении у того и другого были примерно одинаковы, но у Филиппова хуже обстояло с поведением. Колчак, видимо, возмущился тем, что данные из кондуктного журнала определяют место в выпуске. В итоге Колчак стал третьим. Как утешение, он получил премию адмирала П. И. Рикорда — одну из денежных премий, вручавшихся нескольким лучшим выпускникам. Филиппов, между прочим, во всех своих послужных списках писал, что его фамилия высечена золотыми буквами на мраморной доске в Морском корпусе. А Колчак говорил, что он вышел вторым. Оба ничего не знали о великом князе (или не хотели знать). Чье же имя попало на мраморную доску, остается неизвестным.

В конце 1894 г. мичманы Колчак и Филиппов были зачислены в Петербургский 7-й флотский экипаж. Потом Филиппова назначили на крейсер «Дмитрий Донской», который отправился в Тихий океан. В 1898 г. Филиппов получил чин лейтенанта, а по возвращении из заграничного плавания вышел в запас и женился. В 1904 г., в связи с началом русско-японской войны, его призвали из запаса и зачислили в 18-й флотский экипаж. В военных действиях он не участвовал и вскоре по окончании войны вышел в отставку. Справочник «Весь Петербург» за 1909 г. (с. 822) указывает, что отставной лейтенант Д. Д. Филиппов имел жительство на Екатерининском канале и работал инженером на Балтийском судостроительном и механическом заводе.

А. В. Колчак в марте 1895 г. был направлен для занятий штурманским делом в Кронштадтскую морскую обсерваторию, а через месяц его определили вахтенным офицером на только что построенный броненосный крейсер «Рюрик»³¹. 5 мая 1895 г. крейсер вышел из Кронштадта в заграничное плавание. Путь через южные моря от Кронштадта до Владивостока тогда совершался примерно за полгода. Это значит, что «Рюрик» пришел во Владивосток в самую хорошую пору, когда прекращаются летние проливные дожди и устанавливается прозрачная и тихая дальневосточная осень. И когда крейсер преодолел извилистый и трудный вход, открылся вид на просторную бухту Золотой Рог, способную вместить огромный флот, и на молодой город, хаотично раскинувшийся по ее берегам. В центре возвышались каменные строения — собор, дом главного командира, дом губернатора, морской клуб, гостиница «Тихий океан», железнодорожный вокзал в русском стиле. Через центр пролегла и единственная в городе мощеная улица — Светланская, названная в честь фрегата «Светлана». Деревянные дома городских окраин были в беспорядке разбросаны по холмам и балкам. Окружающие город сопки когда-то покрывал густой строевой лес. Но его давно вырубили. На сопках появились глинистые обрывы и пролегли овраги. По горам вокруг бухты опытный глаз военного различал крепостные форты. Укреплен был и остров Русский, запиравший вход в бухту.

Зимой, когда бухта начинала покрываться льдом, Тихоокеанская эскадра уходила на юг. По соглашению с японским правительством она зимовала либо

в Нагасаки, либо в каком-то другом японском порту. В те годы русские военные корабли так часто посещали Японию, что трудно сказать точно, когда впервые Колчак увидел эту страну. Может быть, еще по пути во Владивосток предстала перед ним Япония эпохи Мэйдзи, открытая уже для европейцев, но во многом еще старая, патриархальная, очаровательно гостеприимная, с пестрыми знаменами, развевающимися у каждой лавки и зазывающими в нее, как в рай земной, с мягкими очертаниями гор и прихотливыми изгибами бухт, с уникальным соединением двух религий — буддизма и шинтоизма. Еще тогда, в первое плавание, Колчак заинтересовался философией буддизма, разделившегося на множество направлений, от тихо-созерцательных до откровенно воинственных. Он пытался даже заняться китайским языком, чтобы читать в подлиннике буддийские тексты. Побывал он и в маленьком городке Камакура, недалеко от Токио, где находится огромная статуя Будды в позе «тихого созерцания». Япония одновременно и привлекала, и отталкивала Колчака. Кажется, до конца своих дней он не смог разрешить для себя «японскую загадку».

Эскадра совершала длительные плавания в Японском и Желтом морях. Молодой офицер заинтересовался гидрологией этих морей, главными течениями, свирепыми дальневосточными тайфунами. Основательно изучил двухтомный труд адмирала С. О. Макарова «Витязь и Тихий океан». Но кроме этой книги и нескольких лодий не обнаружил ничего. «Я убедился, что сведения о природе этих морей крайне недостаточны даже для целей навигации, не говоря уже про массу возникших вопросов более теоретического характера», — так говорится в набросках воспоминаний, написанных им в 1903 г., во время второй арктической экспедиции³². Колчак начал делать собственные наблюдения над морскими течениями, хотя этому мало способствовала обстановка военного корабля, да еще флагманского, на котором находился командующий эскадрой адмирал Е. И. Алексеев, внебрачный сын Александра II.

Постепенно Колчак расширил область своих интересов, перечитав всю доступную ему литературу по гидрологии Тихого океана. Особенно заинтересовала его северная часть океана — Берингово и Охотское моря. А в перспективе он думал об исследовании южных полярных морей, как бы «заброшенных» русскими мореплавателями после знаменитой экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, а также о рывке к Южному полюсу. Эта неосуществленная мечта не покидала его всю жизнь. О ней он упоминал и в арктической записке, и во время допроса³³.

В 1897 г. Колчак подал рапорт с просьбой перевести его на канонерскую лодку «Кореец», которая отправлялась к Командорским островам для охраны промыслов. Однако начальство рассудило иначе. В составе эскадры числился старый парусный клипер «Крейсер» с одним двигателем. Из-за своей тихоходности он уже не мог ходить с эскадрой. А потому было решено превратить его в учебное судно для подготовки боцманов и унтер-офицеров. Со всей эскадры было собрано сто самых лучших и грамотных матросов. На «Крейсере» их разделили на четыре вахты, и офицер, назначенный в каждую из них, должен был вести занятия по морскому делу, проводить артиллерийские стрельбы и минные учения. Одним из этих офицеров стал Александр Колчак. Другим — Алексей Геркен, его товарищ по корпусу, одиннадцатый в выпуске, если считать с хвоста (всего же в выпуске было 62 человека). В воспоминаниях командира «Крейсера» Г. Ф. Цывинского можно найти самый лестный отзыв о Колчаке: «Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений». Цывинский, однако, не пишет, почему такой перспективный, полезный для флота офицер на его корабле занимался обучением боцманов и унтер-офицеров. Впрочем, от капитана это не зависело.

Местом якорной стоянки для «Крейсера» был избран корейский порт Генсан (современный Вонсан). В этом глухом городке Алексей Геркен сразу же заскучал: ни отелей, ни ресторанов, ни театров. Европейцев на берегу всего трое — и то один из них русский, неотесанный сибиряк, а другой, француз-миссионер, надолго уходил в глубь страны для проповеди. И лишь третий, датчанин, женатый на китайке и служивший в корейской таможене, охотно приходил на корабль и приглашал к себе в гости.

По климату Генсан во многом напоминал Владивосток: те же ежедневные

летние дожди и жара. В бухте, как в бане, было нечем дышать. Лишь выйдя в открытое море, можно было вздохнуть полной грудью. Такие выходы Колчак использовал для продолжения своих гидрологических исследований — хотя бы урывками, не в ущерб занятиям с будущими боцманами.

В сентябре ушли туманы и наступила осень, совсем, как в Крыму: созрел виноград, появились груши, арбузы и дыни. В октябре закончился учебный сезон, и корабль пошел во Владивосток сдавать воспитанников. Капитан Цывинский, как и Геркен, был недоволен Гесаном. Большой любитель светских развлечений, он постарался сделать так, чтобы «Крейсер» больше не возвращался в этот порт.

Зиму 1897—1898 гг. «Крейсер» вместе с эскадрой провел в Нагасаки. Там же стояли два английских крейсера. Их командиры вели себя по-джентльменски, играли с русскими офицерами в кегли в «Боулинг клубе», но все знали, что крейсера присланы для наблюдения за русской эскадрой. Начинался новый раунд борьбы за раздел сфер влияния в Китае. Западные страны и Япония старались захватить стратегически важные пункты на побережье Китая. Одним из таких пунктов был Порт-Артур.

До середины 1880-х годов мало кто знал рыбацкое поселение Люйшунь на берегу Желтого моря. Китайское правительство обратило внимание на стратегическое значение этого пункта и приступило к строительству морской крепости, которая должна была прикрывать побережье Маньчжурии и Пекин от неприязнителя десанта. Крепость строили западные инженеры (предположительно американцы или канадцы). Они и назвали ее Порт-Артуром (и в Канаде, и в США есть одноименные города). В 1894—1895 гг. вспыхнула короткая война между Китаем и Японией. Китай потерпел сокрушительное поражение. Одним из пунктов унизительного для него договора стала передача Японии Порт-Артура. Однако дипломатический демарш России, Германии и Франции заставил Японию возвратить эту крепость. Предварительно японцы постарались причинить ей максимальные разрушения.

В 1897 г. Германия захватила бухту Киао-Чао (Цзяочжоу). Узнав об этом, новый командующий русской эскадрой контр-адмирал Ф. В. Дубасов отправил в Петербург телеграмму, испрашивая разрешения немедленно занять Порт-Артур³⁴. Трудные переговоры о долгосрочной аренде Россией этой крепости велись в Пекине уже не один месяц. Русские дипломаты старались убедить китайское правительство, что это необходимо для защиты Китая от Японии. Усилия дипломатов поддерживало Военное министерство. Однако управляющий Морским министерством адмирал П. П. Тыртов считал, что для зимней стоянки был бы более удобен какой-то порт на корейском берегу, ближе к открытому океану, а Порт-Артур — не лучший вариант. Министр финансов С. Ю. Витте доказывал, что занятие Порт-Артура ухудшит отношения с Китаем, а между тем Дальний Восток приходится соединять с Сибирью по его территории (в то время начиналось строительство Китайско-Восточной железной дороги — от Читы до Владивостока через Маньчжурию). Поколебавшись, Николай II встал на сторону военных и дипломатов³⁵.

Тем временем Дубасов, опасавшийся, что Порт-Артур вот-вот захватят англичане, послал телеграмму на «высочайшее» имя — все с той же просьбой разрешить немедленно занять крепость. Содержание ответа адмирал не сообщил никому. Из эскадры было выделано три корабля, и командир отряда получил запечатанный конверт, вскрыть который он должен был по выходе в море. Выделенные для экспедиции корабли стали разводять пары. Был пущен слух, что в Корее беспорядки и русская миссия в Сеуле просит усилить охрану.

Английские крейсера ночью тихо исчезли из гавани. Русский отряд вышел из Нагасаки утром. Через двое суток он подошел к Порт-Артуру и у входа в гавань обнаружил два английских крейсера, которые загоразивали фарватер. Дубасов отправил в Петербург телеграмму, требуя, чтобы наша дипломатия заставила англичан уйти. Между тем в английских газетах, издававшихся на Дальнем Востоке, началась шумная кампания против России.

Обстановка быстро разрядилась, когда в Пекине была, наконец, достигнута договоренность об аренде Россией Порт-Артура сроком на 25 лет, а английский броненосец «Центурион» без всякого предварительного соглашения занял китайский порт Вэйхайвэй. Крейсера ушли на соединение с броненосцем, и Дубасов вывел всю эскадру из Нагасаки в Порт-Артур. 13 марта 1898 г. она вошла на артурский рейд,

на следующий день был высажен десант. Дубасов сразу же сделал Порт-Артур главной стоянкой русской эскадры. Между тем крепость находилась в том же полуразрушенном виде, в каком ее вернули японцы. Срочно были составлены сметы на многие миллионы рублей, но из Петербурга деньги поступали с большими задержками. Государственная казна была отнюдь не такой бездонной, какой она казалась военным.

«Крейсер» не участвовал в занятии Порт-Артура, но в том же году ему довелось дважды там побывать. Портартурский пейзаж разительно отличался от Нагасаки и даже от Владивостока. Гавань выглядела неуютно, на голых сопках летнее солнце быстро выжгло всю зелень. Ветер нес с берега песчаную пыль, засыпавшую корабли. Дубасов казался усталым и похудевшим. Возможно, он понимал, что совершил ошибку, перебазировав сразу чуть ли не всю эскадру в необорудованный и незащищенный порт.

В Порт-Артуре команда «Крейсера» получила радостную весть. Дело в том, что «Крейсер», как и «Рюрик», числился в составе Балтийского флота, а на Дальнем Востоке считался в командировке. Теперь начальство решило, что ее срок для «Крейсера» истек, и осенью настанет время возвращаться в родные воды. 5 ноября «Крейсер» отсалютовал новой «русской твердыне» на Дальнем Востоке и отправился в обратный путь. 6 декабря Колчак и Геркен были произведены в лейтенанты.

На подходе к Шанхаю штурман посадил судно на мель. Когда представился подходящий случай (в Коломбо на Цейлоне), командир списал неудачливого штурмана с корабля и отправил пароходом в Россию. Старшим штурманом был назначен А. Ф. Геркен, а Колчак стал его помощником³⁶. Конечно, произошла явная несправедливость. Но трудно было обижаться на товарища по корпусу и по плаванию. Алеша Геркен был славный парень. И не его вина, что он сын адмирала. В 1905 г. он погиб на броненосце «Бородино» в Цусимском бою.

К концу этого плавания Колчак уже во многом иначе, чем прежде, смотрел на военно-морскую службу и на флотские порядки. Главное, что не устраивало его, заключалось в том, что служба носила характер «чего-то показного, чего-то такого, что не похоже на жизнь». «На таких судах служат, но не живут, а мнение мое, — писал он, — что на судне надо жить, надо так обставить все дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одною службою, на которую каждый смотрит, как на нечто преходящее, как на средство, а не как на цель»³⁷. Конечно, Колчак вовсе не считал, что на судне надо завести семью и растить детей. Вынужденная холостая жизнь во время плавания, иногда очень долгого, — с этим ничего не поделаешь. Хотя не все выдерживали такую жизнь, и она, по свидетельству многих, в конце концов портила людей. Но Колчак, по-видимому, имел в виду такую жизнь, какую, например, ведет ученый в экспедициях, которые иногда тоже затягиваются. Ученый при этом занят сутью дела, а не формальным исполнением обязанностей. Он не подсчитывает с тоской и скукой, сколько еще дней осталось до возвращения.

Главный недостаток сложившегося на флоте положения Колчак видел в недостаточной подготовке личного состава и «ничтожной практике» плавания на современных боевых кораблях. Учиться в Морском корпусе было очень трудно. И тем не менее по выходе во флот офицер оказывался слабо подготовленным. У этого печального парадокса было две причины. Во-первых, морская практика кадет и гардемарин проходила на таких старых посудинах, которые давно пора было списывать. Современный боевой корабль, чудо новейшей техники, будущий офицер рисовал лишь в своем воображении. Во-вторых, в подготовке преобладал «бригадный метод», хотя тогда не было такого выражения. Во время практических занятий малоспособные и ленивые прятались за спины своих энергичных и более знающих товарищей. А потом старые моряки рассказывали анекдоты о мичманах, которые на корабле ничего не знают и не умеют, словно не бывали в плавании³⁸. Но вступали в действие негласные правила продвижения по службе, некоторые такие мичманы выходили из-за спины своих товарищей и опережали их.

Колчак вспоминал, что во время плавания в Тихом океане он не раз «подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах». Но перевесило уважение к военному званию: «Я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место»³⁹. Лучшим выходом из создавшегося положения Колчак считал участие в научной экспедиции. Еще в плавании он узнал, что в составе русско-шведской экспедиции готовится к уходу на Шпицберген транспорт

«Бакан», а ледокол «Ермак» собирается в самостоятельное путешествие вглубь Арктики. Последнее было особенно заманчиво. «Ермак», только что построенный в Англии мощный ледокол, шел под командованием вице-адмирала С. О. Макарова. Конечно же, Колчак знал о его знаменитой лекции «К Северному полюсу — напролом», прочитанной в 1897 г. в Русском географическом обществе.

Балтийское море встретило «Крейсер» холодом и туманами. Петербургская метеорологическая обсерватория телеграфировала, что кронштадтский рейд закрыт льдом. Пришлось повернуть на Ревель. Осторожно пробираясь между льдинами, «Крейсер» 29 апреля 1899 г. вошел на ревельский рейд. Там Колчак увидел транспорт «Бакан», готовый к отплытию. Выяснилось, что его экипаж уже укомплектован и поспеть туда нет возможности ⁴⁰.

Вскоре Финский залив очистился от льда, и вечером 5 мая, выкинув длинный вымпел, «Крейсер» подошел к Кронштадту. Матросы, поднявшись на марсы, прокричали «ура». Но рейд был почти пуст, и мало кто ответил на приветствие вернувшегося из дальнего плавания парусника. Капитану сообщили, что 9 мая он должен быть в Петербурге и стать на Неве у Балтийского завода. Произойдет спуск на воду крейсера «Громобой», а затем — «высочайший» смотр вернувшегося из плавания корабля.

...Под гром салюта обойдя вокруг спущенного на воду «Громобоя», императорский катер подошел к «Крейсеру». На палубу поднялись Николай II и его многочисленная свита. Великих княгинь и княжон возглавляла вдовствующая императрица Мария Федоровна (царствующая императрица Александра Федоровна по причине беременности не смогла приехать). Николай II, невысокий и худощавый, терялся среди своей свиты, состоявшей из очень представительных людей во главе с генерал-адмиралом, главным начальником Флота и морского ведомства великим князем Алексеем Александровичем, дядей царя, 49-летним красавцем атлетического телосложения. Все важные назначения на флоте производились лично им или по его докладу императором. Тыртов назначал в основном боцманов и мотористов. В первые годы правления Николая II наблюдалось засилье великих князей во многих отраслях государственного управления. Колчаку удалось взглянуть царя лишь тогда, когда он принимал рапорт командира корабля, а затем обходил фронт офицеров. Осмотрев судно, император зашел с капитаном в его каюту, а потом удалился, приветствуемый матросами, выстроившимися на реях, и салютом из 31 выстрела. Личному составу был разрешен трехмесячный отпуск. Плавание закончилось ⁴¹.

Колчак посетил адмирала Макарова в день прибытия в Кронштадт, т. е. вечером 5 мая. Разговор, видимо, был коротким. 8 мая «Ермак» должен был отправиться в свое первое арктическое плавание. Конечно же, ничего уже нельзя было сделать. Офицер не мог просто так перейти с судна на судно: необходима была санкция министерства, а ее за три дня не получить.

Вместо «Бакана» и «Ермака» Колчак попал на хорошо знакомый ему «Князь Пожарский», учебное судно Морского корпуса. Это было, писал он, «для меня худшее, что только я мог представить в этом роде» ⁴². Все планы рухнули. А в военной педагогике Колчак не видел своего призвания. Он свел воедино и обработал результаты своих наблюдений над течением вод в Японском и Желтом морях (статья была опубликована в специальном журнале), а затем бросил занятия по гидрологии, решив, что на военной службе они бесперспективны.

На «Князе Пожарском» Колчак сблизился с лейтенантом Борисом Стрельманом, окончившим Морской корпус на два года раньше его. У них были примерно одинаковые настроения: бросить все и уехать. Поискать «типов и ощущений», стать на стезю авантюризма, как откровенно и с иронией впоследствии писал Колчак. Говорили даже о поездке на золотые прииски Клондайка, «не для золота, конечно, а просто чтобы найти обстановку». В конце концов решено было подать прошения о переводе на Тихий океан, выйти там в запас и отправиться вместе, «куда хотели».

Когда закончилось учебное плавание, Стрельман вдруг куда-то исчез, и Колчак его более не видел. (Следы Стрельмана не прослеживаются и по документам: по-видимому, он ушел из флота.) Оставшись один, Колчак предпринял еще одну попытку попасть в экспедицию. В Академии наук, как он знал, готовился проект Русской полярной экспедиции, которая должна была пройти из Кронштадта Северным морским путем до Владивостока. Руководителем экспедиции был назначен

известный полярный исследователь Э. В. Толль. В сентябре 1899 г. Колчак побывал у него, но получил неопределенный ответ.

Колчак не любил неопределенность. Он перешел на броненосец «Петропавловск», отправлявшийся на Дальний Восток, с тем, чтобы в подходящий момент выйти в запас, остаться в неведомой стране и начать там другую жизнь. Как видно, 25-летний Колчак почувствовал тот многократно описанный в русской литературе «синдром Печорина», когда молодой человек ощущает в себе «силы необятные», но в условиях устоявшейся рутины не может их применить. И тогда возникает желание бросить вызов судьбе. Правда, служба на новейшем броненосце, всего лишь два года назад вступившем в строй, первое время увлекла молодого офицера. Но вскоре он увидел, что и здесь «есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Осенью 1899 г. в Южной Африке началась англо-бурская война. Общественное мнение России стало на сторону буров. У всех на устах была песня: Трансваль, Трансваль, страна моя, Ты вся горишь в огне... И Колчак решил принять участие в этой войне — конечно, на стороне буров. «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, — писал он, — должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать. Став снова на точку зрения искателя ощущений, я испытывал неодолимое желание идти туда, где работают современные орудия с лиддитовым и пироксилиновым снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце делается лишь «примерно». Россия действительно отставала в развитии взрывчатых веществ. Но это в приведенной цитате — всего лишь пример. Как видно, не только романтическое желание помочь бурам двигало молодым офицером. Как человек военный, он хотел кроме того приобрести опыт современной войны, совершенствоваться в своей профессии.

За несколько дней до Рождества «Петропавловск» пришел в Пирей. Колчак почему-то не любил Грецию, Пирей — особенно. Очень возмущался, что русские суда всегда там долго стоят. В Пирее, когда выпадал досуг, он предпочитал сидеть в каюте и обдумывать план своего участия в африканской войне. Однажды в такой момент ему принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Ф. А. Матисеном. Колчаку предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции. Вне себя от восторга, он тут же дал ответную телеграмму о своем согласии и отправился к командиру корабля Н. Р. Грeve доложить о поступившем предложении.

Командир не стал удерживать офицера, но сказал, что броненосец вскоре должен уйти в Порт-Саид. Хлопоты о переводе могут затянуться. Поэтому самое лучшее было — сразу же подать рапорт о выходе в запас. Но все решилось иначе. Президент Академии наук великий князь Константин Константинович обратил с ходатайством в Морское министерство, и вскоре на корабль пришла телеграмма, предписывающая лейтенанту Колчаку немедленно выехать в Петербург. В первых числах января 1900 г. он отправился на пароходе из Пирея в Одессу, а в середине того же месяца прибыл в столицу⁴³. В его биографии закончился пролог, закончилось спокойное течение событий, которое он сам прервал, захотев борьбы и тревог, захотев настоящего дела. Вольно или невольно, случайно или неслучайно события соединялись и развертывались в первую из четырех трагедий, составивших его жизнь.

Примечания

1. ГУЛЫГА А. В. Шеллинг. М. 1982, с. 7.
2. АУСЛЕНДЕР С. А. Адмирал Колчак. Омск. 1919.
3. Стихи А. И. Несмелова (Митропольского). См. Белая Армия, белое дело, — Екатеринбург, 1998, № 5, с. 72.
4. МЕЛЬГУНОВ С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. 1—3. Белград. 1930—1931; СМИРНОВ М. И. Адмирал А. В. Колчак. Париж. 1930.
5. ДРОКОВ С. В. Александр Васильевич Колчак. — Вопросы истории, 1991, № 1; КОЛЧАК Р. А. Адмирал Колчак. Его род и семья (из семейной хроники). — Военно-исторический вестник. Париж, 1959, № 13—14; 1960, № 16.
6. См. ДРОКОВ С. В., КОНОВАЛОВА О. В. К истории рода адмирала Колчака. — Отечественные архивы, 1992, № 5; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой. Публикация С. В. Дрокова. Отечественные архивы, 1994, № 5—6.

7. ПЛОТНИКОВ И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону. 1998.
8. ТАРАСОВА А. И. О предке А. В. Колчака. — Вопросы истории, 1998, № 3.
9. ЛОМОНОСОВ М. В. Избр. произведения, т. 2. М. 1986, с. 209—210.
10. Военно-исторический вестник, 1959, № 13, с. 18; «Отечественные архивы», 1992, № 5 с. 96—99.
11. Военно-исторический вестник, 1959, № 16, с. 15—16.
12. КОЛЧАК В. Война и плен 1853—1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. СПб. 1904, с. 24, 57, 78—79; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 432, оп. 5, д. 7174, л. 3—5; Военно-исторический вестник, 1960, № 16, с. 15.
13. РГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 7174, л. 3—4.
14. См. БОГДАНОВ К. А. Адмирал Колчак. СПб. 1993, с. 16; Военно-исторический вестник, 1960, № 16, с. 15—16; Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов Морского ведомства, СПб. 1904, № 51, приказ № 533 от 6 декабря 1904 г..
15. РГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 7174, л. 2.
16. Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. — Архив русской революции (далее. — АРР), т. X. Берлин. 1923, с. 186.
17. Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 458, оп. 1, д. 563, л. 118. Документы о Колчаке в фонде 6-й Петербургской гимназии разысканы и любезно предоставлены автору научным сотрудником архива Н. А. Чекмаревой.
18. ЦГИА СПб., ф. 458, оп. 1, д. 563, л. 223; л. 603д, л. 9, 11об.
19. ГЛАДКОВ Т. К., СМИРНОВ М. А. Менжинский. (Серия ЖЗЛ). М. 1969, с. 14—15.
20. АРР, т. X, с. 186.
21. См. ВЕСЕЛАГО Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб. 1852, с. 115, 119.
22. См. КОРГУЕВ Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб. 1897, с. 7, 32, 41, 47, 48; КРЫЛОВ А. Н. Мои воспоминания. Л. 1979, с. 63.
23. РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 6219, л. 1. б.
24. КРЫЛОВ А. Н. Ук. соч., с. 64—65.
25. АРР, т. X, с. 186.
26. РГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 9104, л. 1—4; оп. 1, д. 6315, л. 35, 66.
27. РГАВМФ, д. 6277, л. 1—3, 6, 12, 16; л. 6311, л. 33—34, 42, 63; д. 6343, л. 63.
28. АРР, т. X, с. 205.
29. СМИРНОВ М. И. Ук. соч., с. 8.
30. РГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 6514, л. 212, 252—253, 255, 270; КОРГУЕВ Н. Ук. соч., с. 319; Вопросы истории, 1991, № 1, с. 51.
31. АРР, т. X, с. 186; РГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 4413, л. 1—3; д. 1900, л. 1 об.
32. Пройти Берингов пролив и закончить во Владивостоке. Документы Русской полярной экспедиции 1900—1902 гг. Публикация Л. Спиридоновой и А. Иоффе. — Источник, 1997, № 3, с. 75.
33. Источник, 1997, № 3, с. 75; АРР, т. X, с. 186.
34. Цывинский Г. Ф. 50 лет в Императорском флоте. Рига. 1925, с. 160, 166.
35. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания, т. 2, М. 1960, с. 132—138.
36. ЦИВИНСКИЙ Г. Ф. Ук. соч., ч. 167, 187.
37. Источник, 1997, № 3, с. 75.
38. См. Вице-адмирал Г. П. Чухнин по воспоминаниям сослуживцев. СПб. 1909, с. 114.
39. Источник, 1997, № 3, с. 75.
40. ЦИВИНСКИЙ Г. Ф. Ук. соч., с. 197; Источник, 1997, № 3, с. 75.
41. ЦИВИНСКИЙ Г. Ф. Ук. соч., с. 198—199.
42. Источник, 1997, № 3, с. 75.
43. Там же, с. 76.

В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.)

С. М. Шамин

После того, как на церковных соборах 1666—1667 гг. восточные патриархи произнесли проклятия над старообрядцами, последние стали приходить к выводу, что единственный оплот православия, бывший доселе в Московском государстве, рушится, а истинное христианство гибнет. Наиболее активные последователи старой веры принялись с напряженным вниманием отыскивать признаки наступления последнего времени. Уже в 1668 г. в отдельных районах России перестали пахать и сеять, считая, что скоро придет день страшного суда. Вспышки ожиданий второго пришествия наблюдались и позднее при Петре I ¹.

Видное место в старообрядческой эсхатологии занимало явление пророков Ильи и Еноха. О них неоднократно писал протопоп Аввакум: «А преж его антихристова царства придут паки на землю плотию Илья и Енох со Иваном Богословом. И полчетверта года проповеди их будет к человеку, так же антихриста со дерзновением обличать по-тонку лести его станут. Он же убьет их и повержет на пути града телеса их. Оне же, мертвы лежавше полчетверта дни паки оживут пред всеми людьми и въздут на небо». Аввакум же увещевал: «О последнем дне и об антихристе не блазнитесь, еще он, последний черт не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возьятся яко бесы, — путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илья и Енох — обличители прежде придут, а потом антихрист — в свое время» ².

Любопытно, что именно к тому моменту, когда в русском обществе начинает назревать породивший эсхатологические ожидания раскол, в Россию из Европы попадают вестовые письма и газеты, в которых содержится сообщение о двух загадочных старцах, чьи похождения заставляют вспомнить об Илье и Енохе.

Письменные и печатные вестовые письма (летучие листы), а также газеты (в русской терминологии куранты) из разных европейских государств начинают попадать в Москву с первых десятилетий XVII века. Их доставляют в Посольский приказ порубежные воеводы, приезжие иноземцы и купцы. Со второй половины 1660-х гг., после организации от Москвы до Риги и Вильно почт по европейскому образцу, вестовые листы и газеты доставляются в Посольский приказ регулярно. Они, в какой-то мере, заменяют русскому правительству постоянные представительства за границей. Полученные сведения докладываются Боярской Думе и лично государю ³.

Самое раннее из сохранившихся вестовых писем о старцах относится, вероятнее всего, к концу 1650-х — началу 1660-х годов. Озаглавлено оно «из Палермии государства Сицилийского, отпущен к наилучшему достоинству Угорские земли

Шамин Степан Михайлович — аспирант Института российской истории (ИРИ) РАН.

подкороло и великому учителю святые веры Иерусалимския». В конце одного из двух сохранившихся списков имеется помета: «Списание сие пришло из Палермии Сицилийского господарства, во Угорскую землю ко благоверному подкоролу и учителю святые веры и властителю страны тоя. И из угорской земли прислано к великому государю и великому князю Алексею Михайловичу всяя Руси»⁴.

В Москве этот текст должен был попасть в Посольский приказ. Заглавие сообщения вполне соответствует принятым в приказе нормам. Припись же не совпадает с формулярами, которыми пользовались посольские переводчики. Она скорее показывает, что список был снят для частного лица и переписчик стремился подчеркнуть официальный характер документа, желая придать ему больший вес. Может возникнуть подозрение, что перед нами фальсификация, а сведения об официальном характере источника — выдумка. Однако, приписи можно доверять, поскольку для известий о старцах в листах более позднего времени удалось найти источники в делопроизводстве Посольского приказа.

Летучий листок сообщает, что в Палермо пришли два старца, которые объявляли себя пророками, обличали грехи, называли этот город вторым Садомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Затем их стали допрашивать иезуиты. Арестованные сообщили, что пришли «из Гатцкие земли». Возок, на котором старцев повезли в Рим, распался на части. К тексту был приложен список из десяти пророчеств на 1661—1670 годы. Их последовательность такова — большой бой по всей вселенной, пастыря не будет, не много Христа узнают, большое «порухение» по всей земле, гнев божий по всей земле, реки кровью восстанут, восстанет великий муж, Еврика и Африка устроятся, в Троице великого бога узнают по всей вселенной и, наконец, светила ночные погаснут, будет едино стадо и един пастух и придет последний день⁵.

Другое сообщение о двух старцах появляется в России в 1680 году. Оно находилось в комплекте голландских и цесарских курантов, которые были присланы в Посольский приказ 10 сентября через Виленскую почту. В газету новость попала с пометой «Из Гаги августа в 17 день». В ней сообщалось, что в город Ставолос⁶ пришли два старца (в этом тексте они называются не пророками, а апостолами), обличали грехи, называли город вторым Садомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Затем их стали допрашивать иезуиты. Арестованные сообщили, что родились «в Галилее в городе Дамаске». По сравнению с приведенным выше сообщением присутствуют некоторые новые подробности. Указывается на необычную одежду старцев, рассыпавшийся возок заменен спавшими кандалами и т. д. Десять пророчеств относятся теперь к 1681—1690 годам. Их перечень немного отличается. Прежними остаются всеобщая война, распространение веры, «восстание» великого человека, гибель Африки, «не будет пастыря» заменено на «папам не быть»⁷.

Очевидно, вскоре документ попадает за пределы Посольского приказа. Во всяком случае, одна его копия зафиксирована А. И. Соболевским в рукописном сборнике. Можно с уверенностью утверждать, что летучий листок переписан именно с оригинала из Посольского приказа, а не переведен со случайно попавшей в Россию газеты. Об этом говорит дословное текстуальное совпадение основной части известия. Кроме того, переписчик вставил в текст пояснительную приписку с полей перевода посольского приказа, в которой указывалось, что Ставолос — испанский город⁸.

Сообщение из Гааги заинтересовало главу Посольского приказа думного дьяка Лариона Иванова. Последний в недалеком прошлом возглавлял Стрелецкий приказ и лично вел допросы вождей старообрядческого движения⁹. Он не мог не знать о распространенной среди староверов информации об Илье и Енохе. Иванов затребовал у своих подчиненных справку о старцах.

Оказалось, что еще в 1678 г. польские послы передали в Посольский приказ сообщение, которое пришло в Яворов из Франции. Там два старца появились в городе Мирии. Они проповедовали и обличали так же как в Ставолосе и Палермо, родом же оказались греки и говорили на «глад(ц?)ыйском» языке. Старцы также вели прения с богословами, философами и учеными людьми, а после того, как их арестовали, чтобы вести в Рим, дверь открылась от крестного знамения. Список пророчеств несколько отличался от обоих предыдущих этапами конца света и состоял из двенадцати пунктов (с 1678 по 1689 гг.). Кроме того, сообщалось, что данное

пророчество подтверждается другим, найденным в Париже. Последнее было написано на еврейском языке на одной из частей каменной гробницы святого Дионисия.

Пророчество из костела святого Дионисия также нашлось в архиве Посольского приказа. Оно оказалось в статейном списке бывшего в 1675 г. на резидентстве в Варшаве Василия Тяпкина. Парижское известие лишь частично совпадало с привезенным польскими послами текстом. В него входило восемь статей с 1672 по 1680 год. Во всех пророчествах наиболее стабильно повторяющимся пунктом была гибель Африки. Все три сообщения подклеили в столбцы с пометами «для преду», «впред для спору и для ведома», «впред для ведома».

В одной из ближайших почт перевели еще и статью, в которой указанное пророчество опровергалось. Из Утрехта писали, что «Вести, которые были из Ставолоса о двух старых мужах, которых именовали пророками, ныне подлинно о том объявилось, что лож потому, что в прошлом, 1658 г. мая в 21 день в курантах такое ж пророчество в городе Менге обрестись может. И совершенно тогда, что в 1670 году будет страшной судной день, и то пророчество не сбылось, и потому явно, что и нынешнее пророчество тако ж ложно»¹⁰.

Устойчивый интерес внешнеполитического ведомства России к европейским пророчествам кажется довольно странным. Их не только собирали по самым разным дипломатическим каналам, но и тщательно проверяли, сопоставляя между собой. Кроме приведенных текстов в курантах 1680 г. можно отметить еще пророчество из Лейпцига. Оттуда писали, что «Прошлой недели умерло в новом и старом месте 186 человек, а другой недели 130 человек. Среди них 4 мастера, 2 лекаря, и у одного из лекарей в доме 7 человек. И так уж во всех улицах поветрие вкралось. Причем в неких прошедших днях у начального мастера именем Селнекере, которой уж сто лет умре, меж писем его нашли такое написание пророка. Три главы сими словесы: «1680 году моровым поветрием, в 1681 от голода, а 1682 в войне от пролития крови не умрет, а в 1683 году здоров и жив будет, даже до 1688 году великие чудеса увидит со страstem, еже учинится в тех временах. А буде когда мир в те времена не учинится, то истинно великие чудеса будут». Такое внимание к европейским эсхатологическим сообщениям можно объяснить только собственными ожиданиями конца света. Очевидно, они не только широко распространились между старообрядцами, но, в какой-то мере, были свойственны и представителям государственной элиты, которые придерживались ортодоксального православия.

Вызывает удивление и то, что информация из внутриведомственных документов посольского приказа (куранты составлялись всего в двух экземплярах и, случалось, даже запечатывались прямо на заседании Думы)¹¹ могла становиться достоянием общественности.

О том, что это случалось неоднократно, говорит судьба следующего сообщения о старцах. Известие относится к 1695 году. Соболевский отметил четыре рукописных списка этого летучего листка. Как источник сообщения названы «Мальтийский остров», «от кавалеров острова Астроматанского, в городе Мальте» и «от кавалерства острова Политанского». Последнее заглавие тоже подразумевает Мальту, поскольку в географической номенклатуре того времени Мальта была единственным островом, находившимся во владении «кавалеров». Такие разночтения в заглавиях объясняются многократным переписыванием текста. Припись одного из вестовых писем указывает на первоначальный источник распространения этой информации — «Сей лист на Москве, в Посольском приказе, тогда его и списали»¹².

Попадавшая в летучие листки информация о старцах позднее вновь возвращалась в государственные инстанции, но уже в составе судебно-следственных дел. Такие данные за первые десятилетия XVIII в. обнаружил А. С. Лавров в материалах тайной канцелярии. Сообщение из «Малтийского града» упоминается в доносе крестьянина Фомы Панкратьева на Сергея Михайлова и других олонецких староверов. Последние будто бы при нем читали и давали читать ему скорописную тетрадь, в которой написано, что «в некоем Малтийском граде ходили два некия белыя старика, назывались де пророками Ильею и Енохом, и будто сказывали о «кончине века». Лавров отмечает, что «газета» обращалась в среде, где читались и переводные и оригинальные эсхатологические сочинения. Новое свидетельство о чтении «газет» было найдено в деле священника Саввы Дугина, ярого противника петровских церковных реформ. Во время следствия удалось установить, что несколько таких листовок передавалось из рук в руки на заводах в Воронежской губернии, еще два

списка обнаружили в Харькове у полковника Веревкина и прапорщика Патрикеева. Другая подобная «газета» упоминалась в деле крестьянина Акинфия Сычева. Он списал ее в селе Морша Тамбовского уезда на торгу у какого-то мужика. Читая книги, Сычев создал свою интерпретацию православной эсхатологии. Апокалиптическим зверем он считал Петра I, великой блудницей — Анну Иоанновну, а Вавилоном — Петербург.

Изучая описанные выше дела, Лавров пришел к выводу, что известия о двух старцах — новый, появившийся в XVII—XVIII вв. письменный жанр, примыкающий к апокрифу, но отличающийся от него предельно «современной» формой — эсхатологическая газета¹³. Подобное мнение нельзя считать ошибочным. Текст о двух старцах действительно примыкает к апокрифам, но первоначально сложился он в Европе. В России же массовая переписка реального газетного текста постепенно превратила его в своеобразный жанр народной литературы. Это выразилось в постепенном стирании географических ориентиров, что мы видели выше на примере сообщения с Мальты. Особенно усилился процесс превращения газетной статьи в литературное произведение в начале XVIII века. В деле Сергея Михайлова впервые названы имена Ильи и Еноха. Если раньше эти имена угадывались то теперь текст известия смело адаптируется к бытующим в России представлениям.

Наиболее ярко разрыв между известиями курантов и распространявшимся из рук в руки по самым разным уголкам России текстом виден на примере «эсхатологической газеты», вновь сообщавшей о старцах и послужившей поводом к целому «делу» 1735 г., обнаруженному Н. Н. Покровским.

Источником распространения легучего листка была канцелярия Владимирского драгунского полка. Рукописное известие о старцах туда принесла жена полковника, которая получила его от подруги из Переславля. Канцеляристы сняли с него копии не только для полковничихи, но и для себя. Из Владимирского полка известие попало в Новотроицкий полк в Харькове, а затем в воронежский полк ландмилиции. Внимание сыских органов документ привлек только оказавшись в руках воронежских посадских людей. Очевидно, в офицерской и канцелярской среде листок расценивался скорее как развлекательное чтение, не имеющее противозаконной окраски (сроки большей части предрекаемых чудес прошли). В кругу посадских людей к нему, очевидно, отнеслись более серьезно, что и повлекло за собой донос.

Текст озаглавлен так: «Газет, то есть новина, з Волоских краев прислан есть до Кракова и всей епархии града Кантелинь». «Пророческая» часть относится к 1731—1739 годам. Использование слова «газета» вполне объясняется изменившимися с начала XVIII в. нормами языка. Но куранты XVII в. переводились целыми комплексами, конкретный источник происхождения каждого сообщения не указывался. Кроме того, термин «газета» появляется прямо в заглавии, что никогда не пришло бы в голову профессиональным переводчикам.

Сам текст тоже имеет следы народной обработки. В частности, после описания старцев переводчик или переписчик указывает, что они: «подобны суть апостолом Илии и Еноху». Смешанный русско-украинский язык текста (определение публикатора) также совершенно не характерен для приказной лексики. Покровский считает этот памятник народным творчеством, которое стремится придать созданному памятнику характер официального печатного документа. Характерно, что это мнение совпало с взглядами официального следствия. Даже термин «газета» в материалах дела был заменен словом «авизия». Однако один из подследственных, прапорщик С. Д. Кудрявцев, в ответ на обвинение в распространении «авизии» отвечал, «что такие авизии не тайные, но явные и есть де и друкваные (печатные.— Ш. С.)»¹⁴.

В настоящее время, наверное, уже не возможно выяснить, с каким именно источником мы в данном случае имеем дело. Был ли это многократно переписанный документ Посольского приказа или прошедший через многие руки непрофессиональный перевод. Гораздо интереснее сравнить судьбу пророчеств во второй половине XVII и в начале XVIII веков. Если в первом случае от порубежного воеводы подобное сообщение попало бы в Посольский приказ, и там вызвало бы если не доверие, то во всяком случае попытки проверить его подлинность, то в нач. XVIII в. канцеляристы и офицеры передавали известие о старцах друг другу скорее как развлекательное чтение, а не как серьезную информацию. Когда же текст попал в поле зрения государственной власти, им занялись не дипломатические, а следственные органы.

Известие о необычных старцах почти столетие бытовало в России в переводах курантов, других документах Посольского приказа, вестовых листах и рукописных сборниках. В определенной мере подобное долголетие объясняется его широким распространением в Европе и неоднократными переводами на русский язык. Однако решающим фактором все же было то, что данный текст затрагивал остро стоящие в самой России проблемы. Главной питательной почвой для распространения сообщений о старцах были эсхатологические настроения, которые необычайно усилились в русском обществе после церковного раскола. В XVII в. основным источником распространения данного известия являлся Посольский приказ. Именно туда регулярно доставлялись европейские новости, там имелся штат профессиональных переводчиков и регулярно осуществлялись переводы. Оттуда, благодаря несомненной аппаратуре приказа, листки распространялись по всей России. Во второй половине XVII в. культурный разрыв между государственной элитой и широкими народными массами, питавшими старообрядчество, еще не был достаточно сильным. Одни и те же эсхатологические пророчества интересовали и руководителей государства и их противников. Ситуация резко меняется с началом ускоренной модернизации страны при Петре I. Теперь пророчество бытует в основном в простонародной среде и постепенно превращается в жанр народной эсхатологической литературы. Государство же преследовало распространителей данного текста, поскольку он оказывался идеологической опорой для противников власти.

Примечания

1. МИЛЮКОВ П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 1. М. 1994, с. 55—61.
2. АВВАКУМ. Книга толкований. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М. 1989, с. 428; МИЛЮКОВ П. Н. Ук. соч., с. 58—59.
3. КОБЗАРЕВА Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Канд. диссертация, М. 1988.
4. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб. 1903, с. 240; Чтения в обществе истории и древностей российских. 1884, № 3, с. 13—14.
5. Там же.
6. Географические названия даются в современной транскрипции, там, где названия не удается идентифицировать однозначно, используется терминология источника.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 155, оп. 1, 1680, д. 4, л. 4—11.
8. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч., с. 248, 249.
9. Ответ старца Авраамия. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М. 1989, с. 508—523.
10. РГАДА, ф. 155, оп. 1. 1680, д. 4, л. 4—11, 23, 24.
11. РГАДА, ф. 155, оп. 1 1680, д. 4, л. 60, 61, 106 об.
12. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч., с. 249—250; ГЕОРГИЕВСКИЙ В. Флорищева пустынь. Вязники. 1896, с. 238.
13. ЛАВРОВ А. С. Колдовство и Религия в России 1700—1704 гг. М. 2000, с. 250—252.
14. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. Исследования по древней и новой литературе. Л. 1987, с. 290—296, 297.

О возвращении прусской провинции Фридриху II в 1762 году

Г. В. Кретинин

Во время Семилетней войны 1756—1763 гг. Кенигсберг и близлежащие к нему порты Пиллау и Мемель являлись базой тылового обеспечения боевых действий русской армии. Здесь завершали формирование запасных батальонов, сюда из России морем, по Неману и по суше подвозили запасы амуниции, вооружения, боеприпасов, складировали провиант и фураж.

Однако Кенигсберг находился относительно далеко от театра военных действий, что затрудняло снабжение армии. В 1761 г. русское командование приложило значительные усилия для овладения крепостью Кольберг. Взятие ее обеспечивало русским господство во всей прусской Померании, делало возможным перемещение в Кольберг основных снабженческих центров, и русская армия, тем самым, получала значительно более выгодные условия для ведения войны на Одере. Как известно, войска генерала П. А. Румянцева в декабре 1761 г. овладели крепостью Кольберг¹. Для Пруссии складывалась безысходная ситуация, все шло к ее поражению в войне. Однако смерть российской императрицы Елизаветы Петровны, последовавшая 25 декабря 1761 г.², изменила и ход войны, и ее исход.

Петр III, взошедший на российский престол, в буквальном смысле оказался спасителем прусского короля Фридриха II, уже помышлявшего об отречении от власти. В течение первых трех месяцев 1762 г. ситуация на политическом и военном фронтах изменилась радикально. Россия и Пруссия объявили вначале сепаратное перемирие, а затем, 24 апреля 1762 г., подписали двусторонний мирный договор.

В соответствии со статьей 6 мирного договора, российский император брал на себя обязательство «возвратить его величеству королю прусскому все области, земли, города, места и крепости, его прусскому величеству принадлежащие, кои в течение сей войны заняты были российским оружием...»³. Другими словами, Фридриху II необходимо было вернуть только что завоеванную русскими войсками Померанию и провинцию Пруссия с центром Кенигсберг, которой Россия владела с января 1758 года.

И если с Померанией особых вопросов не возникало, так как это была прифронтовая зона, из которой достаточно было просто вывести войска, то с провинцией Пруссия все было неизмеримо сложнее. И не только в военном отношении. Для российского истеблишмента Кенигсберг становился все более российским городом. Присоединение к России иноязычного края не было прецедентом. За полвека до этого к России отошли Лифляндия и Эстляндия со значительной долей немецкого населения. Появление в составе России еще одной подобной губернии никого не

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор Калининградского государственного университета.

должно было удивить. Тем более, что российское освоение провинции Пруссия началось сразу же с момента ее оккупации. Население было приведено к присяге на верность российской императрице, была создана структура российской губернской власти (в основе которой лежало немецкое провинциальное управление), в провинции стала разворачиваться российская купеческая торговля, в местном университете появились русские студенты. Так как в провинции оказалось значительное количество русских людей, Синод принял решение об учреждении православных церквей (в Кенигсберге, Пиллау и Мемеле), в Кенигсберге был выделен участок под русское православное кладбище ⁴.

«Мы твердо стояли в Восточной Пруссии; древняя столица ея, Кенигсберг, обращена была в русский губернский город,— русское общество беззаботно в нем веселилось, и русские генерал-губернаторы мирно правили всеми завоеванными областями. В Кенигсберг явилась русская духовная миссия с архимандритом во главе; чеканилась русская монета и, наконец, все жители покоренной страны приведены были к присяге на подданство российской императрицы» — таково краткое резюме той ситуации, которая сложилась в Кенигсберге в то время и влияние которой ощущалось в русском обществе спустя сотню лет после описываемых событий ⁵.

Поэтому, когда стало известно, что провинцию Пруссия надо будет вернуть Фридриху, перед российской администрацией в Кенигсберге встали различные проблемы: и военные, и религиозные, и гражданские и ряд других. Непосредственно организацией передачи провинции под прусское правление занимались российские губернаторы П. И. Панин и Ф. М. Воейков. Панин, боевой генерал, был назначен губернатором Пруссии в начале января 1762 года. Петр III произвел изменения и в руководстве армии: ее главнокомандующим вновь стал П. С. Салтыков ⁶. Губернатор Пруссии находился в подчинении у главнокомандующего армией.

Впрочем, Салтыков в административную деятельность губернатора практически не вмешивался. Поэтому Панину приходилось действовать самостоятельно, причем в условиях неопределенности. Только 20 мая Панин получает известие о мире и о возложенных на него обязанностях по «передаче королевства прусакам». Он обращается к императору с просьбой разъяснить некоторые «пункты» из возложенных на него обязанностей.

Вопросов было много. Например, что делать с артиллерией, боеприпасами, вооружением, запасы которых находились в тот момент в провинции (в трактате говорилось о передаче только городов, земель, крепостей). В казне имелись наличные. В Кенигсберге выпускалась российская монета — на монетном дворе находилась 1 тыс. пудов меди (продажная цена 10 руб. за пуд), кроме того, имелись запасы муки, соли, овса, ячменя. Губернатор требовал указания, что делать с ранеными, куда отправить русские церкви и их утварь ⁷.

6 июня Панин сообщает Салтыкову, что получил копии указа и «сепаратных артикулов» из Петербурга. Особое внимание Панина привлекли две статьи: «Но как в 5 артикуле тако: сей мир имеют немедленно по размене ратификации публикован быть, а в 8 размена ратификаций учинится в Санкт-Петербурге во время шести недель считая со дня подписания». Таким образом, срок публикации — 5 июня — уже миновал, а в полученных документах разрешения на публикацию не было. Исполнительный губернатор запрашивал у главнокомандующего дальнейших указаний.

Обращение по подчиненности ничего не прояснило. На его запрос от 6 июня главнокомандующий русской армией П. С. Салтыков ответил: «Копию о мире имею только для известия». Между тем, 11 июня главнокомандующий сообщает в Кенигсберг, что вместо Панина назначен новый губернатор Ф. М. Воейков. Ему надо было не только передать дела, но и объяснить ситуацию с передачей провинции прусскому королю. Панину же предстояло убыть в Померанию, где генерал П. А. Румянцев начал подготовку к войне России с Данией из-за Голштинии.

В ответном рапорте Салтыкову от 16 июня Панин докладывает, что «господин генерал-поручик Воейков вчера сюда прибыл и передал ордер, по которому в смену с ним на оставшиеся к возвращению сего королевства девять только дней вступил». Однако подробно ввести Воейкова в курс того, что предстоит сделать новому губернатору, Панин не мог. Публикации о мире по-прежнему не было: «...на принесенные от меня как к высочайшему докладу, так и к резолюции вашего сиятельства пункты, я еще резолюции и наставления ниоткуда не имею» ⁸. Таким образом, Воейков вступал в руководство провинцией в очень сложных условиях.

Правда, он рассчитывал на то, что править ему предстоит только 9 дней. Но как оказалось впоследствии, расчет был неверен. Панин же, по возможности, стремился ввести своего преемника в курс дел и подписал рапорт о сдаче должности только 27 июня.

Последние дни правления Панина осложнялись тем, что по времени они совпали со сроками передачи власти в Пруссии королевским представителям. Они уже находились в Кенигсберге. Собственно говоря, президент Гумбинненской каморы Домгард и не выезжал из провинции весь период пребывания здесь русских. Он даже сотрудничал с ними. Домгард и возглавил прусских чиновников, стремившихся взять власть в свои руки. 23 июня (4 июля) он обратился к губернатору с достаточно бесцеремонными требованиями о быстрой передаче власти в провинции. Прежде всего, он обратил внимание губернатора на то, что «с завтрашнего дня» провинция уже должна быть в ведении короля. И «Чтоб завтра поутру Фридрихсбургская крепость прусскому коменданту... была отдана», чтобы русские караулы на городских воротах были заменены прусскими, чтобы было отдано распоряжение о передаче крепостей Пиллау и Мемель.

В ответ Панин составил достаточно сдержанную промеморию, где согласился с возвращением в учреждения прусских чиновников, но передачу крепостей отложил до появления особого распоряжения от своего начальника.

20 июня в Петербурге был подготовлен ответ Петра III на вопросы Панина о судьбе материальных ценностей, вооружения, провианта, других запасов, находившихся в ведении российских властей. Под пунктом 13 в нем наконец-то сообщалось, что «о заключении между нами и его величеством королем прусским вечного мира всевысочайше повелеваем в сем королевстве публиковать вам обнаружением мирного трактата и чрез то жителей того королевства всякого чина... от učinеной... нам поданической присяги свободными объявить»⁹. Сообщение поступило в Кенигсберг 26 июня, то есть уже после срока передачи провинции прусскому королю и накануне сдачи должности Паниным. Объявлять о мире предстояло уже Воейкову.

Первый же день исполнения новой должности формально должен был стать для Воейкова и последним. 27 июня новый российский губернатор публикует два документа: уведомление о мире и освобождение от присяги российской императрице прусского населения¹⁰. Интересно, что во втором документе Воейков постфактум сообщает, что «его величество король Пруссии с 24 июня (5 июля) вновь вступит в полное владение королевством». Таким образом, Воейков оставался губернатором как бы без губернаторства. Но так только казалось. Пока Воейков мог опираться на русские армейские подразделения, реальная власть находилась в его руках. Но передача ее началась, и после выхода в свет названных документов, в провинции образовалось двоевластие. Постепенно прибывавшие в Кенигсберг прусские чиновники приступали к исполнению своих обязанностей. В городе начались празднества по поводу возвращения провинции королю.

Однако опять события в России кардинальным образом изменили ситуацию в провинции Пруссия. 28 июня в результате дворцового переворота на российский престол взошла Екатерина II. Сразу же в действующую армию был направлен курьер с указом новой императрицы. Но только 5 июля Воейков получит от Салтыкова сообщение о событиях в Петербурге. Хотя для него это уже не было новостью. Курьер Коромышев, следовавший к Салтыкову в Мариенвердер через Кенигсберг, на словах поделился новостями с Воейковым¹¹.

Несмотря на то, что и Салтыков, и Воейков были назначены на свои должности Петром III, возвращение прусской провинции Фридриху II они явно не приветствовали. Так, Воейков, еще не имея какого-либо официального распоряжения, основываясь только на устных рассказах Коромышева, пришел к выводу, что политика Петра III будет изменена. В том числе и по отношению к прусской провинции: Пруссия останется подвластной России. Однако с каждым часом ситуация продолжала меняться в пользу прусских королевских властей и Воейков решил действовать.

Под различными предложениями он возвращает во Фридрихсбургскую крепость российских солдат, увеличивает численность русских караулов, солдатам выдают боеприпасы. Комендантам Пиллау, Мемеля, Тильзита отправляются секретные указания: провести аналогичные действия в городах и крепостях, находящихся в их ведении. Учитывая, что своих сил в случае неподчинения пруссаков может не

хватить, Воейков отдает срочное распоряжение войскам, расквартированным недалеко от Кенигсберга, срочно прибыть с вооружением и боеприпасами к городу, но в город не входить до особого распоряжения ¹².

Салтыков, получив указ императрицы, особое внимание обратил на слова в нем: «Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение» ¹³. Следуя этим словам, он отдает указание Воейкову: «...все то в действие потребить, что к повиновению его («королевства прусского». — Г. К.) жителей к ныне благополучно государствующей всемилостивейшей нашей императрицы и государыне служить может, а особливо имеет нимало немедля во всем королевстве правление онаго обще с доходами российскими чинами и прежние посты российскими воинскими людьми занять, а буде чего к тому и к тамошней безопасности недоставать станет, тот час мне отрапортовать, дабы я мог, сколько потребно, отсюда туда detaшировать (оказать помощь войсками. От слова «деташемент» — отряд. — Г. К.)» ¹⁴.

Однако Воейков справился самостоятельно. Хотя сложности были. Достаточно сказать, что ему пришлось прерывать праздничные мероприятия, проводившиеся в Кенигсберге и провинции по поводу возвращения провинции в подданство королю Пруссии, отстранять от власти прусских чиновников, останавливать набор рекрутов и запрещать отправку уже сформированных команд, с лошадьми и имуществом, в действующую прусскую армию.

Основанием для таких мер послужила публикация нового заявления российского губернатора, которым «аннулировалось» сообщение от 27 июня. Заявление было подписано 5 июля и оказалось достаточно жестким по содержанию: «...всем жителям этой земли, какого бы сословия и звания они не были, разъясняется, что те, во избежание жесточайшего наказания, должны снова вернуться к той верности и тому послушанию, которые они до последнего преобразования обязаны были оказывать Российской империи... Каждый, кому дорого его собственное благополучие, покорнейше должен следовать указу» ¹⁵.

Но, как оказалось впоследствии, Салтыков и Воейков не смогли правильно оценить ситуацию, сложившуюся в это время в Петербурге. Дело в том, что Екатерина II своим манифестом при восшествии на престол стремилась, прежде всего, успокоить русское общество, недовольное миром с Пруссией. Ни Салтыков, ни Воейков не могли знать тогда, что одновременно с ними генерал Чернышев, командовавший корпусом, выделенным Фридриху II еще Петром III, должен был объявить прусскому королю, что «мы заключенный мир с его величеством продолжать будем свято и нерушимо» ¹⁶. Поэтому действия Воейкова и Салтыкова в Пруссии вызвали естественное недовольство мирного населения. Появились жалобы, протесты. 11 июля 1762 г. на Вислу был отправлен специальный курьер с повелением «исправить свою поспешность» и «все королевство Прусское от занятия освободить» ¹⁷.

В свою очередь, главнокомандующий предписывает Воейкову собрать у себя прусских чиновников и объявить им, что предпринятые им меры были вызваны незнанием обстановки, сложившейся в российской столице. После того, как ситуация прояснилась, они могут приступить к исполнению своих должностей. Переписка Салтыкова с Воейковым показывает, что противоречивые установки российской императрицы по поводу судьбы Пруссии все-таки сильно запутали положение в провинции, где российская власть поддерживалась только угрозой применения оружия, а фактически все большие полномочия получали прусские чиновники.

Наконец, последний российский губернатор Пруссии получил ордер Салтыкова от 25 июля 1762 г., которым предписывалось сообщить об окончательном решении по передаче провинции, отныне в дела внутренние не вмешиваться, разрешить занимать прусским гарнизонам крепости ¹⁸. Воейков был вынужден за короткий срок в третий раз обращаться к населению провинции, дезавуируя свое сообщение от 5 (16) июля: «...отменить для жителей этой страны... вновь возложенные на них обязанности и передать это королевство к свободному распоряжению его величества короля Пруссии» ¹⁹. Обращение было опубликовано 26 июля (6 августа) 1762 г. Этот день и принято считать днем возвращения провинции Пруссия под власть короля Фридриха II ²⁰.

Примечания

1. КОРОБКОВ Н. М. Семилетняя война (1756—1762). М. 1940, с. 314.
2. Даты приводятся по старому стилю. В необходимых случаях, когда используется новый стиль, делается оговорка.
3. МАРТЕНС Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб. 1880, т. 5, с. 367—378.
4. Более подробно о жизни россиян в Пруссии в тот период см.: А. Т. Болотов в Кенигсберге: Из записок А. Т. Болотова, написанных самим им для своих потомков. Калининград. 1999; КОСТЯШОВ Ю. В., КРЕТИНИН Г. В. Петровское начало: Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII в. Калининград. 1999; КРЕТИНИН Г. В. Под российской короной, или Русские в Кенигсберге. 1758—1762. Калининград. 1996.
5. Присоединение Пруссии к России. Листки из записной книжки «Русской старины». — Русская старина. СПб, 1873, т. VII, с. 705.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 25, оп. 1, д. 431, л. 1, 2, 5; СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. М. 1965, кн. 13 (Т. 25), с. 74; КОРОБКОВ Н. М. Ук. соч., с. 325.
7. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 529, л. 9, 10, 17.
8. Там же, л. 70—71, 72, 73, 74.
9. Там же, д. 438, л. 26; д. 529, л. 94, 87.
10. Staatsarchiv Königsberg (GStA PK). XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 17, 19.
11. РГАДА. Там же, д. 529, л. 21.
12. Там же, л. 4—6, 9, 13, 17—19, 21.
13. Цит. по: БИЛЬБАСОВ В. А. Исторические монографии. СПб. 1901, т. 5, с. 333.
14. РГАДА. Там же, л. 1.
15. GStA PK. XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 13.
16. Цит. по: БИЛЬБАСОВ В. А. Ук. соч., с. 333.
17. Впрочем, действия Екатерины и здесь были непоследовательны, ибо тот же курьер привез личное письмо императрицы Салтыкову, в котором она сообщает: «Однако ж, будьте уверены, что и я и все верные сыны отечества весьма довольны вашим поступком, что вы велели занимать королевство Прусское». — См.: БИЛЬБАСОВ В. А. Ук. соч., с. 333—334.
18. РГАДА. Там же, д. 454, л. 4, 21.
19. GStA PK. XX. HA EM. Abt. 52,2 KK. Nr. 15.
20. КОРОБКОВ Н. М. Ук. соч., с. 326.

Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации

Д. Ю. Бовыкин

Террор эпохи Французской революции конца XVIII в. сейчас практически не изучают ни в России, ни во Франции. Однако к тому, чтобы постараться как можно реже о нем вспоминать, отечественная и зарубежная историография шли разными путями.

В советской историографии идеализация якобинцев¹, привела к тому, что в 1990-е годы проблемы диктатуры монтаньяров вообще и террора в частности начинают затрагиваться все меньше и меньше. И хотя террор неоднократно упоминался на прошедшем в 1995 г. в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН круглом столе «Якобинство в исторических итогах Великой французской революции»², в конкретные исследования призывы к его изучению так и не вылились.

Что же касается французской историографии, то выход в свет считанных работ, в которых глубоко затрагивались бы проблемы террора во многом объясняется борьбой, идущей долгие годы между историками «классического» и «критического» направлений в историографии революции, нередко переходившей — в период научных споров — в политическую плоскость. И чем более острая тема поднималась Ф. Фюре и его последователями, тем более сильный шквал критики обрушивался на них со стороны продолжателей традиций А. Матьеза и А. Собуля.

Тем более важным представляется, что в 2000 г. и в России, и во Франции одновременно появились работы, посвященные феномену террора. При этом обе книги в известной степени дополняют друг друга, рассматривая его под разными углами зрения.

В своем курсе лекций³ ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, доктор исторических наук А. В. Чудинов прежде всего уделяет внимание идеологическим основам и предпосылкам террора. История революции для него неразрывна со всей историей XVIII столетия, с тем комплексом идей, который был выработан, осмыслен, введен в оборот в то время, когда возник «принципиально новый тип мировосприятия, радикально отличающийся от того, что ему предшествовал и в своей основе имел христианскую религию» (с. 6).

Отказ от социального реализма, создавший почву для утопий (в начале чисто теоретических и лишь после начала революции переведенных в практическую плоскость), позволяет автору сделать вывод о том, что именно просветители своими трудами построили тот идейный фундамент, на котором впоследствии основывались революционные преобразования. Начиная с тезиса — «Век Разума обернулся Веком Утопий» (с. 17), Чудинов последовательно показывает, каким образом просветители (от Морелли до Д. Дидро, от Ж. Мелье до Л. М. Дешана) формировали свою модель видения социума, главная роль в которой отводилась вере в то, что построение совершенного общества «здесь и сейчас» вполне возможно — надо лишь «правильно» организовать его в соответствии с открытыми ими же законами.

Бовыкин Дмитрий Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета.

Соответственно, возникал вопрос о том, что должно было стать движущей силой преобразований. Анализируя идеи Ж.-Ж. Руссо, Чудинов приходит к выводу, что «именно этот философ дал наиболее развернутое обоснование проекту государства-левиафана, подчиняющего все без исключения стороны жизни общества и каждого гражданина» (с. 42). Несмотря на то, что в «Общественном договоре» Руссо провозглашал и отстаивал принцип народовластия, он признавал, что народ далеко не всегда понимает, в чем именно состоит его подлинное благо. Но это должен понимать законодатель — просвещенный и умудренный опытом человек, который в системе Руссо предлагает законы на утверждение народа. В других его работах есть указание на то, что в ряде случаев не только законодателю, но и правительству дано понимать общее благо едва ли не лучше, чем основной массе граждан.

Таким образом, по мнению Чудинова, законодатели и правительство, объединенные во времена диктатуры монтаньяров в едином органе — Конвенте, фактически получали моральное право не только говорить от имени народа, но и влиять на него, преобразовывать, трансформировать тем способом и в том направлении, которые казались им разумными и оптимальными. Период революционного правления (1793—1794 г.) рассматривается автором как «попытка создать идеальное общество в соответствии с принципами одной из просветительских теорий» (с. 65). Отвергая весьма распространенную «теорию обстоятельство»⁴, объясняющую возникновение террора той непростой внутри- и внешнеполитической обстановкой, которая сложилась во Франции к лету-осени 1793 г., Чудинов полагает, что «робеспьеристы считали своим учителем Руссо и подобно ему видели в морали универсальный регулятор социальных отношений», а «все проблемы общества воспринимались ими прежде всего в этическом аспекте» (с. 69).

Однако этика робеспьеристов приходила в явное противоречие с реальностью. Анализируя взаимоотношения находившихся у власти монтаньяров с различными социальными группами французского общества того времени, автор приходит к выводу, что по сути дела робеспьеристы плохо представляли себе реальные нужды городского плебса и крестьянства, несмотря на то, что именно эти слои, по логике вещей, должны были оказаться наиболее «добродетельными», именно на них следовало бы сделать ставку в рамках той картины мира, где революция рассматривалась как часть вековой борьбы Добра и Зла.

Поскольку «умозрительный идеал робеспьеристов не отвечал подлинным чаяниям ни одного из сколько-нибудь значительных слоев французского общества» (с. 75), общество сопротивлялось их попыткам воплотить этот идеал в жизнь; и сопротивлялось тем больше, чем активнее он насаждался. Это сопротивление робеспьеристы и пытались сломить с помощью террора, который усиливался по мере усиления самого сопротивления. В итоге робеспьеристы получали замкнутый круг, разорвать который удалось лишь 9 термидора.

Профессор Высшей школы социальных наук П. Генифе в своей книге «Политика террора» смотрит на это явление совершенно с иной стороны⁵. Подзаголовок: «Эссе о революционном насилии. 1789—1794» уже говорит сам за себя. Террор трактуется историком, в первую очередь, как насилие, применяемое для намеренного устрашения, по большей части, осмысленное, запланированное, а не стихийное. Эксцессы, которые легко проследить начиная с первых дней революции, конечно, несли в себе элемент устрашения, однако природа стихийного насилия, насилия толпы совершенно иная. Автора же интересует, в первую очередь, насилие государства, нередко предполагающее, по самой своей природе, «различие между конкретной жертвой и реально намеченной целью» (с. 24). И здесь для XVIII в. французский опыт уникален: американская революция не знала ничего подобного.

Если рассматривать истоки террора под этим ракурсом, то они обнаруживаются задолго до 1793 г., фактически тогда, когда Учредительное собрание летом 1789 г. создает специальный комитет, для собирания информации о «подозрительных лицах» (что явно перекликается с монтаньярскими декретами о подозрительных), с осени того же года получивший право перлюстрации личной переписки. Законодательная власть встает на путь нарушения прав человека. Путь, вымощенный благими намерениями, но от этого не являющийся более легальным! Логичным продолжением этой линии стало признание исключительного права Собрания заниматься преступлениями «об оскорблении нации» (*crimes de lèse-nation*), так и не получившими никакого четкого законодательного оформления и даже не упомянутыми в Уголовном кодексе 1791 г. (с. 94).

Таким образом, для Генифе политика террора возникает в тот момент, когда власть присваивает себе полномочия нарушать права человека. Ее началом он считает 9 июля 1791 г., когда Учредительное собрание окончательно расстается со своими изначальными принципами и принимает решение, обязывающее эмигрантов под страхом наказания вер-

нуться в страну (нарушая, таким образом, право на свободное передвижение граждан) (с. 121—122).

Как только права человека нарушаются, дальнейшее применение террора уже не встречает на своем пути никаких преград, он начинает активно использоваться как средство политической борьбы, поскольку абстрактные формулировки законов позволяют группировкам, находящимся у власти, использовать их для устранения конкурентов. «Террор,— пишет Генифе,— это безжалостное следствие революции, рассматриваемой в динамике», поскольку ее радикализация объясняется не внутренними и не внешними обстоятельствами, а, прежде всего, «братоубийственной борьбой среди ее сторонников, соперничеством, противопоставляющим революционеров революционерам» (с. 227).

Иными словами, Генифе также отказывается от распространенных теорий (в том числе и от «теории обстоятельств»), объясняющих феномен террора. Он видит в нем борьбу за власть, в якобинский период уже окончательно потерявшую легальное основание. Находится ли существование государства в опасности (как это было осенью 1793 г.), обретает ли оно, напротив, все большую прочность (полгода спустя), террор постоянно остается в силе как орудие, которое власть не собирается выпускать из рук. Более того, по декретам, способствовавшим усилению террора, легко проследить и то, какой орган в той или иной момент представлял собой реальную власть. Так, например, знаменитый декрет от 22 прериаля (10 июня 1794 г.), с одной стороны, утверждает монополию центра на применение террора, а с другой,— придает Комитетам общественного спасения и общественной безопасности полномочия, практически равные полномочиям Конвента, выводя из-под его контроля в использование террористических мер (с. 282).

Таковы концепции обоих авторов. При их сравнении становится особенно ясно, что мы имеем дело, прежде всего, с двумя различными интерпретациями террора. Если для Чудинова это идеологическая утопия, лежавшая в основе политики, то Генифе, напротив, подчеркивает, что «речь более не шла об утопии», поскольку «в робеспьеристском дискурсе град добродетели не имел ни очертаний, ни наполнения» (с. 317), и рассматривает Робеспьера, как прагматичного политика, нацеленного не в завтрашний, а в сегодняшний день.

Попытка проследить, в какой мере обе эти концепции вписываются в доминирующие на сегодняшний день в историографии течения, приводит к весьма интересным и несколько неожиданным результатам. Логично было бы ожидать, что Генифе продолжит линию своего учителя — Фюре, традиционную для «критической» историографии революции. Однако тот воспринимал террор совсем по-иному. «Прежде чем стать совокупностью репрессивных институтов, используемых республикой для уничтожения своих противников и обеспечения своего господства посредством страха,— полагал он,— террор был требованием, основанным на убеждениях и политических взглядах, характерной чертой менталитета революционных экстремистов». А в 1793 г. террор превратился в «неотъемлемую часть революционного правительства», в «инструмент вездесущего правительства, посредством которого революционная диктатура Парижа намеревалась дать почувствовать свою железную руку повсюду, в провинциях и в армиях».

Фюре отказывается рассматривать террор, как порождение конкретных обстоятельств времен диктатуры монтаньяров. Обстоятельства лишь послужили питательной средой для развития идеологии, которая существовала до революции и независимо от нее. Политика всемогуща, ей противостоит лишь воля отдельных людей, которую можно (или даже необходимо) подавить во имя общего блага,— такова, по его мнению, логика робеспьеристов. Будущее принадлежит человеку обновленному, освобожденному от груза прошлого. Суверенитет народа должен занять место королевского суверенитета; он будет всевластен и не ограничен никакими институтами. И именно террор стал средством для проведения этих идей в жизнь ⁶.

В то же время концепция Чудинова весьма своеобразно взаимодействует с взглядами, характерными для советской историографии, доказывавшей необходимость террора, во многом диктуемой именно обстоятельствами. Ставя своей целью объяснить жестокость и накал террора, отечественные историки отмечали, что он «был направлен в первую очередь против сил роялистско-жирондистской контрреволюции», имел «буржуазный характер» и «антифеодальную направленность» ⁷. Эволюция террора нередко трактовалась в обратном направлении: он-де не стал к концу 1793 г. средством политической борьбы, а, напротив, перестал им быть. «В ту пору, когда отправляли на гильотину Шарлотту Корде, или бывшую королеву Марию-Антуанетту, или пойманных с оружием жирондистских депутатов,— отмечал А. З. Манфред,— революционный террор был средством политической борьбы». Когда же «он был перенесен из сферы борьбы против врагов революции в область

борьбы внутри якобинского блока», он сразу же «приобрел иное значение, иное содержание»⁸, о котором советские ученые так и не смогли прийти к единому мнению.

С одной стороны, этот этап трактуется как попытка якобинцев преодолеть главную опасность — «справа, от поднимающих голову буржуазии и собственнических элементов города и деревни», поскольку «трагедия ...якобинцев была в том, что, одерживая одну победу за другой, они приближали общество не к тому идеальному строю равенства и свободы, о котором мечтали, а совсем к иному — к господству богатых, к власти золота»⁹. И террор сыграл тем более роковую роль, что в условиях «единовластия буржуазии» он оказался направлен «не только против дворянско-буржуазной реакции (что было необходимо), но в известной мере и против плебейства»¹⁰.

С другой стороны, «с тех пор как Робеспьер отождествил себя с революцией, террор должен был сделаться для него исключительно средством самозащиты, самосохранения». В то время как враги Робеспьера в «великих комитетах» (общественного спасения и общественной безопасности) специально раскручивали маховик террора для того, «чтобы свалить ненавистный триумвират»¹¹, сам он «использовал проверенный опыт превращения в «заговор» любых проявлений несогласия»¹². В итоге, как писал Е. Б. Черняк, «из средства защиты революции террор стал для правящей группировки орудием удержания власти»¹³.

И, наконец, третий вариант, обозначенный Манфредом. Он вполне уживается с первым, хотя и признает его приоритет: «Терроризм Комитета общественного спасения, возглавляемого Максимилианом Робеспьером, был стремлением якобинских руководителей достичь кратчайшим путем лежащий где-то совсем рядом... основанный на «естественных правах» человека мир равенства и справедливости, мир счастья. Надо лишь продолжить к этому лучшему миру дорогу, железной рукой убрать всех стоявших на пути к счастью»¹⁴.

Хотя здесь видны явные параллели с мнением Чудинова, последнее едва ли можно считать развитием и доведением до логического завершения именно этого варианта истолкования террора, поскольку для советских историков было, в первую очередь, принципиально важно, чтобы оно вписывалось в общую концепцию борьбы с «феодализмом» и «буржуазией», тогда как Чудинов в принципе не переводит террор в плоскость классовой борьбы, превращая его в явление, основывающееся, прежде всего, на идеологическом фундаменте.

Помимо этого, возникает любопытный парадокс «перекрестных ссылок». Мысли, высказанные в 1988 г. Черняком с опорой на марксистское толкование революции, на первый взгляд, созвучны тем тезисам, к которым приходит в итоге Генифе, говоря о финальной стадии якобинского террора. А признание важнейшей роли утопических идей в генезисе террора позволяет нам увидеть определенное сходство между трактовкам Чудинова и Фюре, которые, однако, как и в первом случае, далеки от тождественности: для французского историка утопическое мышление — одна из составляющих террора, наличие которой он лишь констатирует, тогда как для Чудинова — это суть процесса, связанная с принципиальным изменением парадигмы мышления.

Это «взаимопереплетение» тем более любопытно, что оно происходит лишь в рамках тех историографических традиций, к которым принадлежат сами историки, поскольку решения, предлагаемые двумя другими ведущими направлениями в историографии Революции — «классическим» и «неоконсервативным» — привлекают их в минимальной степени.

Как известно, «классическая» историография рассматривала террор, как реакцию на то, что вся Европа объединилась против революционной Франции, на деморализацию армий, пустую казну. «Единственная сила оставалась во Франции: революционное правосудие»¹⁵, — не без патетики писал Ж. Мишле. Сегодня эту линию продолжают исследователи «якобинской школы», группирующиеся вокруг Института Французской революции и Общества робеспьеристских исследований. Террор для них — это явление, уходящее корнями в народное насилие времен Старого порядка. Суть террора в данной трактовке — «устрашение врагов Французской революции», «попытка революционного государства обеспечить военную и политическую победу над предателями и восставшими», а причины его возникновения — «война, угроза вторжения, контрреволюция, социальный кризис», то есть, иными словами, сложившиеся обстоятельства¹⁶. «Установление террора проистекало из углубления кризиса»¹⁷, — утверждал А. Собыль.

Для неоконсервативной историографии принципиально доказать: террор — это «логическое продолжение революции». Она, как и Генифе, рассматривает террор, как насилие, поставленное на службу революционному правительству, ставшее основой политики последнего. Однако это насилие используется не как элемент борьбы внутри правящей группировки, а как действие, направленное вовне — для того, чтобы удержаться у власти. Сам ход событий неизбежно приводил к применению террора: «Восставшая Франция нуждалась

в войне, война нуждалась в инфляции, инфляция нуждалась в терроре», — отмечает Р. Седийо. Остальные мотивы не представляют из себя ничего оригинального: Террор исполнялся якобинцами для того, чтобы держать в узде народные массы, бороться с контрреволюцией, преодолевать сопротивление провинций Парижу. В некоторых своих аспектах он даже оказался благотворен: «Яростно сражаясь с сепаратизмом, он сохранил французское единство, обеспечил неделимость» республики¹⁸. Фактически, здесь мы имеем дело лишь со своеобразным вариантом «теории обстоятельств». «Якобинский террор — это плод конъюнктуры»¹⁹, — прямо пишет Ж. Тюляр.

Иными словами, при прочтении книг Чудинова и Генифе возникает мысль, что мы имеем дело с двумя, в значительной степени, новыми и самостоятельными прочтениями проблемы террора, выводящими ее на иной, современный уровень. И все же обе интерпретации не учитывают, как нам представляется, в полной мере ряд факторов, «способных повлиять на восприятие данного сюжета в целом.

Прежде всего, хотя инициатива террора, как государственной политики, исходила из центра, его реализация на местах нередко не позволяет истолковать террор ни как побочный эффект красивой утопии, ни как действенный инструмент политической борьбы. Весьма показательными в этом плане являются процессы над «террористами», происходившие позже, уже при Термидоре. Так, когда во второй половине 1794 г. Революционный трибунал поставил своей целью выяснить, что в действительности происходило при якобинцах в Нанте (где репрессии, возглавляемые депутатом Конвента Ж. Б. Каррье приобрели массовый и одиозный характер), избранный им материал наглядно продемонстрировал, что широкий спектр проявлений террора (массовые расстрелы, нередко без суда и следствия, казнь детей и женщин, множество, утопленных в Луаре) не позволяет дать ему однозначного объяснения.

Вместе с тем, революционный комитет Нанта сумел не только поставить истребление людей на поток, но и создать своеобразные «штурмовые отряды» из деклассированных элементов (так называемая, рота Марата), пользовавшиеся практически неограниченной властью и являвшиеся исполнителями репрессий²⁰. Встающие со страниц протоколов образы членов этой роты (один из которых прикалывал рядом с кокардой уши убитых им «контрреволюционеров») при всей своей гротескности позволяют понять, почему в термидорианском дискурсе проводников террора нередко именovali «варварами», «кровопийцами» и «каннибалами».

Все это ставит вопрос, в какой мере эти люди руководствовались теми же мотивами, что и отдававшие им распоряжения революционное правительство или депутаты в миссиях (вопрос тем более принципиальный, что в историографии Каррье порой рассматривается как убежденный левый якобинец, один из последних монтаньяров²¹). Что считать, если мы говорим о провинциях, «перегибами», а что — заинтересованностью местных революционных комитетов в том, чтобы террор помогла им решать и свои частные проблемы (включая уничтожение старых политических элит, личное обогащение, наслаждение властью над жизнью и смертью и т. д.)?

Весьма характерно в этом плане то, что подобная ситуация фактически устраивала центральное правительство. Отчеты депутатов в миссиях (в том числе и Каррье) не раз с энтузиазмом утверждались Конвентом. Если попытаться поближе посмотреть на реорганизацию террористических органов в провинции, нередко напрашивается вывод, что их деятельность оказалась всерьез поставлена под вопрос только при Термидоре, как это хорошо видно на примере Бордо, где, кроме комиссаров Конвента, присутствовал личный друг и посланник Робеспьера М. А. Жюльен. Тем не менее, во времена диктатуры монтаньяров на все злоупотребления в работе военной комиссии Бордо закрывались глаза, а впоследствии, когда ее председатель Ж. Б. М. Лакомб предстал перед судом, основным пунктом обвинения было то, что он нередко выносил решения на основе тех сумм, которые ему платили виновные и невинные²².

Таким образом, не исключено, что террор не просто имел несколько уровней — возникает необходимость изучать последние в известной степени изолированно друг от друга. Мотивации в проведении террора в жизнь на уровне робеспьеристов в Париже и активистов в департаментах могли быть совершенно различны, причем может оказаться плодотворным различать собственно террор (как устрашение) и репрессии (уничтожение конкретных лиц).

Возникают сомнения и насчет того, в какой мере многочисленные петиции с требованиями ужесточения террора, позволявшие и робеспьеристам, и историкам толковать его как отклик на требования народных масс, действительно выражали чаяния последних, а в какой были лишь откликом на исходящую из центра массивную пропаганду. Анализ петиций

в Конвент непосредственно до и сразу после 9 термидора, проведенный Б. Бачко, показыва-ет, насколько быстро народные общества перешли от восхвалений политики «неподкупного» к обвинениям в адрес «тирана». Трудно не разделить и вывод этого историка о том, что террор в обе стороны взаимодействовал с социальными представлениями эпохи Революции: питал их и подпитывался ими, «фабриковал заговоры, которые заставляли всех врагов сливаться в единую обобщенную фигуру «подозрительного», и питался страхом и подозрени-ями, которые сам же порождал»²³. Однако этот сюжет явно нуждается в дополнительных исследованиях.

И, наконец, обе концепции оставляют открытым вопрос, насколько обоснованно вписы-вать французский опыт террора в череду европейских революций XVII—XX веков. Почему путь к идеалу, описанному в Библии, оказался для англичан гораздо менее кровавым, нежели путь французов к идеалу просветителей? Имел ли сталинский террор те же корни и причины, что и якобинский или же мы лишь по традиции называем одним и тем же словом два принципиально разнородных явления?

Разумеется, нельзя ожидать, что всего две новые работы сразу ответят на все вопросы, встающие перед исследователями. Важно другое: обе книги после долгого перерыва прово-цируют дискуссии по тому кругу проблем, который представляется нам принципиальным для понимания Французской революции.

Примечания

1. Подробнее см.: АДО А. В. Французская революция в советской историографии. — Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М. 1998, с. 316.
2. Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 73—99.
3. А. В. ЧУДИНОВ. Утопии века Просвещения. М. 2000.
4. Подробнее о наиболее распространенных теориях, объясняющих возникновение террора, см.: ЧУДИ-НОВ А. В. Суровое «счастье Спарты» (современники Французской революции о феномене террора). — Человек эпохи Просвещения. М. 1999.
5. P. GUENIFFEY. La politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire 1789—1794. P. 2000. На русском языке со взглядами П. Генифе на проблему террора можно ознакомиться по: ГЕНИФЕ П. Французская революция и террор. — Французский ежегодник. 2000. М. 2000.
6. FURET F. Terreur. — Dictionnaire critique de la Révolution française. P. 1988, p. 156—169.
7. РЕВУНЕНКОВ В. Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789—1814 гг. СПб. 1996, с. 363, 365.
8. МАНФРЕД А. З. Три портрета эпохи Великой Французской революции. М. 1979, с. 365.
9. МАНФРЕД А. З. Великая французская революция. М. 1983, с. 228.
10. РЕВУНЕНКОВ В. Г. Ук. соч., с. 366.
11. ЛЕВАНДОВСКИЙ А. П. Робеспьер. М. 1965, с. 249, 256.
12. МОЛЧАНОВ Н. Н. Монтаньяры. М. 1989, с. 507.
13. ЧЕРНЯК Е. Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции. — 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. М. 1989, с. 249.
14. МАНФРЕД А. З. Три портрета, с. 395.
15. MICHELET J. Histoire de la Révolution française. Vol. 2. P. 1979, p. 318—319.
16. MAZAURIC C. Terreur. — Dictionnaire historique de la Révolution française. P. 1989, p. 1020—1025.
17. SOBOUL A. La Révolution française. P. 1983, p. 359.
18. SEDILLOT R. Le coût de la Terreur. P. 1990, p. 18, 28, 29, 86.
19. TULARD J. La Terreur blanche est-elle le symétrique de la terreur jacobine? — La Vendée. Après la Terreur, la reconstruction. Actes du colloque. P. 1997, p. 187.
20. Подробнее о процессах Революционного комитета Нанта и Каррье см.: BACZKO B. Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P. 1989, p. 191ss.
21. См., например: ЛОВЧЕВ В. М. Жан-Батист Каррье в 1794 году. — Французский ежегодник. 2000, с. 136—167.
22. BÉCAMPES P. J.-B.-M. Lacombe, président de la commission militaire de Bordeaux (1789—1794). Bordeaux. 1953, p. 346. Единственное опубликованное без указания источника свидетельство, что Жюльен пытался выступить против Лакомба, однако ему не хватило полномочий, на наш взгляд, не слишком заслуживает доверия. (Ibid, p. 209).
23. BACZKO. B. op. cit., p. 45.

Возникновение и источники теории «колонизации» С. М. Соловьева

Ш. Сили

Не все знают, что крылатые слова В. О. Ключевского: «история России есть история страны, которая колонизируется» — фактически парафраза высказывания С. М. Соловьева полувековой давности: «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹. Теория русской колонизации, имеющая очень большое значение для последующего развития исторической мысли в России, впервые была разработана именно С. М. Соловьевым. Согласно его трактовке колонизация представляет собой специфический общественно-исторический феномен и движущую силу русского исторического процесса. Эту теорию Соловьев считал своим нововведением в историографию России и не считал нужным ссылаться на первоисточники. Однако обстоятельства возникновения теории «колонизации», а также ее методологические основы и предшествующие ей исследования, на которые опирался Соловьев, поддаются реконструкции.

Свою теорию «колонизации» он изложил в середине XIX в., когда, будучи вновь назначенным профессором Московского университета, приступил к подготовке лекционного курса по отечественной истории и параллельно начал работу над «Историей России с древнейших времен», которую он рассматривал как главный труд своего научного творчества. Теория «колонизации» была представлена в предисловии к первому тому, вышедшему в 1851 г., и в конце опубликованного в 1854 г. четвертого тома, где подводились итоги «древней» части русской истории от Рюрика до Ивана III. Однако сам термин «колонизация» впервые был употреблен Соловьевым в публичных лекциях, прочитанных весной 1851 г. в Московском университете и впоследствии опубликованных под названием «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого». В. Е. Иллерицкий подчеркивал большое значение этой статьи, которая в обобщенной форме излагала сущность взглядов Соловьева на историческое развитие Российской империи².

Соловьев установил, что территориальный рост русского государства с древнейших времен был предопределен заселением огромных пространств путем «колонизации». Восточно-славянское население систематически выделяло из своих рядов новых и новых поселенцев, которые проникали все дальше в глубь Евразии. На северо-востоке, где проживали финно-угорские народности, колонизация носила в основном мирный характер, ибо образы жизни пришельцев-земледельцев и аборигенов-звероловов дополняли друг друга. На юго-востоке, наоборот, крестьяне-колонисты вели непрерывную борьбу со степными кочевниками, а также с изгоями своего общества, полуварварскими казаками³. Славянское население находилось в постоянном движении. Оно искало наиболее оптимальные условия существования, осваивало непочатые богатства природы и сразу переходило на новое место обитания, как только возникала трудность в добыче пропитания или угроза своей безопасности. Князья, с одной стороны, поощряли освоение новых земель предоставлением льгот переселенцам, а с другой, старались заставить крестьян не покидать свои владения.

Соловьев стремился рассмотреть феномен русской колонизации в контексте мирового исторического процесса, указывая одновременно на ее специфику. «Два племени, которым принадлежит новая история Европы, славянское и германское, при разделении между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское — от северо-востока к юго-западу, славянское, наоборот, — от юго-запада

к северо-востоку». Он сравнивал расширение территорий русского государства с историческим процессом обретения европейскими державами заморских колоний. «Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому, — сухим путем». Соловьев считал, что освоенные благодаря труду ходивших с топором, плугом и косой русских поселенцев территории нельзя считать колониями, ибо они не отделены морем от метрополии, и с самого начала развивались как неотъемлемые части страны, хотя никогда не утратили характер целины ⁴.

Центральная идея общих исторических взглядов Соловьева заключалась в том, что «государство» (автократия), выступая носителем прогресса (распространения образованности), является продуктом борьбы между древними общинно-родовыми отношениями и новыми — государственными — порядками, основанными на частном землевладении. Именно развитие государства он и считал главным предметом исторических исследований.

Соловьев стремился преодолеть карамзинское наследие в русской историографии. Н. М. Карамзин также отождествлял государство с централизованной автократической монархией, но, согласно теории «завоевания» (А. Буленвилле), выводил возникновение государства на Руси из появления варягов. Территориальный же рост государства, по его мнению, это результат непрерывных наступательных войн ⁵.

Соловьев считал, что юридические атрибуты государственности и соответствующие общественные институты начали преобладать на Руси лишь с Ивана III. Распространяясь по Восточно-Европейской равнине, русские не встречали ни существенного сопротивления, ни государственных образований, созданных другими народностями. Вместо теории «завоевания» Соловьев выдвинул иную концепцию, способную объяснить процесс формирования жизненного пространства русского народа. Проблему эту он разрешил при помощи теории «колонизации».

Соловьев окончил Московский университет в 1842 г. и сразу же отправился на два года в путешествие по Западной Европе. Молодой историк посещал лекции знаменитых профессоров в Берлине, Гейдельберге, Париже, Праге. Вернувшись в Москву, он примкнул к западникам. Защитив в 1845 г. магистерскую, а в 1847 г. докторскую диссертации, он по собственному признанию, приступил к сбору и обработке материалов для написания «Истории России» в 1848 году ⁶. Следовательно, время зарождения соловьевской теории «колонизации» следует отнести ко второй половине 1840 годов, вероятнее всего к 1848—1850 годам.

В концепции Соловьева ключевую роль играет Владимиро-Суздальское княжество. Именно здесь складывались предпосылки самодержавного строя, поскольку именно там формировались те новые общественные порядки, которые базировались на праве вотчинного землевладения и принципе единовластия. С заселения этого края и берет свое начало многовековая колонизация России.

По убеждению Соловьева, в жизни любого этноса определяющее значение имеют три условия — его собственный характер, окружающая среда и отношения с другими народами. Первые два фактора находятся в тесном взаимовлиянии. Данная мысль восходит к учению К. Риттера об органической связи между природой и человеком. Начиная с середины XIX в. взгляды немецкого географа приобретают популярность в ученых кругах России. Член Санкт-Петербургской Академии наук Карл фон Бэр в своей статье, вышедшей в свет в 1848 г., утверждал, что физические свойства местности предопределяют судьбу не только целых народов, но и человечества. Бэр усмотрел причинность между переселением в колонии и ограниченностью природных ресурсов в метрополиях. Т. Н. Грановский в речи, произнесенной им на торжественном открытии второго семестра 1852 академического года, призвал освободить историю как научную дисциплину от тесных для нее рамок филологии, смело использовать результаты и методы естественных наук (прежде всего физиологии и географии). Молодой Соловьев отдал должное новым веяниям, когда первым из российских историков снабдил свой лекционный курс и свою монографию по истории России обстоятельным историко-географическим введением ⁷.

В статье «О влиянии природы русской государственной области на ее историю», написанной в 1848 г. и предназначенной быть эскизом многотомного труда, Соловьев определил две посылки: 1) между протяженностью государства и географическим пространством существует взаимосвязь, как и в случае России, которая в ходе истории постепенно заполняла ответственные ей природой естественные границы (рост территории Российского государства — следствие внутреннего органического развития); 2) регионы русской земли соединены речными системами, которые издавна служили естественными путями сообщения при переселении восточных славян. В первой из вышеупомянутых мыслей отражены тезисы К. Риттера, а во второй — идея З. Доленга-Ходаковского ⁸.

Соловьев не проводил самостоятельных исследований в области «древней» русской истории. При разработке теории колонизации он опирался, с одной стороны, на теоретические конструкции западно-европейского позитивизма, а с другой, на добытый российскими учеными фактический материал и выводы. В этом отношении он исходил главным образом из трудов Н. И. Надеждина и Г. Ф. Миллера.

Археолог и этнограф Надеждин упоминается в историографии как предшественник современных специалистов по исторической географии, хотя его статья, опубликованная в 1837 г., имеет принципиальное значение и для генезиса теории русской колонизации. На основании произведений древнегреческих и латинских авторов, русских летописцев, а также современных ему географов и славистов, используя прежде всего плоды исследований шведского языковеда А. Шёгрена, проведенных среди финно-угорских народностей Российской империи, Надеждин впервые доказал обоснованность предположений о постепенном перемещении восточных славян из юго-западного края Восточно-европейской равнины в северо-восточный. После анализа топонимики и нанесенных на карты лингвистических данных он пришел к выводу, что расселение славян в Европейской части и ассимиляция ими финно-угорских элементов происходили мирным путем. Этот многоступенчатый исторический процесс Надеждин назвал «заселением». В своей статье он применил и термин «колонизовать», но лишь в отношении Сибири и Северной Америки, изучение истории которых оставил вне поля внимания. Выражение «колонизовать» в трактовке Надеждина не содержит в себе момента этнического смещения⁹.

Труды Миллера о Сибири, в частности «Описание Сибирского царства», напечатанное в 1750 г. на русском языке, и его продолжение на немецком в номерах Санкт-Петербургского «Sammlung Russischer Geschichte» от 1763 г. произвели впечатление на Соловьева образностью представления о колонизационном процессе за Уралом. В первой главе первого тома своей «Истории России» Соловьев провел параллель между колонизацией Европейской и Сибирской части империи: «Распространение русских владений в Сибири, о котором можно иметь ясное понятие по дошедшим до нас памятникам, дает лучшее объяснение тому, как распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта... но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в котором обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь преимущественно происходило заселение, колонизация страны»¹⁰. Сам Миллер не употреблял термин «колонизация», однако в немецкоязычном варианте своего «Описания Сибирского царства» он обозначил русские поселения (главным образом земледельческие) в Сибири термином «colonie»¹¹.

Хотя и отсутствуют филологические подтверждения, тем не менее нельзя исключить, что Соловьев знал о возникновении в 1840-ые годы в Великобритании нового направления в политической экономии, получившего название «теории колонизации». Ее основоположниками стали Э. Уэйкфилд и Г. Меривейл. В конце 1830-х — начале 1840-х годов Меривейл читал лекции в Оксфорде, в которых отрицал целесообразность и полезность вмешательства центральной власти в распорядок и условия землеустройства в колониях. Он требовал полного самоуправления для поселенцев, чтобы сохранить их заинтересованность в развитии экономических связей с метрополией¹².

Противоположную позицию занял Уэйкфилд. В своем классическом труде, опубликованном в 1849 г., — «Взгляд на искусство колонизации в современном отношении к Британской империи в переписке между государственным деятелем и колонистом», он поставил перед правительством задачу создания новой системы выселения из метрополии¹³. Поселенцы в колониях сначала должны были трудиться на казенных предприятиях, как наемные работники, пока не заработают достаточно денег на выкуп собственного земельного участка, после чего они становятся самостоятельными фермерами. Из доходов от продажи им земельных угодий за специально завышенную цену образуется фонд, который обеспечивает издержки дальнейшего организованного переселения из метрополии.

Меривейл и Уэйкфилд считали нужным четко отделить новый научный термин «колонизация» от широкого толкования этого слова современниками и приблизить к смыслу, который оно имело в древнегреческом языке и латыни. «Колонизация», в понимании Меривейла и Уэйкфилда, это социально-экономический процесс, в ходе которого приехавшие в колонии для окончательного поселения иммигранты из метрополий занимают и осваивают земли, не вовлеченные в аграрное производство.

Семантика термина «колонизация», использованного Соловьевым при изложении русской истории не заключается в себе экономических и социально-экономических моментов. Взгляды Уэйкфилда и Меривейла распространялись на континенте в узком кругу специалистов и перешли в русскую научную мысль скорее со второй половины 1850-х годов благодаря влиянию трудов немецкого экономиста В. Рошера¹⁴.

Термин «колонизация» в середине XIX в. редко употреблялся в русском языке и представляет собой заимствование из латыни через французский. Выражение не вошло в лексиконы иностранных слов, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1845, 1847 и 1859 годах. Оно впервые появляется в 1862 г. в издании, составленном по образцу немецкого словаря Гейзе и трактуется как «заселение какой-либо страны»¹⁵. Однако термины «колонист» и «колония» фигурируют во всех вышеупомянутых лексиконах. К числу самых ранних документов на русском языке, в которых встречаются выражения «колония» и «колонист», относятся манифест и именной указ Сенату от 22 июля 1763 г. о порядке поселения иностранцев в России и данных им льготах, подписанные Екатериной II¹⁶.

Российские читатели ознакомились со словом «колонизация» не с подачи Соловьёва. В 1840-ые годы это выражение изредка применялось в рецензиях столичных журналов на труды иностранных авторов о прошлом и настоящем колоний западно-европейских держав и обозначало эмиграцию из метрополий, поселение и хозяйствование (почти исключительно земледелие). В своей работе о покорении Сибири (1849 г.) П. Небольсин использовал термин «колонизация» в смысле систематического правительственного переселения крестьян за Урал¹⁷.

Использование в русской исторической науке нового выражения из западно-европейской специальной литературы Соловьёву удалось. Термин «колонизация» постепенно превратился в стержневое понятие русской истории.

Первые тома «Истории России» были встречены противоречивыми оценками. Рецензенты сосредоточились прежде всего на главной мысли молодого историка о вызревании форм государственности из родовых отношений, подчеркивали новшество его тезиса об определяющем влиянии географических факторов, но оставили почти без внимания утверждение о значении колонизации в русском историческом процессе. В первом своем отзыве¹⁸ (1851 г.) даже К. Д. Кавелин не нашел нужным затронуть поставленную Соловьёвым проблему колонизации, хотя уже через десяток лет Кавелин рассматривает колонизацию как один из ключевых моментов своей исторической концепции, придавая особую важность этническому смешению, отчасти благодаря которому, великорусский народ, по его мнению, смог создать могущественное и прочное государство¹⁹. Журнал «Москвитянин» (М. П. Погодин), защищая караимскую традицию, усомнился в мирном характере овладения территориями Восточно-Европейской равнины и Сибири, не соглашаясь с тезисом об отсутствии государственности у финно-угорских народностей²⁰. Напротив «Московские ведомости» встали на сторону Соловьёва и поддерживали новую идею²¹.

Теория колонизации относительно быстро вошла в русскую историческую и общественную мысль. Объяснение этому кроется в социально-политической актуальности проблемы для российского общества²², а также во влиянии западно-европейских позитивистских (главным образом антропологических и натуралистических) и экономических учений. Н. Г. Чернышевский признал вклад Соловьёва в развитие отечественной исторической науки, однако считал преувеличением отведенную ученым роль колонизации в русском историческом процессе²³. А. И. Герцен использовал теорию колонизации для противопоставления России европейским странам и подчеркнул, что территориальный рост Московского государства — это результат не завоеваний с последующей эмиграцией в новые колонии, а следствие постепенного расселения великорусского народа²⁴.

Зарождение концепции русской колонизации стало непосредственным результатом синтеза накопленного российскими исследователями фактического материала и западно-европейских научных теорий. Новаторство и заслуга Соловьёва состоит в способности творчески синтезировать мысли своих предшественников и современников.

Исторические взгляды Соловьёва со временем претерпели коррективы. К 1870-ым годам он в значительной мере изменил свое ценностное суждение о роли колонизации в русском историческом процессе вследствие влияния идей Г. Т. Бокля и полемики с ними²⁵. Если у молодого Соловьёва колонизация выступала как позитивное явление, поскольку перенесение великокняжеской столицы в Северо-Восточную Русь содействовало вызреванию государственных порядков и возникновению централизованной монархии, то зрелый Соловьёв придавал колонизации негативное влияние на ход русской истории, поскольку она исчерпывала людские ресурсы, способствовала образованию низкой плотности населения, перманентной миграции, препятствовала распространению частной собственности на землю и применению наемного труда. В конечном итоге колонизация привела к относительно отсталому от западно-европейской цивилизации техническому и культурному уровню в России и усилила самодовлеющие тенденции в общественном развитии²⁶.

К концу своей жизни Соловьёв пришел к мысли, которая в 1920-ые годы станет лейтмотивом у евразийцев: «Россия есть государство пограничное, есть европейская

окраина, или крайна со стороны Азии. Это украинское положение, разумеется, должно иметь решительное влияние на ее историю»²⁷.

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М. 1987, с. 50; СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Сочинения в восемнадцати книгах. Т. 4 Кн. II. М. 1988, с. 631.
2. ИЛЛЕРИЦКИЙ В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М. 1980, с. 85.
3. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. XVI. М. 1995, с. 29, 35.
4. Его же. Соч. Кн. I, с. 58; кн. II, с. 631.
5. Его же. Соч. Кн. XVIII. М. 1995, с. 635; КАРАМЗИН Н. М. История Государства Российского. Т. I. М. 1989, с. 52, 99—101, 163, 387—388, 391; т. II—III. М. 1991, с. 171.
6. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. XVIII, с. 574—593, 631.
7. Его же. Соч. Кн. XVII. М. 1996, с. 7, 706. Бывший студент Риттера, Н. Фролов опубликовал подбор лекций немецкого профессора и отрывки из его главного труда «Die Erdkunde» в русском переводе. См.: Географический сборник. Т. II. М. 1853. Русское Географическое общество во второй половине 1850 годов приступило к изданию на русском языке некоторых томов «Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine Geographie» под заглавием «Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею»; БЭР фон К. М. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества. Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского Географического общества. СПб. 1848, с. 230, 233; ГРАНОВСКИЙ Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. — Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 74. Отд. II. СПб. 1852, с. 12—14.
8. СОЛОВЬЕВ С. М. О влиянии природы русской государственной области на ее историю. — Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 4, (апрель) Отд. II, с. 229—244; ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКИЙ З. Пути сообщения в древней России. — Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. Т. I. М. 1837.
9. НАДЕЖДИН Н. И. Опыт исторической географии Русского мира. — Библиотека для чтения. Т. 22, ч. 2. Отд. III. СПб. 1837, с. 39, 78.
10. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 1, с. 58.
11. MÜLLER G. F. Sibirische Geschichte. Ahtes Buch. In: Sammlung Russischer Geschichte. Des achten Bandes. Drittes Etüd. St. Petersburg. 1763, p. 200, 218, 223, 234, 237, 239, 242, 244, 246, 251.
12. MERIVALE H. Lectures on Colonization and Colonies, Delivered before the University of Oxford in 1839, 1840, and 1841 (reprinted in 1861 by Herman Merivale). Lnd. 1928, p. 274.
13. WAKEFIELD E. G. A View of the Art of Colonization in Present Reference to the British Empire in Letters between the Statesman and a Colonist. N. Y. 1969.
14. ROSCHER W. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig und Heidelberg. 1856, p. 2—59.
15. Карманный Словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка, издаваемый Николаем Кириловым. Выпуск. I. СПб. 1845, с. 117.; Справочный Энциклопедический Словарь. Т. VI. Ч. 2. СПб. 1847, с. 776—777; Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. СПб. 1859, с. 69; Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск II. СПб. 1862, с. 239.
16. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XVI. (1762—1765). СПб. 1830, с. 312—316.
17. НЕБОЛЬСИН П. И. Покорение Сибири. СПб. 1849, с. 104.
18. КАВЕЛИН К. Д. Собрание сочинений. Т. I. СПб. 1897, стб. 413—508.
19. Там же, стб. 583—676.
20. Москвитянин. Кн. 2, № 18, (сентябрь). М. 1851 с. 335—423.
21. См. Москвитянин. Кн. 2, № 24, (декабрь). М. 1851, с. 585—596.
22. В связи с отменой крепостного права в 1861 г. в российских общественных и научных кругах шла оживленная полемика об общине, переселенческой политике правительства и землеустройстве на колонизируемых окраинах империи. Политико-экономический комитет при Русском Географическом обществе организовал публичные дискуссии о проблемах колонизации в отношении к России в марте и мае 1861 г. См. газету: «Век». СПб. 1861, № 15, (12 апреля), с. 3 и № 21, (31 мая), с. 2.
23. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. М. 1949, с. 401.
24. ГЕРЦЛ А. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. VIII. Петроград. 1919, с. 410.
25. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. XVII, с. 7—16.
26. Его же. Соч. Кн. XVII, с. 733—735; его же. Об историческом движении русского народонаселения. СПб. 1867, с. 10, 22.
27. Его же. Соч. Кн. XVII, с. 709.

В этой книге собраны труды доктора исторических наук, профессора РГГУ Н. И. Басовской за тридцать лет ее научной и преподавательской деятельности. Они сгруппированы по трем основным «узлам»: теория и методология истории, история средних веков, вопросы гуманитарного (особенно исторического) образования; к последней теме органично примыкают эссе, очерки и рассказы, написанные специально для студентов, школьников и вообще любителей истории. Автор широко использует опыт отечественной и зарубежной медиэвистики, с большим уважением пишет о своих учителях и коллегах — С. Д. Сказкине, Е. В. Гутновой, М. А. Заборове, А. Я. Гуревиче и др.

Басовская четко формулирует свою позицию в отношении истории. Уже заголовок книги подчеркивает самоценность и значимость этой отрасли общественного, гуманитарного знания. Она убеждена в том, что соблазнительная хрестоматийная формула — «история — учитель человечества» достаточно поверхностна и банальна. С нее «легко соскальзывает серьезный, взвешенный, критический, может быть сколько-то философичный взгляд на историю» (с. 5). История, считает автор, не учит; если бы она была подлинным учителем человечества, последнее было бы совершенно иным. Об этом очень убедительно свидетельствует весь исторический опыт.

Автор стремится — и довольно последовательно — придерживаться системного подхода к историческому прошлому; ее отличает также историзм и плюрализм при рассмотрении событий, персонажей и процессов мировой истории. Теоретико-методологические проблемы анализируются автором на широко привлеченных конкретных фактах, на основе которых и обобщается исследуемый ею исторический процесс.

Из тем и проблем, особенно привлекающих и интересующих Басовскую, на первом месте стоит соотношение централизаторской и универсалистской тенденций в развитии средневекового государства. Басовская стремится повернуть внимание историков от «канонических, правильных», какими рассматривались английская и французская монархии позиций, от воплощенной в их истории централизаторской тенденции к реально предремонстрировавшему себя в их средневековой истории универсализму, который проявил себя в создании государства, способного обеспечить ширящиеся доходы

и социальную стабильность. Развитию универсалистской тенденции, указывает автор, способствовал экстенсивный характер экономики, низкий технологический уровень, экспансионистская политика, борьба за всевозможные «наследства» (с. 14—15).

Тенденция к созданию универсалистского государства, показывает на конкретном историческом материале Басовская, являлась таким же «правилом» как стремление к политической централизации. Противоборство и одновременное существование центростремительных и центробежных сил в феодалном государстве, было примечательной чертой последнего.

В книге приведены многочисленные примеры конкретного проявления указанных тенденций. Особенно подробно освещена история «Анжуйской империи» Генриха II Плантагенета, принадлежавшей последнему Гаскони. Обратил автор внимание и на французскую политику в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Пиренейском полуострове, а также на универсалистские тенденции на этом последнем. Обильный фактический материал на этот счет содержит и история франко-английского противоборства в XIII в. и, разумеется, во время Столетней войны.

Наблюдения Басовской и сформулированные ею обобщения свидетельствуют о необходимости совершенствовать и углублять исследование международных отношений средневековой Западной Европы, применят системный анализ взаимоотношений тогдашних государств. Привлекает внимание важный авторский тезис о взаимосвязанности (даже взаимообусловленности) «внутренней» и «внешней» политики западноевропейских государств.

Автор констатирует, что в последние годы грани и связи этих политик стали рассматриваться в нашей историографии в более широком плане. «Внешней политике», а соответственно и международным отношениям отводятся уже не второстепенные, ограниченные политикой рамки, а анализируются в подлинном смысле системно, с учетом широкого круга весьма существенных аспектов — характера экономики, социальных отношений, специфики средневековых государств, менталитета соответствующей эпохи. Обобщив свои наблюдения над Крестовыми походами, деятельностью Генриха II Плантагенета, английской политикой в Гаскони, Людовиком IX Святым, Филиппом I Барбароссой и Столетней войной

Басовская приходит к выводу: «Жестокое разделение политики феодальных государств на «внешнюю» и «внутреннюю» — такая же условность, как и понятие «линия горизонта» (с. 43).

Специальный очерк посвящен идее империи в политической культуре традиционных обществ, которая приобрела в условиях средневековья универсалистский характер в силу реального хода исторических процессов, возросшей значимости духовно-религиозного компонента и развития вассально-ленных связей. Автор справедливо и обоснованно уделил внимание роли природно-географического фактора в истории, что имеет особое значение, когда к анализу исторического процесса применяется системно-цивилизационный подход.

В очерках, посвященных гуманитарному образованию и его роли в современных условиях (с. 449—475), с большой силой и весьма убедительно подчеркнута значимость этого блока и в среднем, и в высшем образовании. На новом витке цивилизации, подчеркивает Басовская, необходимо «вернуться к элементам синтеза негуманитарных и гуманитарных наук в образовании негуманитариев» (с. 453). Актуальность этой проблемы предполагает необходимость обратить серьезное внимание на содержание учебников и пособий, уделить внимание «человеку, его деятельности, и в первую очередь — деятельности духовной» (с. 454). Конкретно речь идет о преодолении «фетишизации исторической закономерности», которая фактически трактуется как чуть ли не фатальная неизбежность, а люди выглядят как довольно жалкие марионетки «в механизме действия неумолимого закона», как слепые исполнители его суровой воли. «А ведь носитель

воли — именно человек, который проявляет свое индивидуальное сознание согласно или вопреки конкретной исторической обстановке, желаниям и чувствам масс, правительств, классов» (с. 458).

Все содержание книги, в том числе и в значительной роли увлекательные и содержательные популярные рассказы и очерки из области конкретной истории как бы развивают заголовок книги и авторский тезис об истории как учителе человечества. По мнению Басовской, люди изучают историю не «для, а потому что» человечеству, каждому социуму, отдельному человеку органически присуще стремление к самосознанию, постижению своего близкого и отдаленного прошлого.

Справедлива мысль автора, что самая большая сложность исторического познания в том, чтобы отделить познаваемый объект от познающего субъекта, вырваться из пут схем, догм, «закономерностей» и понять роль человека «с его страстями, чувствами, мыслями, подчас непредсказуемыми и не прогнозируемыми никакими законами, действиями и постулатами» (с. 8). Если история чему-то и учит человечество, то в первую очередь «движению к самому себе... постижению собственных метаний, заблуждений и достижений на пути к вечным нравственным ценностям» (с. 9).

Современный этап отечественной историографии, и это убедительно свидетельствует рецензируемая книга, характерен углубленным вниманием историка-исследователя к эмоциональным, психологическим, духовным критериям в истории человечества.

Р. Е. КАНТОР

В. И. ГОЛДИН. *Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е гг.)*. Архангельск. Изд-во Боргес. 2000. 280 с.

В 80-х гг. — 90-х гг. начался радикальный пересмотр привычных представлений о гражданской войне. С середины 90-х гг. на первый план выдвинулась на первый взгляд неприметная, но кропотливая работа по обновлению фактологической базы исследований, тщательному, документальному анализу, воссозданию реальных перипетий гражданской войны, как на общероссийском, так и особенно на локальном, местном уровне. Эту работу затрудняют многообразие тем, сюжетов, точек зрения, масса изда-

ний, вышедших в России и за рубежом (не говоря уже о несовершенстве современной библиографической информации, системы распространения книг). Тем ценнее и актуальнее миссия, взятая на себя профессором, проректором по научной работе Поморского государственного университета доктором исторических наук В. И. Голдиным.

Автор сумел охватить большинство сколько-нибудь значимых работ последнего периода, изложить, классифицировать и прокомментировать их проблематику, ос-

новые подходы и выводы, обозначить ряд неисследованных проблем. Ему удалось охарактеризовать основные тенденции новейшей отечественной, а во многом и западной историографии, выделить основные причины гражданской войны, показать новые концепции и современные подходы к проблеме движущих сил, социальных групп, интервенции, антибольшевистскому движению, итогам и последствиям войны.

Автор подчеркнул отличия новейшей отечественной историографии от советской. Если последняя трактовала гражданскую войну с позиций героизма защитников советской власти, то уже с конца 80-х гг. стали акцентироваться ее трагизм, братоубийственный характер. От апологии классового подхода и «ленинской концепции» исследователи перешли к идеологическому и «методологическому» плюрализму; от истории преимущественно советской, «красной» — к противникам большевиков, «непролетарским» партиям. В последние годы внимание отечественных историков начинает перемещаться от военных, политических, классовых проблем к социокультурным аспектам, попыткам осмыслить историю сквозь призму взглядов и действий различных социальных и локальных групп населения, конкретного «маленького» человека. Качественно расширилась источниковая база, успешно развиваются региональные научные центры изучения гражданской войны: в Ростове-на-Дону, Тамбове, Нижнем Новгороде, Томске, Казани, Архангельске и др. (с. 22—23).

В англоязычной историографии тоталитарная школа уступает свои позиции «ревизионистам», и вместо жестких, откровенно антибольшевистских схем, собственно политической истории, растет интерес к исследованиям «снизу», социальной истории, поведению и менталитету масс (с. 29). В 90-х гг. в центре дискуссий оказались новые книги Р. Пайпса, ярко продемонстрировавшие неототалитарный подход¹. М. Малиа, П. Кенез и многие другие историки критически оценили эти написанные сильно, но явно односторонние, пристрастные труды, фактически проигнорировавшие результаты работы целого поколения западных исследователей. Вместе с тем В. Н. Бровкин выступил с жесткой критикой «ревизионистов», которые подчеркивая, в противоположность сторонникам тоталитарной школы, массовую поддержку большевиков, всерьез даже не задумывались о том, что победу в гражданской войне можно было одержать и вопреки воле большинства населения. В ходе этих дискуссий наметилось некоторое сближение позиций. Часть «ревизионистов» признала

отдельные упреки в свой адрес, в том числе определенную недооценку роли политики. Р. Суни поставил вопрос о необходимости «постмодернистского синтеза» политической и социальной школ (с. 33, 34).

В отечественной историографии, на наш взгляд, еще не вполне оформились четкие научные школы, направления; дискуссии пока не ведутся на достаточно высоком уровне обобщений. Но, в целом, как показывает Голдин, современные историки отказываются от прежних схем и пытаются рассматривать гражданскую войну как сложный, многокомпонентный конфликт и апофеоз революции (В. П. Дмитренко), как часть системного кризиса российской империи (В. П. Булдаков) и т. д. Многие историки, вслед за японским ученым Х. Вадой и другими «ревизионистами», в той или иной мере следуют концепции «пучка» революций 1917 г. (рабочей, солдатской, крестьянской, национальной, региональной и т. п.) и их последующего «расколлапирования», вызвавшего гражданскую войну, а точнее, множество войн. Подобный подход плодотворен, но далеко не нов. Хотя он и способствует более тонкому анализу множества противоречивых процессов гражданской войны, но тем не менее лишает ее целостности. В настоящее время все более настоятельно ощущается потребность в синтезе, в действительно новых, обобщающих подходах. Процесс новой концептуализации гражданской войны еще далеко не завершен.

Это проявляется в трактовке принципиальной проблемы истоков и причин гражданской войны. Указав на некорректность лежащего в ее основе искомого вопроса — «Кто виноват?», Голдин добросовестно разбирает, как новейшая историография определяет основные факторы, предопределившие «неотвратимость и масштабность» гражданской войны. Автор считает невозможной точную датировку ее начала и предпочитает говорить о «стадиях вползания России в гражданскую войну» (с. 40). Эта распространенная ныне точка зрения — шаг вперед по сравнению с прежней, советской, жестко разделявшей Октябрьскую революцию и гражданскую войну и возлагавшей ответственность за последнюю на «интервентов и белогвардейцев». Впрочем данная позиция представляется паллиативом, своего рода компромиссом, отразившим и отсутствие до сих пор адекватного определения гражданской войны, и популярность концепции «пучка» революций, а отсюда — «множества» гражданских войн и неувядающее у некоторых историков стремление снять с большевиков ответственность за развертывание братоубийственной войны.

Необходимо все же разграничить вспышки насилия, нараставшие с Февраля 1917 г. и связанные с брожением масс, со сменой власти и ее нестабильностью, от целого периода длительной, вооруженной борьбы за власть и собственность, развернувшейся с 24 (25) октября 1917 года. Вопреки своей последующей позиции, сам Ленин в ноябре 1917 г.— марте 1918 г. многократно говорил о шедшей в России гражданской войне². Поэтому, представляется правомерным выделить в гражданской войне, по меньшей мере, три периода: «локальный» — с октября 1917 до весны-лета 1918 г., «глобальный» — до осени 1920 (в Европейской части России) и вновь «локальный» — в виде многочисленных, едва ли не повсеместных восстаний конца 1920—1922 гг. Окончание этого периода, отмеченное подавлением крупнейших восстаний (Тамбовщина, Украина и т. д.) и резким спадом волны вооруженного сопротивления снизу, совпадает с завершением гражданской войны на Дальнем Востоке. Окончательно уточнить периодизацию позволят компаративистские исследования (Голдин справедливо отмечает, что данная проблема уже обозначилась в отечественной историографии), а также разрешение давнего и принципиального вопроса, были ли Февраль и Октябрь 1917 г. двумя революциями или все же одной?

Уже со второй половины 80-х гг. среди советских и западных историков вспыхнули дискуссии о классовом содержании гражданской войны. По мнению автора, в новейшей литературе социальные процессы рассматриваемого периода характеризуются противоречивостью, мозаичностью и маргинализацией. Гражданскую войну уже не рассматривают лишь как классовое противоборство. Некоторые современные исследователи ставят под сомнение и даже опровергают положение советской, а во многом и западной — «ревизионистской» — историографии, что большевики вели за собой большинство населения (с. 99, 100). Даже среди рабочих, традиционно рассматривавшихся как главная опора большевиков, наблюдалась глубокая дифференциация, что показали многочисленные забастовки и антибольшевистские выступления рабочих. Деревню многие авторы рассматривают сквозь призму крестьянской революции, а точнее как столкновение антифеодальной и общинной революции с городской, государственной и антикапиталистической, отразивших конфликт радикальных и традиционных ценностей. В. П. Данилов и Т. Шанин полагают, что крестьянская революция 1917 г. трансформировалась в крестьянскую войну против боль-

шевистского режима. В связи с этим вновь обсуждается вопрос о причинах победы красных в крестьянской по преимуществу стране. В. В. Кабанов видит ответ в традиционном подчинении крестьян власти, в «чарах революции» и надеждах на «светлое» будущее, стремлении бедноты возвыситься над односельчанами, индифферентности значительной части деревни, широких репрессиях и т. д. (с. 85, 86). Американский историк М. Левин и некоторые другие исследователи отмечают бесплодность драматической крестьянской революции, приведшей к «архаизации сельского мира» и примитивизации всей общественной жизни.

Голдин подчеркивает, что интеллигенция объективно усилила ожесточенность противоборства и сама явилась одной из жертв этой войны. Автор привлекает внимание к выводам С. А. Федюкина, утверждающего, что позиция интеллигента далеко не всегда определялась его социальным происхождением, профессиональной принадлежностью и иерархическим рангом. Опираясь на работу Э. Модсли, Голдин справедливо отмечает, что, как это не парадоксально, но из историографии гражданской войны во многом выпала такая важная категория, как солдаты и матросы (с. 95). В изучении городских средних слоев в последние годы были достигнуты заметные результаты. В. В. Канищев показал, что большевики получили поддержку лишь «уравнительно-коммунистической» и «беспринципно-карьеристской» их части. Но основная масса средних слоев оказалась неспособной к организованной и решительной борьбе с Советской властью. Актуальной и малоисследованной проблемой, делает вывод Голдин, остается поведение и психология бывших помещиков, предпринимателей, чиновников, состоятельной интеллигенции.

Современные исследователи отказались от привычных для советской литературы объяснений гражданской войны внешним вооруженным вмешательством, видя в ней прежде всего внутрисоветские корни. Тем не менее для некоторых регионов, в том числе для Русского Севера интервенция, по мнению автора, остается ключевой проблемой, определившей многие особенности гражданской войны (с. 103). Исследования последнего периода касаются связи начала интервенции Антанты весной 1918 г. с планами воссоздания Восточного фронта против немцев, глубоких противоречий между союзниками, советско-германских и советско-польских отношений, попыток большевиков подтолкнуть революции в Европе и на Востоке и т. д.

Нынешняя историография проявляет большое внимание к антибольшевистскому

движению (за последнее десятилетие, как отмечает автор, по этой теме было издано не менее 30-ти монографий и учебных пособий, 40 докторских и кандидатских диссертаций.— с. 119). Несомненные успехи достигнуты в изучении политических партий, вождей, программ и состава антибольшевистского движения. С. В. Устинкин выделил в нем следующие направления: русское офицерство и казачество; старая бюрократия и привилегированные классы; правые политические течения; либеральные партии и прежде всего кадеты; социалистические и демократические течения; часть рабочих и крестьян, недовольных продразверсткой, снижением жизненного уровня и большевистской диктатурой (с. 122). Антибольшевистские силы рассматриваются дифференцированно, учитывается их противоречивость.

В. Д. Зимина отмечает, что модели белого государственного устройства совмещали тоталитарные и демократические, военные и гражданские начала, но в целом были близки к авторитаризму. Они были неадекватны народным представлениям о справедливом государственном порядке (с. 128). Одним из парадоксов белого движения являлось то, что, несмотря на стремление к диктаторской власти, в нем так и не нашлось харизматических лидеров, полноценных претендентов на роль диктатора. Противоречий белому движению добавляла и борьба сторонников прозападного и традиционного направлений, Антанты и Германии. До сих пор дискуссионным и недостаточно разработанным вопросом, по мнению Голдина, остаются взаимоотношения антибольшевистского движения с интервентами. Требуются дальнейшие исследования социальных основ, национальной, культурной политики антибольшевистских сил, партийных и межпартийных отношений внутри них.

С конца 1980-х гг. был достигнут заметный прогресс в демифологизации государственного строительства и советской демократии, выявлении их реальных доктринальных основ, механизмов и эволюции (Е. Г. Гимпельсон и др.), взаимоотношений профсоюзов и советского государства (А. Ф. Киселев), ряда направлений национальной политики, хотя в целом она остается недостаточно исследованной. Одной из важных в современной историографии тем стало революционное насилие и красный террор. А. Л. Литвин, В. Г. Бортневский и некоторые другие авторы попытались раскрыть, как отмечает автор, «сложную диалектику становления и развития красного и белого террора», его общие и отличительные черты. Еще ждут своего изучения «черный» (анархистский), «зеленый», петлюровский и прочие

разновидности террора. В. П. Булдаков привлёк внимание к психосоциальным аспектам революционного насилия. В последние годы стала активно разрабатываться прежде малоисследованная история ВЧК, а отчасти и других спецслужб. Однако, как подчеркивает автор, изучение этой темы, по сути, только разворачивается (с. 180—181).

Одной из традиционных, но по-прежнему актуальных тем в отечественной и зарубежной историографии остается социально-экономическая политика, военный коммунизм. Работы В. П. Дмитренко, В. В. Кабанова, С. А. Павлюченкова, В. А. Мау, С. Малли и др. по-новому раскрыли ряд проблем и сюжетов, но отнюдь не расставили все точки над «и». Дискуссии, как по общим, так и по частным вопросам этой, казалось бы, весьма разработанной темы, продолжаются. Заметно активизировалось изучение культуры, духовной сферы. С новых позиций анализируется тема культурной революции, пропаганда, система образования, интеллигенция, Пролеткульт и соответствующие персоналии. Исследуются такие прежде малоизученные темы, как церковь, символика и ритуалы той эпохи, положение женщин, семья и брак и т. д.

Обобщая выводы, касающиеся причин победы большевиков, автор отмечает, что они не сводятся лишь к относительной слабости антибольшевистских сил. Он указывает на такие факторы, как контроль над центральной частью страны, подчинение всей жизни общества интересам вооруженной борьбы, использование противоречий в рядах противника, цементирующая роль партии большевиков, наличие харизматического вождя — Ленина, успехи в государственном строительстве, большая, чем у остальных противоборствующих сторон, поддержка народа и т. д. (с. 212—215). В конце приводятся различные оценки потерь населения в гражданскую войну (от 4 до 18 млн чел.) и отмечается недостаточная исследованность этой проблематики. Касаясь итогов гражданской войны, в частности, связи ее со сталинизмом, Голдин пишет, что «парадокс истории заключается в том, победа революционных сил в 1917 г., казалось бы, открыла возможность для рождения и укрепления демократии, но перерастание в гражданскую войну ... уничтожили эту возможность». Первая часть этого вывода представляется спорной, к тому же четкое разграничение революции и гражданской войны, на наш взгляд, вряд ли корректно. Впрочем, подобные оценки во многом отражают незавершенность и противоречивость развивающихся историографических процессов.

В целом книга Голдина очень полезна для любого исследователя или человека, интересующегося периодом гражданской войны. Она не только знакомит с массивом новейшей литературы, но фиксирует современный уровень разработки соответствующих проблем, дает представление об основных подходах и выводах, обозначает ряд дискуссионных вопросов и неисследованных сюжетов.

С. В. ЛЕОНОВ

Т. В. ОСИПОВА. *Российские крестьяне в революции и гражданской войне*. М. Издательство «Стрелец». 2001. 400 с.

Монография доктора исторических наук, профессора Института повышения квалификации и переподготовки работников народного образования Московской области Т. В. Осиповой на материалах огромной базы источников объясняет, почему несмотря на горький опыт династии Романовых, сменившие их деятели Временного правительства, а затем большевики не могли найти ответ на вопросы двух дилемм российской социально-политической истории начала XX века — реформы или революция, мир или война. (Ленин все же понял необходимость реформ и мира, но лишь в начале 1921 года.) Рецензируемая работа завершает многолетний цикл исследования автором темы о непонятном политиками разного толка великомученике и становом хребте России, ее крестьянстве.

Автор повествует, как на разных переломных этапах 1917—1920 годов крестьянство пыталось быть услышанным и понятым верхами и активом российской политической элиты, и как ему в этом отказывали почти все власть предержащие и к чему это вело.

События 1917 года рассмотрены историками нескольких поколений. И тем не менее на каком то конкретном факте, событии, действующем лице, тот или иной исследователь в прошлом непременно «подрывался» по причине политизированности и идеологической составляющей избранной им темы, что и сегодня дает о себе знать. Осипова ушла от идеологемных оков. Она избрала и новый ракурс анализа (объективистская отстраненность), и новые подходы (масштабность анализа, его глубина и всесторонность) к трактовке даже хорошо известного материала, а также ранее игнорировавшихся или незамечаемых фактов.

Повествуя о крестьянстве России в революции 1917 г., автор ненавязчиво знако-

Примечания

1. ПАЙПС Р. Русская революция. Ч. 1—2. М. 1994; его же. Россия при большевиках. М. 1997.
2. См.: ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 53, 126, 135—137, 151, 164, 186, 192, 211, 212, 243, 268, 369; т. 36, с. 79.

мит нас с особенностями аграрного вопроса в Европейской России, напоминая, что это не только шесть крупных регионов, включавших 28 губерний страны, но и этническое, экономическое, духовное и культурное сердце России. Аграрный сектор охватывал 163,2 миллиона десятин земли. Около 35% этого массива находилось в частной собственности. Но 394 хозяина владели 15 миллионами десятин и столько же земли было у 1 миллиона 650 тысяч крестьян (1:4188). И еще одно сопоставление: 43 миллиона крестьян-общинников и 4,5 миллиона собственников. Однако, «большинство крестьян-собственников, как и общинники, не могли создать товарного хозяйства... И они арендовали примерно 35 млн. дес., за которые ежегодно платили 525 млн. рублей золотом» (с. 6). Заслуживает особого внимания мысль Осиповой о крестьянах-собственниках, не имевших возможности создать товарное хозяйство.

Главная беда деревни, как показано в книге, — малоземелье, аграрный голод. Автор приводит показательный пример: «700 крестьянских дворов села Евдокиевка... Богучарского уезда Воронежской губернии имели 434 десятины наделной земли... и 660 дес. купчей... Они вынуждены были арендовать у частных владельцев еще 2860 дес... И даже вместе с этой арендованной, крестьяне имели в среднем всего по 5,6 дес.» (с. 6). А чтобы прожить, крестьянской семье требовалось минимум 10 десятин, иными словами крестьяне имели чуть более половины прожиточного минимума, то есть, нищенствовали.

Февраль 1917 г. открыл дорогу для решения второй главной задачи на пути перехода к индустриальному обществу — аграрной. И здесь возникла поистине парадоксальная ситуация: понимали особую значимость и не-

отложность земельной реформы почти все деятели правительства, актив ведущие политических партий, представители аграрной науки, члены многочисленных согласительных комиссий. Но отсутствовало осознание необходимости максимально быстро и радикально решить этот вопрос в интересах большинства крестьян (а это, напомним, четыре пятых всего населения страны, три четверти солдат Действующей армии и многочисленных тыловых гарнизонов). Нищее крестьянство после Февраля стало активным субъектом политической жизни страны и включилось в рамках Советов крестьянских и солдатских депутатов в общегосударственный процесс принятия решений.

Целых восемь месяцев различные комитеты Временного правительства, согласительные комиссии съездов земельных собственников и крестьянских Советов пытались найти взаимоприемлемое решение. Требовалось дополнить Февральскую революцию аграрным переворотом, как основным. Но кадеты игнорировали доводы эсеров, те, в свою очередь, «не принимали аргументы кадетов, народных социалистов и других оппонентов» (с. 45) А время шло. И крестьянство, понимая, что теперь помещиков и других крупных землевладельцев защищать практически никому, решало вопрос по своему.

Глухота и слепота власти по отношению к основной массе населения страны поразительны! За 1917 г. отмечено свыше 15 тысяч выступлений крестьян против помещиков и их сторонников из числа зажиточных землевладельцев (с. 52). А. Ф. Керенский пытался защитить собственников. Посылалась войска, грозные директивы, но деревня поступала по своему. И случилось то, что должно было случиться. Крестьянский фронт, а он действовал весьма мощно, оттянул на себя те силы, средства и внимание Временного правительства, которых ему как раз и не хватило для подавления большевиков. Уже после ликвидации движения генерала Л. Г. Корнилова «правительство признало необходимым образовать особые комитеты по борьбе с аграрными беспорядками, наметило меры по усилению милиции на местах: увеличило средства на ее содержание, расширило штаты за счет боевых офицеров и солдат из числа георгиевских кавалеров» (с. 55). Весь конец лета и начало осени, Временное правительство упорно и неустанно боролось с крестьянством, а большевики тем временем стремительно наращивали свое влияние.

Рождение советского строя деревня не очень заметила. Но Декрет о земле большинство крестьян признало, и ставка правых

эсеров на Учредительное собрание не состоялась, тем паче, что даже лишившееся кворума после ухода левых (осталось менее 200 депутатов из 400). Учредительное собрание приняло 10 пунктов Закона о земле, повторявших ленинский декрет (с. 66).

Когда и почему началось противостояние крестьянства и большевиков? Литература по этому вопросу огромна. Но Осипова оказалась более точной и главное лаконичной: «10,5 млн. безземельных и малоземельных крестьян... даже получив землю, не могли создать товарного хозяйства, поскольку не имели, или почти не имели инвентаря, скота, семян» (с. 73). Дать необходимое новая власть и при желании не могла — подорванная войной экономика задыхалась от непосильных расходов, город же требовал от села продукты питания, товарная масса которых имелаась, во-первых, в ограниченном количестве, во-вторых, только у зажиточной части деревни.

Политический водораздел между большевиками и левыми эсерами особенно резко проявился в процессе введения продовольственной диктатуры. Левые эсеры бросили все свои силы на противодействие, а среди крестьян и сельской интеллигенции эти их силы были значительны. В итоге и без того полупровальное дело оказалось отягощено военно-политическим противостоянием бывших союзников. О его масштабах и формах мы знали и ранее. В монографии о происходившем в деревне рассказано подробно.

Во-первых, многие села центральных районов страны подобно городу были охвачены голодом. Во-вторых, повинувшая партийной установке, левозерсовские кадры продовольственных комитетов саботировали сбор и поставку продовольствия в голодающие районы. В-третьих, РКП(б) и сам Ленин не разобрались толком, где есть хлеб, а где его нет. Это в итоге привело к неоправданным мерам по отношению к среднему и зажиточному крестьянству. В-четвертых, левая установка на раскол в деревне между богатыми и бедными была не только непродуктивной, но и ошибочной, ибо формировала активный антисоветский фронт из зажиточного и части близкого к нему среднего крестьянства. Определенное осознание этой ошибки у Ленина появляется весной 1919 г., когда он на VIII съезде РКП(б) ставит задачу создания союза с середняком.

Что же значимого дал крестьянству Октябрь 1917-го? Долгожданный (мечта десятков поколений) черный передел; ликвидацию главного врага деревни — дворянства. Что потеряло крестьянство в октябре 1917-го? Возможность превращения

в полноправного собственника, право на выбор форм и методов развития села.

Начавшаяся гражданская война поставила крестьянство перед тяжелейшим выбором: вернуть помещику землю, власть, богатство и вновь оказаться у старого разбитого корыта, в состоянии нищеты и безысходности, или покориться диктатуру рабочего класса, звавшего к дальнейшему развертыванию революции. Тысячелетний импульс ненависти оказался сильнее. И все же крестьянство колебалось весь 1918-й и часть 1919-го года. Решающую роль сыграла отнюдь не пропаганда большевиков, а прямое непонимание белыми сущности крестьянского менталитета.

Две главы книги («Между двух диктатур год 1918» и «Диктатура коммунистов в деревне») практически представляют собой летопись противостояния крестьянства с красными и белыми. Социальный эксперимент в деревне, связанный с созданием комитетов бедноты, сразу же получил отторжение в основной массе крестьян, и большевикам пришлось менять установку внедрения политического, экономического и финансового (в виде чрезвычайного налога, штрафов и контрибуций) контроля полупролетариев над жизнью села на создание союза бедноты и середняков в рамках тогдашнего конституционного органа — волостных и уездных советов. Как шла борьба за подчинение советов партийному контролю, в книге рассказано подробно и убедительно.

Превращение волостных и уездных советов в приводной ремень партийного аппарата не помогло этим органам стать властителями дум и настроений крестьянства. Более того в его среде, как ответ на стремление РКП(б) провести большевизацию сельских и волостных советов, уже в конце 1918 г. получает признание идея беспартийности советов. Но значительную поддержку эта идея получила позднее. 1919-й год вынудил крестьян думать над другим. И главными причинами стали продрозверстка, гужевая повинность и призыв в армию.

О продрозверстке написано многое. Умалчивались, однако, детали. А они то и оказались существенными. «Натуральные повинности и налоги превышали их объем времен крепостного права... Тяжелым бременем для крестьян были обязательные поставки для армии транспортных средств — лошадей, конной упряжи, подвод» (с. 298). «В 1919 г. убыль лошадей составила 54%» (с. 301). Сама по себе печальная цифра говорит еще о двух крупных бедах села. Половина крестьян либо лишилась второй лошади, либо потеряла единственную, а это значит,

что они уже не могли даже обрабатывать свой надел.

И крестьянство от безысходности, либо бралось за оружие, громя продотряды, либо саботировало выполнение различных повинностей, в том числе призыв в армию. Беспредел работников уездных ЧК и продотрядов стал главной причиной «чапанной войны», охватившей тыл Восточного фронта во время наступления Колчака в марте 1919 года. 180 тысяч восставших крестьян, таков масштаб этой войны. И еще один пример. В трех аграрных губерниях (Орловской, Курской, Воронежской) за первую половину 1919 г. произошло 238 восстаний крестьян. И это обеспечило белому движению ослабление тыла Красной армии, удачный прорыв конного корпуса генерала Мамонтова, развал Южного фронта.

Осипова значительно внимание обратила на три важных момента противостояния крестьянства и большевиков весной и летом 1919 года. Момент первый: «В центре страны не оказалось политической партии, способной возглавить разрозненную и стихийную борьбу крестьян». Момент второй — масштабность дезертирства из рядов Красной Армии — «за все месяцы второго полугодия 1919 г. — 1545 тыс. человек» (с. 316). Момент третий — парадоксальный. Власть большевиков могла и должна была пасть под напором крестьянского гнева. Но у крестьян был и другой — главный противник — дворянство, интересы которого защищало белое движение. Реальная угроза возвращения помещиков, на некоторое время серьезно сбила волну крестьянского сопротивления режиму диктатуры пролетариата. «В Тамбов, Тулу, Рязань и другие города дезертиры возвращались тысячами, требуя оружия и отправки на фронт. В эти месяцы в армию вернулось 975 тысяч дезертиров, из них 95,7% добровольно» (с. 320). «Крестьянский фронт гражданской войны» (глава пятая), особенно по трем обозначенным моментам, охарактеризован особенно интересно. На фоне этих материалов, конечно, блекнет содержание заключительной части книги «Девятый вал крестьянского сопротивления» (с. 322—341), где речь идет о том, как крестьянство вынудило большевиков вернуться в экономике к основополагающим принципам либерализма новой экономической политики, сердцевиной которой стали свобода торговли и свобода предпринимательства. Осипова доказала в монографии две истины: первая — крестьянство проложило большевикам дорогу к власти в октябре 1917 г., получив взамен от них земли помещиков; вторая — победив в гражданской войне белых и крас-

ных, крестьянство оставило у власти большевиков, вырвав у них свободу экономической деятельности.

Десятилетиями считалось, что крестьянство России было только объектом политики.

В. К. ГРИГОРЬЕВ

Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАН. *Свободное слово Герцена*. М. «Эдиториал УРСС». 1999. 528 с.

«Никакие завоевания освободительной борьбы не могут быть гарантированы, если не опираются на значительное, весомое число внутренне свободных или освобождающихся людей»¹. Эта фраза из статьи Натана Яковлевича Эйдельмана (1930—1989) о публикации в герценовском «Колоколе» воспоминаний И. В. Лопухина — родовитого дворянина, служившего при Екатерине II, ее сыне и внуке, действительного тайного советника и «скрытого» якобинца (как доносил Александру I граф Ф. В. Ростопчин), а на самом деле — необыкновенного правдивого вельможи, «который судит по правде, взятку не берет, ни перед кем не гнется»², один из главных принципов мировоззрения как А. И. Герцена, так и самого Эйдельмана.

Герцен наряду с «Письмом из провинции» со знаменитым «К топору зовите Русь»³ печатал записки и рассуждения весьма умеренных для XIX в. представителей века прошедшего, не выступавших даже против отмены крепостного права — Е. Р. Дашковой, М. М. Щербатова, И. В. Лопухина. И не только ради обличения самодержавия перед широким читателем, но для того, чтобы продемонстрировать своим «молчаливым» современникам действительно свободных личностей.

Эйдельман напоминает, что еще в самом начале своей деятельности Герцен видит свою главную цель в том, чтобы разбудить общество: «У нас нет никакой системы, никакого учения. Мы равно приглашаем наших европейцев наших панславистов, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных. Мы исключаем одно то, что будет писано в смысле самодержавного правительства, с целью упрочить современный порядок дел в России, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтобы его заменить свободными и народными учреждениями. Что же касается до средств, мы открываем настежь все двери, вызываем на все споры».

Прогресс человеческого общества, по убеждению Эйдельмана, состоит прежде всего в том, чтобы расширить свободу личности на основе признания священных прав

Осипова своей книгой утверждает — не только объектом, но и активным, действующим субъектом политики.

человека. Он писал: «такие люди очень не похожи на нынешних, многие их взгляды, например, на крепостное право, принадлежат к «предрассудкам» давнего времени. Однако, свободный, хороший человек, — пусть по-иному свободный, чем потомки, — личность, сумевшая не раствориться среди множества «согласных»: такая личность — одно из главных приобретений любой цивилизации; ее надо беречь»⁴.

Уже после смерти Натана Яковлевича один из его коллег — Н. Н. Покровский заметил, что на фоне «отчаянных попыток страны вырваться из мертвящих пут тотального огосударствления, особенно заметна главная его идея — осуждение этактизма», против чего, собственно, и сражался Герцен. Тема сокрытой властями истории России становится основной для Эйдельмана. «Я хорошо помню, — писал Покровский, — свое первое впечатление от ее чтения — поразительная раскованность, смелость выражения мыслей. Умение населить книгу образами живых людей»⁵.

В разгар дебатов Б. П. Козьмина и М. В. Нечкиной Эйдельману удается избежать ленинской формулы о «либеральных колебаниях Герцена». А ответ Эйдельмана на вопрос об авторстве знаменитого «Письма из провинции» и вовсе выглядит крамольным для тех времен. Ведь он не просто нашел новые аргументы в пользу авторства Н. А. Добролюбова, а использовал этот сюжет при раскрытии идейной позиции Герцена, характеристике его отношения к насильственным формам низвержения устоявшейся общественной организации, то есть позиции, резко разграничившей издателя «Колокола» и неистовых сторонников народного бунта.

Автор старается понять Герцена не при помощи вульгарных социологических схем, а подчеркивая его честность и благородство, стремление избежать беспощадной революционной ломки, всячески стимулируя поступательное движение общества, воодушевленного свободной мыслью, пытаясь заставить верховную власть понять, что

«сдавленный пар взрывает машину, если не умеют ее направлять». Почти та же мысль о Герцене обнаруживается в посвященной ему работе И. Берлина: «Скептическая нота, в частности пессимизм по поводу того, до какой степени можно изменить людей, и еще более глубокое сомнение в том, приведет ли такое изменение, если бесстрашным и успешным революционером ... удастся его осуществить, к более справедливому и свободному строю, — эта зловещая нота звучит у него даже в 1847 году»⁶.

Но гражданская и профессиональная смелость Эйдельмана заключалась уже в одной попытке объяснить правду «не только штурмовавших Бастилию..., но и тех, кто отрицали, не принимали Марата, Робеспьера... расстрелянную Вандею, сожженный Лион» объяснить нравственными категориями разлад в стане декабристов, мучительные колебания Никиты Муравьева, поставить под сомнение консерватизм Н. М. Карамзина, выявить его истинные политические пристрастия. «Если бы не было подобных людей, — напишет Эйдельман об этих героях своих книг, — решительно не принимавших террор и кровь, то на первый взгляд прогрессу было бы легче пробиться, но более глубокие размышления откроют нам, что человечество не думающее о средствах, о нравственных вопросах немного бы стоило: оно озверело бы, съело бы само себя, не смогло бы в конце концов воспринять тот самый прогресс»⁷.

К вопросу о цели и средствах Эйдельман неоднократно возвращался, уделяя все более пристальное внимание деятелям либеральным, вообще передовой интеллигенции начала XIX-го, а потом и XVIII века: «Колокол», «Полярная звезда», декабристы, Пушкин... А от Пушкина — 18 век»⁸. В «Тайных корреспондентах «Полярной звезды» (М. 1966) как бы обозначился план дальнейших работ Эйдельмана, здесь обнаруживаются большинство героев и сюжетов его будущих книг и статей.

Он делился с другими историками еще неизведанными «тайнами», подсказывая, например, как много может открыть экземпляр романа «Что делать?» с герценовскими пометами на полях или неизвестные долгорукские бумаги, проливающие свет на ряд затемненных пятен истории. «От князя — эмигранта видимые и незримые нити тянутся к тайнам двенадцати царей, пяти государственных переворотов, к сотне гсыльных декабристов ... ко многим страницам Герцена и, наконец, к преддзельным дням Пушкина» (с. 407).

Эйдельман очень честен в своих поисках

исторической правды, действительных мотивов, определивших поступки героев его книг. Он не боится цитировать, сопоставлять и объяснять противоречивые тексты, особенно пристальное внимание уделяя появлению на свет исследуемых им документов. Он один из первых ставит вопрос о репрезентативности исторического источника, о воссоздании духовной ауры истории. В нарисованном Эйдельманом портрете Герцена появляется совершенно неожиданный штрих: Александр Иванович не был, оказывается, непримиримым атеистом, напротив «относился с уважением и сочувствием к людям чистой и искренней веры» (с. 356).

Перед читателем целый kaleidoscope выразителей русской общественной мысли — тут и авантюрный «кривоногий» князь Петр Долгоруков, обвиняемый в авторстве «диплома» — пасквиля против Пушкина, приведшего к дуэли, и утопист П. Бухметьев, и отчаянные студенты Харьковского университета, и пианист-аристократ Ю. Н. Голицын, уважавший Герцена и защищавший Александра II. Герцен часто не соглашался со своими корреспондентами, однако, все равно сотрудничал с ними. Он стремится вести к минимуму эти разногласия, желая увидеть действительно свободных людей, выступающих против режима. Даже книги, схожие по накалу негодования, но абсолютно противоположные по ориентации — Радищева и Щербатова — Герцен публикует вместе. Он занят поисками истоков спора западников и славянофилов — «друзей-врагов», «своих».

И таких «своих» было много. В 1941 г. историк М. М. Клевенский, рассказывая о тайных корреспондентах «Полярной звезды», назвал большинство из них безымянной массой⁹. Но Эйдельман показал, что это были очень разные люди, отнюдь не сборище шаблонных революционеров, радикалов, консерваторов. Люди очень различные, порой, весьма средние, подчас глубоко верующие — студенты, князья, купцы, чиновники, священники, в том числе и такие корифеи русской литературы как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. И Эйдельман, опираясь на кропотливые научные и доказательные исследования, нарисовал длинный ряд многочисленных личностей, действительных участников истории.

Эйдельман не просто повествует о сотрудничестве корреспондентов с Вольной типографией и о деятельности самого Герцена, но побуждает задуматься над сутью дискуссии, в которой каждый собеседник не опасался выступить как личность. Здесь, пожалуй, с наибольшей силой проявляется одно из главных свойств «историософии» Эй-

дельмана — его крайне обостренное чувство исторического времени. Это очень чутко восприняла составитель и научный редактор рецензируемой книги Е. Л. Рудницкая: «Созвучие общественных потребностей двух эпох в истории России объясняет тот поразительный факт, что, только начав осваивать эту глыбу, вернее, только приступив к ее освоению, Эйдельман не только понимал, но осознал, как бы уже влился в значимость явления» (с. 17).

А. Г. Тартаковский в предисловии к уже цитированному сборнику «Из потаенной истории России» подчеркивал значение просветительских усилий Эйдельмана, стремившегося привить своим слушателям и читателям новое, раскованное и освобождающееся от догм мышление. Этими идеями и проникнута рецензируемая книга.

И. В. ВОРОБЬЕВА

Примечания

1. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. «Идет куда-то...» — В сб.: Из потаенной истории России. 18—19 веков. М. 1993, с. 335.
2. Там же, с. 323.
3. ГЕРЦЕН А. И. Полн. собр. соч. Т. 10. Пг. 1919—1925, с. 232.
4. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. «Идет куда-то...», с. 323.
5. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Проблемы истории России в трудах Н. Я. Эйдельмана.— Вопросы истории, 1990, № 8, с. 165, 162.
6. БЕРЛИН И. Александр Герцен и его мемуары.— Вопросы литературы, 2000, Апрель—Май с. 123.
7. Цит. по: ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Ук. соч., с. 167.
8. Цит. по: ЧУДАКОВА М. О Натане Эйдельмане. Еще не вспоминая — помни. Тыняновский сб. Четвертые Тыняновские чтения. Рига. 1990, с. 323.
9. КЛЕВЕНСКИЙ М. М. Герцен — издатель и сотрудник.— Литературное наследство. Т. 41—42. М. 1941, с. 572.

Československo — sovětské zťahy v diplomatických jednáních 1939—1945. Dokumenty. Díl I (březen 1939 — červen 1943). Státní ústřední archiv v Praze. Praha. 1998. 627 str.; Dokumenty. Díl II (červenec 1943 — březen 1945). Státní ústřední archiv v Praze. Praha. 1999. 663 str.

Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939—1945. Документы. Том 1 (март 1939 — июнь 1943), том 2 (июль 1943 — март 1945).

Первый том двухтомника архивных материалов (265 документов) охватывает период от ликвидации чехословацкого государства гитлеровской Германией и ее сателлитами и по июнь 1943 г., когда развернулась активная подготовка эмигрантского правительства и президента Э. Бенеша к подписанию союзного договора с СССР). Второй том (264 документа) — с июля 1943 г. по март 1945 г. — завершается возвращением чехословацкого правительства и Бенеша на родину.

Составители двухтомника — известные чешские историки — архивисты: Я. Немечка, Г. Новачкова, И. Штёвичек и М. Тейхман. Основная масса документов впервые извлечена из 7 чешских архивов (Прага), словацкого, Гуверского института (при Стенфордском университете) и Государственного российского архива внешней политики. Каждому тому предпослан очерк о чехословацко-советских отношениях рассматриваемого периода, даны обзор основных публикаций источников и литературы, характеристика использованных составителями архивных фондов.

В издании представлен весь комплекс

многогранных советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны. Основные тематические группы: состояние чехословацко-советских отношений с 1939 г. до начала Великой Отечественной войны; становление Чехословацкой республики — союзника СССР; подписание в Москве в декабре 1943 г. президентом Бенешом советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимопомощи¹; переговоры Бенеша с советскими руководителями в марте 1945 г. об углублении дружеских экономических и военных связей.

Проблемам чехословацко-советских отношений посвящена воспроизведенная в книге обширная шифропереписка посла ЧСР в СССР Зд. Фирлингера с руководителями министерства иностранных дел чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Я. Масариком и Г. Рипкой, а также и президентом Бенешом. Фирлингер упоминает о своих беседах с советскими дипломатами — М. М. Литвиновым, В. М. Молотовым, А. Я. Вышинским, С. А. Лозовским, А. Е. Корнейчуком и другими.

В документальных материалах, письмах

Фирлингеру упоминается о встречах чехословацких дипломатов и Бенеша с советским послом в Англии И. М. Майским, представителями СССР при чехословацком правительстве И. А. Чичневым, П. Д. Орловым, А. Е. Богомоловым и В. З. Лебедевым. Приводятся записи встреч Бенеша и его сотрудников с У. Черчиллем, А. И. Иденом, Э. Рузвельтом и Г. Гопкинсом. Представляют интерес дневниковые записи начальника канцелярии президента ЧСР Я. Смутного и комментарии секретаря Бенеша Э. Таборского. Информацию дополняют сообщения главы чехословацкой военной миссии в Москве Г. Пика. Всего в этом томе 84 документа, относящихся к 1939—1941 годам.

16 марта 1939 г. Бенеш (находившийся тогда в Чикаго) обратился к Англии, Франции, США и СССР с призывом осудить поведение Германии, приведшее к ликвидации чехословацкого государства (т. I, с. 42—43). Правительства Англии и Франции, выступавшие после Мюнхенского сговора, как гаранты целостности Чехословакии, не ответили на призыв Бенеша. Правительство США также официально не заявило протест, хотя в личной беседе Рузвельт заявил Бенешу 28 мая 1939 г., что США не признают германского протектората. Лишь нарком М. М. Литвинов вручил 18 марта 1939 г. германскому послу в СССР Ф. В. Шуленбургу ноту протеста². 13 мая 1939 г. Бенеш обратился в Совет Лиги Наций и одновременно к Ж. Бонне (Франция), лорду З. Галифаксу (Англия) и В. М. Молотову, излагая мотивы своего протеста против оккупации Чехословакии. Лига Наций 23 мая 1939 г. отказалась от предложения советского делегата И. М. Майского обсудить вопрос о положении в Чехословакии (т. I, с. 50—52, 69—70).

В сложном и неясном положении, начиная с марта 1939 г., оказалось чехословацкое посольство в Москве (об этом свидетельствуют нечеткие инструкции Бенеша Фирлингеру и неопределенные высказывания советских дипломатов). Это было связано с ликвидацией чехословацкого государства, провалом англо-франко-советских переговоров и заключением СССР договора о ненападении с Германией (т. I, с. 43—50, 71—72, 101—102, 112, 120, 131—133). Под давлением Германии, как говорится в отчете Фирлингера Бенешу, СССР признал клерикально-фашистское правительство Словакии. 25 декабря 1939 г. чехословацкое посольство было закрыто, Фирлингер покинул Москву и в тот же день в Кремле состоялась аудиенция словацкого посла Ф. Тисо — брата И. Тисо (с. 109, 137). Вместе с тем представители советского правительства, в частности, шеф

протокола В. Н. Барков, неоднократно заявляли Фирлингеру, что советское правительство по-прежнему не признает протектората Чехии и Моравии (там же, с. 137).

Как свидетельствуют архивные документы, советская разведка еще с мая 1939 г. поддерживала контакты с резидентурой чехословацкого сопротивления в протекторате «Обрана Лиду» (Й. Балабан, В. Крайна), находившейся под контролем Бенеша. Начальник чехословацкой разведки в Лондоне Я. Моравец сообщал русской разведке о военных приготовлениях немцев, их настойчивом желании запугать Россию, убедить в необходимости примкнуть к странам оси (там же, с. 163, 145—147, 188).

Интересен первый документ о встрече Бенеша с Черчиллем 18 апреля 1941 года. Судя по записям Бенеша, Черчилль говорил о ближайших перспективах войны Германии с СССР, о готовности немцев напасть на Россию в ближайшие месяцы, захватить Украину, что, впрочем, не даст им больших результатов. Черчилль выразил уверенность, что «нам будет оказана большая помощь, если Россия будет воевать, ... и мы еще будем друзьями, если дойдет до войны» (там же, с. 186—187).

Основная часть материалов первого тома посвящена непосредственно чехословацко-советским отношениям после начала Великой Отечественной войны. Уже на второй день Бенеш высоко оценил выступление Черчилля 22 июня (с. 192—193). Начиная с письма начальника чехословацкой военной миссии в Москве полковника Г. Пика от 24 июня 1941 г. советскому правительству (посланному через НКВД СССР), чехословацкая сторона настойчиво добивалась признания эмигрантского правительства Советским Союзом. Уже 18 июля 1941 г. в Лондоне было подписано первое после 1935 г. соглашение между правительством СССР и правительством Чехословацкой республики (И. Майский — Ян Масарик)³. В нем говорилось не только об обмене посланниками (позже в 1943 г. — послами) и совместной борьбе с гитлеровской Германией, но и о создании на территории СССР чехословацких воинских частей. К 27 сентября 1941 г. было подписано соглашение между верховными командованиями СССР и Чехословакии о порядке формирования на территории СССР чехословацких частей⁴.

Несколько удивляет, что в рецензируемом издании отсутствуют документы об отношениях чехословацкого правительства и самого Бенеша к успешным действиям чехословацкого батальона вместе с советскими частями под Харьковом (март 1943 г.)

и чехословацкой бригады в ноябре 1943 г., участвовавшей в освобождении Киева. Между тем советская сторона высоко оценила мужество и героизм, проявленный чехословацкими воинами⁴.

Главную задачу движения Соппротивления в самом протекторате сформулировал советский дипломат и разведчик И. А. Чичаев, заявив в беседе 9 октября 1942 г. с полковником Моравцем о необходимости усилить саботаж на заводах Шкода, прекратить производство на заводах, поставлявших вооружение вермахту (т. I, с. 398). По непонятной причине составители первого тома исключили из беседы Бенеша 30 мая 1942 г. с английскими дипломатами (т. I, с. 340) информацию об организации покушения на Гейдриха. Отсутствуют и документы об отношении чехословацкого правительства и Бенеша к уничтожению гитлеровцами деревень Лидице и Лежаки.

Во втором томе определенное место занимают документы, посвященные советской военной помощи Словацкому национальному восстанию. Уже 1 сентября 1944 г. Фирлингер и Пик изложили в Москве Вышинскому основные пожелания чехословацкой стороны об оказании помощи словакам, срочной посылке авиации, поставке оружия, в том числе и частям, сформированным в СССР. Советское правительство быстро реагировало на просьбы чехословаков: в ночь с 3 на 4 сентября на аэродром «Три дуба» (недалеко от Банской-Быстрицы) были доставлены первые партии оружия и боеприпасов. Пожелания чехословацкой стороны, о чем свидетельствуют многие документы, быстро выполнялись⁵. Фирлингер высоко оценил советскую помощь (т. II, с. 312—313).

Серьезным испытанием подписанного 8 мая 1944 г. «Соглашения об отношениях между Чехословацкой администрацией и Советским главнокомандующим после вступления советских войск на территорию Чехословакии» (подготовленное чехословацкой стороной)⁷, стали события в Подкарпатской Руси (Закарпатская Украина). В соответствии с этим соглашением туда прибыл чехословацкий правительственный делегат Я. Немец, но к этому времени там развернулось движение украинских националистов, добивавшееся при поддержке местных советских властей — отделения от ЧСР и присоединения к Советской Украине⁸. В результате, как свидетельствуют документы, возникла конфликтная ситуация (т. II, с. 338—425). Разрядка наступила в конце января 1945 г. после обмена письмами между И. В. Сталиным (от 23 января 1945 г.) и Бенешем (от 29 января 1945 г.) (с. 470—477, 483—

484). Была выражена готовность решить судьбу этой территории в процессе переговоров правительств ЧСР и СССР.

В самом конце 1944 г. и в начале 1945 г., согласно приведенным в томе документам, советское правительство настаивало на скорейшем признании Чехословакией нового польского правительства Э. Осубка-Моравского. Чехословацкое правительство требовало от польского публично осудить политику министра иностранных дел Польши Й. Бека, признания домюнхенских границ, осуждения нападения Польши на Чехословакию в 1938 г., и др. Фирлингер в письме от 3 января 1945 г. писал, что новое «правительство Польши бесчисленное количество раз отказывалось от старой бековской политики, от всех актов агрессии ... и дальше нет необходимости говорить о Тешине, так как это ясно относится к признанию наших старых границ» (т. II, с. 428, 433—434, 476). В связи с колебаниями чехословацкого правительства в отношении признания новой Польши, представляется важным заявление Рипки Чичаеву в Лондоне от 13 января 1945 г. на счет того, что акт признания со стороны чехов может привести их к конфликту с Англией (там же, с. 456). Английское правительство и ранее мешало укреплению чехословацко-советских отношений (стремилось помешать и затянуть подписание союзного договора между ЧСР и СССР в 1943 г.). На решение чехословацкого правительства согласиться по рекомендации СССР на признание польского правительства реально повлияло то, что словацкая сторона понимала: в данной обстановке, только СССР может сыграть важную роль в восстановлении ее предмюнхенских границ (в том числе возвращении Тешина), как и в послевоенном возрождении экономики страны (II, с. 456). В результате чехословацкое правительство признало новое польское правительство.

Приводятся в издании и документы, свидетельствующие о стремлении Чехословакии заключить перемирие с Венгрией (т. II, с. 457—461). Чехословацкое правительство выдвинуло ряд предварительных требований, а советская делегация полностью поддержала чехословацкую сторону.

Большое значение для развития чехословацко-советских отношений имели двухнедельные переговоры в марте 1945 г. в Москве, в которых участвовали Бенеш, Я. Шрабек (глава правительства), Я. Масарик (министр иностранных дел), а с советской стороны — Молотов, Вышинский и Зорин. В заключительной части II тома приведены документы, согласно которым были положительно решены вопросы о помощи

СССР освобожденным районам ЧСР, предоставлении железнодорожного транспорта, использовании румынских портов для импорта Чехословакии (т. II, с. 508—509, 518). В ответ на меморандум Бенеша о создании новой чехословацкой армии, Сталин обещал вооружить 10 чехословацких дивизий (там же, с. 528—529, 535—537). Фактически был решен вопрос о вхождении Закарпатской Украины в СССР (там же, с. 520—522, 526—527). Детально были обсуждены границы будущей ЧСР, условия ее перемирия с Венгрией, вопросы военных трофеев и о трансфере немецкого и венгерского меньшинства из Чехословакии (с. 505—508). Велись переговоры и о создании нового правительства Национального фронта чехов и словаков.

Приведенные в обзоре двухтомника материалы убедительно свидетельствуют, насколько обширен был объем и важен характер проблем, которые решались правительствами ЧСР и СССР и их дипломатами в ходе второй мировой войны.

Ф. А. МОЛОК

Примечания

1. См. публикацию В. В. Марьиной «Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.)». — Вопросы истории, 2001, № 1, 3.
2. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Том 3. Июнь 1934 г. — март 1939 г. М. 1978, с. 607, 608.
3. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 — декабрь 1943. М. 1987, с. 129.
4. Dokumenty a materiály k dejinám Československo-sovětských vztahů, díl 4/1. Praha. 1982, s. 197—199.
5. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 1. М. 1981, с. 276—277, 284—285, 288—290, 291—295.
6. Там же. Т. 4, кн. 2, с. 124, 213.
7. Dokumenty a materiály k dejinám Československo-sovětských vztahů. Díl. 4/2. Praha. 1984, s. 91—93.
8. Československo-sovětske vztahy Praha. 1999, s. 362—363, 364—367.

Обучение немецких детей на территории Калининградской области в 1946—1947 учебном году

Калининградская область имеет особое географическое положение и историческое прошлое. До 1945 г. ее территория относилась к немецким владениям. 7 апреля 1946 г. в составе Российской Федерации была образована Кенигсбергская область, переименованная в июле того же года в Калининградскую.

«Отчет Калининградского отдела народного образования о работе школ области в 1946—1947 учебном году»¹ свидетельствует об огромных трудностях и значительной работе, которая была проведена для создания на разрушенной войной земле системы образования. Значительный интерес при этом представляет история становления не только образовательных учреждений для русского населения, но и школ для немецких детей.

В 1946—1947 учебном году в Калининградской области были организованы школы для немецких детей. Отделом народного образования области были поставлены следующие задачи: создать учебно-материальную базу для обеспечения учебного процесса, осуществить всеобщее обучение немецких детей, подготовить кадры, способные преподавать в данных школах, обеспечить контроль за деятельностью учителей.

При Калининградском ОблОНО были организованы месячные курсы, на которых прошли подготовку 150 будущих учителей. Программы обучения были переведены с русского на немецкий язык и разосланы по школам. Программа по родному языку была составлена на основании берлинской школьной программы. Учебный год в немецких школах начался с опозданием на 2—2,5 ме-

сяца по причине недостаточной подготовки школьных зданий. Занятия в школах проходили в сложных условиях: запаса топлива на зиму не было, в классах было очень холодно, занятия проводились в две смены, школьной мебели было недостаточно. И все же осенью 1946 г. 44 немецкие школы, из которых 8 семилетних и 36 начальных, с контингентом учащихся 4927 человек начали свою работу.

В конце первого полугодия две начальные школы объединились в одну по причине малочисленности учащихся, к концу учебного года учащихся было 3420 человек. Уменьшение численности учащихся было связано с болезнями детей, отсутствием продуктовых и хлебных карточек, трудным материальным положением, отъездом отдельных семей. Предпринятые отделом народного образования меры (снабжение учащихся продовольственными карточками и ордерами на промтовары, беседы учителей с родителями о необходимости посещения школы) должного результата не принесли.

Снизилась общая успеваемость: из 3420 учеников были переведены в следующие классы 2569 человек, 594 — оставлены на второй год и 255 имели осенние испытания. Причинами неуспеваемости, кроме вышеперечисленных, являлось и то, что некоторые дети определенное время не обучались в школе и были приняты в классы без соответствующих документов на основании устных справок детей об их возрасте; следует учитывать и то, что учащиеся бывших немецких школ по уровню обучения отставали на год от русских детей.

В школах обучение велось на немецком

языке, преподавались все учебные предметы, за исключением географии, истории, конституции, иностранного языка (французского или английского) и литературы по причине отсутствия педагогических кадров, владеющих немецким языком, а также из-за отсутствия учебников. Ученики 5—7 классов были обеспечены учебниками только по точным наукам, учебников по ботанике, родному языку не было. При изучении русского языка пользовались русскими букварями, которые не соответствовали учебникам для нерусских школ и затрудняли обучение. В 1—4 классах учебники вообще отсутствовали, поэтому пользовались учебниками по немецкому языку для 3-го класса русских школ. Постоянное использование этого учебника приводило к тому, что дети знали его наизусть, и он их переставал интересовать. Задачи по арифметике учителя составляли сами; в основном на уроках занимались счетом. Наглядные пособия изготовлялись самими учителями и учащимися, но применялись очень редко. При некоторых школах были библиотеки-передвижки, с небольшим количеством литературы.

Программный материал в 1946—1947 учебном году, несмотря на многочисленные трудности, был выполнен. На основании инструкции, переведенной на немецкий язык и разосланной по школам, с 20 мая во всех школах были проведены экзамены и испытания. Инспекторами немецких школ при ОблОНО были составлены билеты и письменные работы. Результаты экзаменов оказались удовлетворительными. Были выявлены недостатки в преподавании: недостаточная квалификация и уровень знаний самих учителей, слабое владение немецким языком, отсутствие методической литературы.

Двусмысленные числа

Предвоенные репрессии в армии — один из болезненных вопросов нашей истории. О них написано много, но опубликованная информация или касается частных вопросов, судеб отдельных людей или сводится к пересказу — бывает, неточному — немногих опубликованных документов. При этом часто возникает эффект «испорченного телефона».

И это не случайно: используемые документы допускают различную интерпретацию. Даже слово «репрессия» может иметь множество значений. От понижения по службе

В школах для немецких детей проводилась воспитательная работа. Изучались правила поведения учащихся, переведенные на немецкий язык. В праздничные дни проводились различные мероприятия, беседы, утренники. Все ученики знали наизусть и пели по-немецки «Гимн Советского Союза». Еженедельно проводились классные собрания по вопросам успеваемости, посещаемости и поведения, демонстрировались и обсуждались кинофильмы, проводилось коллективное чтение газет, большинство школ выпускало немецкую газету «Neue Zeit», которая издавалась в Калининграде. На летний период составлялся план мероприятий и работы в совхозах, проводилась подготовка к осенним испытаниям.

Контроль за работой школ со стороны РайОНО и директоров школ был неудовлетворительный, так как инспектора и завшколами не знали немецкого языка.

Таким образом, на начальном этапе становления образования в Калининградской области создавались школы для детей немецкого населения. Эти учебные заведения функционировали до отправки немецкого населения в Германию.

*И. Ф. Сябарева,
сотрудник Научной библиотеки
Калининградского государственного
университета*

Примечания

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО), ф. 462, оп. 2, д. 4, с. 82—86.

до ВМН (высшей меры наказания). Когда речь шла о руководителях высшего уровня, о наркомах и командармах, то «репрессия», как правило, хотя и не всегда, действительно означала ВМН. А поскольку в позднесоветские времена писали в основном об известных людях, то сложилась привычка подсознательно отождествлять понятия «репрессия» и ВМН.

Но когда речь идёт о десятках тысяч людей не столь высокого уровня, то слово «репрессия» уже не может трактоваться

только так. Более того, иногда даже совершенно недвусмысленное «приговорён к ВМН» нуждается в уточнении, поскольку бывало, что высшая инстанция отменяла приговор.

Другим источником путаницы является то, что иногда бывает непонятно, о каком промежутке времени идет речь в том или ином документе. Например, К. Е. Ворошилов сообщил, что «за три года — 1934—1936 включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадёжных, около 22 тыс. человек, из них 5 тыс. человек — как явные оппозиционеры»¹. Эти 5000 «явных оппозиционеров» в 1937 г. были явными кандидатами на ВМН. Но в то время проводилось известное различие между «оппозиционерами» и «контрреволюционерами», и не исключено, что среди оставшихся 17 тыс. были «явные контрреволюционеры», которых в то время тоже не миловали. Вопрос: не включена ли в тех или иных трудах какая-то часть из этих 22 тыс. в число командиров, репрессированных в предвоенные годы? Но об этих 22 тыс. редко вспоминают, потому что значительно больше внимания привлекают данные за 1937—1938 гг., когда репрессии в армии достигли своего максимума.

Третьим источником путаницы является то, что иногда бывает трудно понять, о каких категориях военнослужащих идёт речь. Почти наверняка взглянуть на составленную по архивным данным справку о «судимости военнослужащих кадрового состава РККА»². Согласно этому документу, за все виды преступлений к ВМН было приговорено в 1938 г. 52, в 1939 — 112 и в 1940 — 528 военнослужащих. Для сравнения полезно взглянуть на данные о репрессиях среди высшего комсостава, где указаны и даты вынесения приговора³. Только комбригов, комдивов и комкоров было приговорено к ВМН в 1938 г. более 52. Публикация справки предваряется замечанием, что эти данные неполны, так как помимо трибуналов существовали Особое совещание НКВД

и другие внесудебные органы. Но на эту оговорку внимания не обращают. Кстати, согласно этой справке, в 1936—1940 гг. перед военными трибуналами РККА за контрреволюционные преступления предстало 10 838 человек. Это число 10 838 вызвало недоумение у автора письма в редакцию «Вопросов истории»⁴, поскольку он встретил это число в книге, где оно было приведено без необходимых уточнений.

В целом же эти числа — 10 838 представших перед судом и особенно 52 военнослужащих, приговорённых к ВМН в 1938 г., показывают, как осторожно надо относиться к интерпретации чисел, даже взятых из подлинных документов.

А теперь, не забывая об источниках возможной путаницы, обратимся к документу, где наиболее полным образом собраны данные о репрессиях в армии. Это «Отчет начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. А. Щаденко» от 5 мая 1940 года. В этом отчете есть раздел «Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)»⁵.

Многие, взяв из этого документа данные о числе уволенных, не обращают внимания на данные о числе восстановленных. В результате создаётся преувеличенное представление о масштабе репрессий в армии. Другие, наоборот, не обращают внимания на оговорку «без ВВС». Отсюда — занижение масштаба репрессий. При этом не ставится вопрос — а не было ли помимо ВВС других служб, которые тоже не относились к компетенции Е. А. Щаденко? Не вспоминают почему-то о том, что в отчете Щаденко приводятся данные только по РККА, хотя в то время помимо РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) существовали также РККФ (Рабоче-Крестьянский Красный Флот) и многочисленные войска НКВД, подчинявшиеся своим наркоматам.

С учётом этих оговорок приведём взятые из Отчета Щаденко данные о числе уволенных из РККА за вычетом восстановленных в 1938—1939 гг. (См. таблицу.)

Мотивы увольнения	1937	1938	1939
а) арестованные	4268	3807	47
б) исключенные из ВКП(б) за связь с заговорщиками	6766	716	158
в) по директиве наркома от 24.06.38 (немцы, латыши, поляки и т. д.)	—	2219	—
г) пьяницы, расхитители и т. д.	1030	2350	215
д) за смертью, по инвалидности и по болезни	1933	937	1274
Итого	13997	10029	1694

Из ВВС, за вычетом восстановленных в 1937—1939 гг., было уволено 4724 командира. Упоминают также более 3000 репрессированных командиров ВМФ⁶.

Строка «итога» является суммой предыдущих строк. Значит, растратчики и пр. из строки «г)» не относятся к числу арестованных из строки «а)». Это вызывает недоумение, поскольку растрата является серьёзным уголовным преступлением и в то время сурово каралась. Можно предположить, что часть арестованных не подвергалась увольнению со службы и представляла перед военными трибуналами в качестве военнослужащих. Можно предположить также, что какая-то часть уволенных (строка «б») впоследствии была осуждена в качестве гражданских лиц. В любом случае правильно трактовать приведенные числа затруднительно, если не ознакомиться с документами, регулировавшими работу Управления по начальствующему составу РККА, порядок увольнения со службы арестованных и т. д.

Тем не менее обратим внимание на число уволенных по строке «д)» за 1939 год. Оно никак не увязывается с данными о потерях под Халхин-Голом — около 1000 командиров убитыми и на Финском фронте — 3300 командиров убитыми (без ВВС) в декабре 1939 года⁷. Удивляет большое число уволенных по строке «д)» в 1937 году. Возникает вопрос: не попала ли в ту категорию какая-то часть из подвергнутых ВМН. С другой стороны, если более 4300 убитых в боях не были отражены в данных за 1939 г., то нельзя исключить возможности, что и подвергнутые ВМН тоже не были отражены в данных за 1937—1938 годы.

Возникает также сомнение: отражены ли в отчёте Щаденко командиры РККА, переведенные на службу в другие ведомства. Как, например, И. Ф. Ткачев — начальник Гражданского воздушного флота, попавший в список репрессированных комкоров⁸. Есть косвенное указание на то, что таких было довольно много. В другом отчете Щаденко, от 20 марта 1940 г., сообщается, что в 1938—1939 гг. из сухопутных войск (а не из всей РККА) было переведено (список не полный) в Осоавиахим 2270, в Главвоенстрой 1013, в войска НКВД и особые отделы 1420, в гражданские оборонные наркоматы 355 командиров⁹. Если во время острой нехватки военных кадров в эти ведомства были переведены тысячи командиров, то при изучении репрессий в армии следует изучать репрессии и в смежных ведомствах.

Репрессии в армии не следует отделять от репрессий в войсках НКВД. В предвоен-

ные годы в СССР эти войска были весьма многочисленны, поскольку на них возлагались те функции, которые в других государствах возлагаются на гражданские или армейские структуры. К войскам НКВД относились и погранвойска. Об участии войск НКВД в оборонительных боях 1941 г. написано много, хотя эта информация и нуждается в дальнейшем серьезном анализе. Но в любом случае, если ставить вопрос о том, насколько предвоенные репрессии ослабили оборонную мощь страны, то следует учесть и репрессии в войсках НКВД, о чем известно еще меньше, чем о репрессиях в РККА.

Трудно оценить также масштаб репрессий 1930—1932 годов. Н. Н. Яковлев утверждал, что в то время «было арестовано свыше 3000 бывших офицеров и генералов царской армии, служивших в РККА, которые почти целиком погибли»¹⁰. Это число — 3000 — по-дозрительно велико и нуждается в проверке. Действительно, люди, ставшие офицерами до Февральской революции, не могли в 30-е годы командовать взводами и даже ротами: эти люди должны были относиться в основном к высшему и старшему комсоставу, не очень многочисленному в то время. Так что 3000 составляет неправдоподобно большой процент от него. Хотя, впрочем, данные о репрессиях 1937—1938 гг., даже документально подтвержденные, тоже выглядят неправдоподобно. С другой стороны, не исключено, что, получив какой-то срок в 1930—1932 гг., часть этих людей подверглась вновь и более суровым репрессиям в 1937—1938 гг., пополнив тем самым число командиров, погибших в 1937—1939 годах.

О предвоенных репрессиях в армии опубликовано мало точной информации. Более или менее точные данные собраны только о командирах уровня комбрига и выше¹¹. Но и этих данных мало для того, чтобы можно было делать определённые выводы. Бросается в глаза закономерность: чем выше воинское звание, тем выше процент погибших. Отсюда естественно сделать вывод — чем лучше шла служба у командира, тем выше были у него шансы на повышение и, благодаря этому, тем выше была для него вероятность гибели. Рассуждение вполне правдоподобное. Но имеющихся данных недостаточно, чтобы устранить возможные сомнения.

Поясним это на примере данных о комдивах. В 1936 г. их было 201. С 1937 по июнь 1941 г. было расстреляно 122. Кроме того, 9 погибли в местах заключения, 22 вышли из мест заключения живыми. Даны имена и краткие биографические сведения на 130 погибших¹². Имеется также список 22 вы-

живших, оканчивающийся «и др.». Это «и др.» наводит на мысль, что рассматриваемый список может быть неполным.

А поскольку нет данных о числе получивших звание комдива в 1937—1939 гг. то нельзя вычислить процент погибших. И нельзя утверждать, как часто делают, что из 201 комдива погиб 131. Вообще было бы весьма желательно собрать сведения о всех 201 комдивах, и погибших и уцелевших. Это позволило бы понять, насколько полны списки репрессированных, и, возможно, увидеть, какие группы командиров пострадали больше, а какие меньше. А поскольку среди 130 погибших комдивов, чьи биографии раскрыты О. Ф. Сувенировым, есть и те, кто служил в погранвойсках и войсках НКВД, то хотелось бы уточнить, что означает число 201? Был ли в 1936 г. 201 комдив в рядах РККА, или в это число включены и комдивы из НКВД? Относится ли это число — 201 — к началу или концу года? Существенное значение могли бы иметь более подробные сведения о выживших: сколько из них участвовало в войне и сколько освобождено только после войны. Имеются также сведения о 276 погибших полковниках¹³, но неясно, насколько полны эти данные.

Относительно военнослужащих в звании ниже полковника единственным более или менее полным опубликованным источником информации служит доклад Щаденко, хотя нельзя исключить, что в нем нет данных по некоторым категориям комсостава РККА. Нет в нем также данных по рядовому и сержантскому составу, в том числе и по курсантам военных училищ. Тем более этот доклад не дает информации о дальнейшей судьбе арестованных и уволенных командиров.

В 1989 г. в «Правде» появилась статья Г. А. Куманева¹⁴, где утверждалось, что «по архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова и Ворошилова санкцию на расстрел 38 679 военнослужащих». Здесь

возможно недоразумение, поскольку в другой работе приводится иная информация: «С 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова и Ворошилова санкцию на осуждение Военной коллегией (подчеркнуто мной.— И. Г.) к расстрелу 38 679 человек¹⁵. Автор статьи в «Правде», скорее всего, не учёл, что Военной коллегии Верховного суда СССР были подсудны и некоторые категории гражданских лиц. Так что это чудовищное число — 38 679 приговорённых к расстрелу — характеризует масштаб репрессий среди советской элиты, члены которой «удостаивались чести» предстать перед судом высшей инстанции в системе военной юстиции и которых нельзя было расстрелять без санкции первых лиц государства. Сколько же неизвестных капитанов и майоров было расстреляно по приговорам различных военных трибуналов, трудно оценить даже приблизительно.

И. И. ГОЛЬДФАИН

Примечания

1. Военно-исторический журнал, 1993, № 1, с. 61.
2. Там же, с. 59.
3. СУВЕНИРОВ О. Ф. Трагедия РККА. 1937—1938. М. 1998, с. 377.
4. Вопросы истории, 2001, № 2, с. 172.
5. Известия ЦК КПСС, 1900, № 1, с. 198.
6. Военно-исторический журнал, 1993, № 1, с. 58, 56.
7. Гриф секретности снят. М. 1996, с. 79, 102.
8. Военно-исторический журнал, 1993, № 5, с. 87.
9. Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 182.
10. БУЧИН А. Н. 17 000 км рядом с Г. К. Жуковым. М. 1994, с. 230.
11. СУВЕНИРОВ О. Ф. Ук. соч., с. 315.
12. Там же, с. 303, 384.
13. Там же, с. 306, 384.
14. КУМАНЕВ Г. 22-го, на рассвете...— Правда, 22.VI.1989.
15. КАРПОВ В. В. Маршал Жуков. М. 1999, с. 578.

К биографии эсера Архангельского

В протоколах заседаний ЦК партии социалистов-революционеров за июнь 1917 — март 1918 года (Вопросы истории, 2000, №№ 7—12) часто встречается фамилия В. Г. Архангельского, представителя правого течения партии. Судя по отсутствию в комментариях указания дат его жизни и смерти, публикато-

ры не располагают биографическими сведениями об Архангельском.

Василий Гаврилович Архангельский родился 1 марта 1868 г. в селе Микушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии. В 1878 г. он поступил в Самарское духовное училище. (В то время его отец служил диако-

ном в селе Узюково Ставропольского уезда.) После училища мальчик был принят в Самарскую духовную семинарию, а в 1888 г. поступил в Казанскую духовную академию, откуда после первого курса перевелся в Московскую духовную академию. Учился он блестяще и в 1892 г. окончил академию со степенью кандидата богословия. В его аттестате записано, что за трехлетнее содержание за счёт казны он должен отслужить 4,5 года в духовно-учебном ведомстве¹.

С ноября 1892 г. Архангельский — учитель Кикинской церковноприходской школы Дмитриевского уезда Московской губернии, а в январе следующего года синодским приказом был назначен преподавателем в Тобольскую духовную семинарию, где и вел уроки логики, психологии, философии и дидактики. В августе 1896 г. переведен в Симбирскую духовную семинарию, одновременно преподавал в Симбирском епархиальном училище и руководил образцовой школой при училище.

1 мая 1902 г. попечитель Казанского учебного округа назначил его инспектором народных училищ Ставропольского уезда Самарской губернии; с августа 1904 г. Архангельский — инспектор народных училищ 2-го района Новоузенского уезда той же губернии. 18 июля 1906 г. попечитель Казанского учебного округа отстранил его от должности за «вредное влияние на подведомственных ему учителей»², Архангельский получил отставку и уехал в Казань, где устроился литературным сотрудником в редакции газеты «Волжский вестник» (газета издавалась с 1901 года). В середине июня 1906 г. редактором-издателем «Волжского вестника» стала дворянка А. А. Знаменская, сторонница эсеров.

25 сентября 1906 г. казанские эсеры совершили покушение на вице-губернатора Кобеко: под его карету бросили две бомбы, из которых одна разорвалась и ранила вице-губернатора.

13 октября в Казани взлетела в воздух химическая лаборатория по изготовлению взрывчател. При этом погибли четыре террориста. Жандармам удалось установить личности троих из них. Это были студенты университета Сергей и Михаил Зефиры (сыновья крестьянина из Самарской губернии) и В. П. Васильев, убийца пензенского полицеймейстера. М. Зефирцов незадолго до взрыва являлся сотрудником «Волжского вестника».

Оказалось, что в тот день в помещении редакции «Волжского вестника» около 12 часов дня происходил сговор о покушении на начальника Казанского жандармского

управления полковника Калинина. В разговоре приняли участие сотрудник «Волжского вестника» Виктор Постников (студент ветеринарного института), секретарь редакции той же газеты чуваш Гавриил Федоров (студент ярославского Демидовского лицея), председатель боевой дружины Сидор Игнатьев (редактор чувашской газеты «Хыпар») и пришедший неизвестный. Тот объявил, что «все готово». Тогда Игнатьев произнес: «Значит, нужно послать сказать Зефирову, что начальник [жандармского] управления поедет сегодня около двух часов дня в крепость» (то есть в кремль)³. К Зефирову был послан какой-то мальчик, и скоро в его квартире во время изготовления бомбы произошел взрыв.

Ночью 16 октября сотрудников газеты арестовали. При аресте Архангельского в опись вещественных доказательств были внесены следующие вещи: часть мимеографа, написанное чернилами двумя почерками на трех отдельных листках писчей бумаги постановление съезда представителей партии эсеров на Северном Кавказе, брошюра «Программа партии социалистов-революционеров» и такая же по партии социал-демократов; листок бумаги с написанным почерком Архангельского конспектом статьи по аграрному вопросу. Начинаясь он словами: «Раздел земли между крестьянами...»; учебническая тетрадь в клеенчатом переплете с написанными рукой Архангельского конспектами. Между ними — «К программе социалистов-революционеров».

25 октября полковник Калинин по телеграфу запросил у самарских коллег сведения об Архангельском. На другой день был прислан ответ об отсутствии таковых.

27 октября арестовали и Знаменскую. Полковник Калинин сообщил пензенским жандармам: «Редактор-издательница газеты «Волжский вестник» Знаменская принимает живейшее участие в деятельности местной организации партии социалистов-революционеров, помогает ей деньгами, дает работу в газете всем приезжающим в Казань нелегальным, а в помещении редакции, при которой и квартира Знаменской, постоянно бывает сходка членов этой организации». 4 ноября он же доложил в Департамент полиции: «Каждый номер «Волжского вестника» был наполнен самыми зажигательными статьями, направленными к возбуждению умов населения, причем часто печатался чистейший вымысел о самом незначительном событии с одной предвзятой целью: подействовать на малоразвитого читателя и восстановить его против правительства и представителей местной администрации». 15 ноября Калинин

известил губернатора М. В. Стрижевского, что Знаменская, Архангельский, Г. Ф. Федоров, В. А. Постников принадлежат к местной организации партии социалистов-революционеров и до своего ареста составляли в Казани центр, возле которого группировалась вся организация. По словам жандарма, газета «Волжский вестник» — орган этой организации ⁴.

Архангельский обратился в Казанское жандармское управление с просьбой о разрешении ему общей прогулки. «Недостаток прогулки на свежем воздухе, — писал он, — всегда вызывал у меня сильные припадки мигрени, а в настоящее время я чувствую упадок сил, тем более что недавно произведенная мне глазная операция делает состояние моего здоровья особенно болезненным. Если жандармское управление не найдет возможным удовлетворить мою просьбу об общей прогулке, то я просил бы удлинения своей прогулки до того размера, каким пользуются политические заключенные в общих камерах». Калинин 18 октября сообщил начальнику тюрьмы, что Архангельскому разрешается общая прогулка.

13 декабря 1906 г. Архангельский пытался послать почтовую карточку владелице тверской мануфактуры М. П. Петровой. «В тюрьме я уже третий месяц, но за это время получил только одну открытку, — писал он. — Мне предъявлено обвинение в принадлежности к партии с.-р. и в пропаганде среди интеллигенции. Каких-либо фактов, подтверждающих обвинение, мне предъявлено не было, тем не менее я представлен к ссылке, и мое дело находится с 23 ноября в Департаменте полиции. Если не задержат в Петербурге, то к рождеству я получу возможность ехать в ссылку. Несмотря на экстренную обстановку, чувствую себя в общем ладно. Здоровье, хотя временами и хромает, все-таки в удовлетворительном состоянии. Ссылка меня не страшит. Настроение у меня спокойное. Живу в общей камере. Здесь же находятся и секретарь покойного «Вестника» и управляющий конторой. Редактор Знаменская — в одиночке. Все мы представлены к ссылке и думаем, что работа в «Вест-

нике» послужила главной причиной случившегося с нами недоразумения. Писем я не получаю, но для меня доходят слухи о друзьях, и я чувствую глубокую радость при сознании, что обо мне помнят хорошие люди. После моего ареста в Казани осталась совсем умирающей моя мать. Добрые люди взяли на себя заботу о ней. Живет она в здании учительского пансионата, и за ней присматривает Лариса Вас. Шихобалова» ⁵.

Прокурор Казанского окружного суда распорядился не отсылать эту карточку адресату якобы ввиду того, что в ней изложены сведения о ходе дела Архангельского и о содержащихся в тюрьме. В январе 1907 г. Архангельский, Федоров и Постников под конвоем были отправлены из Казани под гласный надзор полиции в Тобольскую губернию на три года, считая срок с 11 декабря 1906 года; Знаменская была выслана на три года за границу.

Где находился Архангельский после окончания ссылки в Тобольской губернии, неизвестно. Во время первой мировой войны Архангельский находился в ссылке в Иркутске. Вместе с А. Р. Гоцем издавал газету «Сибирь». После Февральской революции возвратился в Петроград. На III съезде партии эсеров (25 мая — 4 июня 1917 г.) Архангельский был избран в состав ЦК; редактировал газету «Земля и воля». Выступал за сотрудничество с кадетами.

*Г. А. Александров,
старший научный сотрудник Чувашского
государственного института
гуманитарных наук
(г. Чебоксары)*

Примечания

1. Государственный архив Самарской области, ф. 360, оп. 53, д. 17, л. 2.
2. Там же, л. 4.
3. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 199, оп. 1, д. 363, л. 54.
4. Там же, л. 57, 26, 40, 55, 75.
5. Там же, л. 82, 97.